ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ФАНТОМНАЯ ПАМЯТЬ

Annotation

Молодая женщина, задыхаясь, бежит сквозь грозу. На ее ладони вырезано: «Пр вернулся». Она не знает ни какой сейчас день недели, ни какой месяц. Думает, что ее мать жива, а та давно покончила с собой. Люси Энебель, лейтенант полиции, пытается понять, кто эта женщина, что значат слова, вырезанные на ее коже, и откуда у нее на запястьях следы веревки. Ключ к разгадке следует искать в памяти героини, но воспоминания у нее исчезают скорее, чем следы на песке под волной прибоя… Четыре минуты – ровно столько отпущено любому воспоминанию. Потом все стирается.

Впервые на русском триллер Франка Тилье «Фантомная память».

- Франк Тилье
  -
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- Эпилог
- К читателю

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

Франк Тилье
Фантомная память

Frank Thilliez
LA MÉMOIRE FANTÔME
Copyright © Le Passage Paris – New York Editions, Paris 2007

© М. Брусовани, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Тристану

Это скверная память, которая работает только назад.

Льюис Кэрролл

Пролог

Говорили, будто их всех убил он. Женщину, четырехлетнего ребенка, всех, кого на протяжении нескольких лет находили повешенными. Из поколения в поколение молва распространялась, искажалась, ширилась. И никогда никаких доказательств, ничего достоверного. Одни подозрения – не больше. Утверждали даже, что по ночам его снова посещают призраки, что якобы кто-то видел, как на верхнем этаже пляшут странные огни. Рассказывают, что делались попытки разрушить здание с помощью бульдозеров, но всякий раз машины непостижимым образом ломались. Любая попытка сровнять его с землей долгие годы заканчивалась ничем.

Еще неделю назад Салима посмеивалась над этой несусветной чушью. Еще накануне она в нее не верила. Но теперь, оказавшись перед заброшенным домом между Эмом и Рубе…

– Быстренько сфоткай, и валим отсюда, о’кей?

Александр прижал ее к ограде, пытаясь поцеловать, как на школьном дворе.

– Только не дрейфь, ладно?

– И вовсе я не боюсь. Но чем скорее, тем лучше. Ты ведь знаешь мою маму…

Они перелезли через ограду с северной стороны, воспользовавшись наваленной прежними охотниками за привидениями кучей железяк и сучьев, и приземлились в зарослях крапивы и колючих кустарников.

Салима выпрямилась. На черном ночном небе вырисовывались терзаемые ветром кипарисы. А за ними – словно застывшее каменное холодное строение, какое же холодное… Пальцы девушки впились в куртку приятеля.

Они двинулись вперед и не без труда вскарабкались на одно из немногих незаколоченных окон.

Внутри только хруст битого стекла под ногами. Парень включил фонарик.

– Пустые бутылки, – шепнула Салима.

– И шприцы. Я знал, что призраки ширяются. Скажи, это слегка разрушает миф.

Александр посветил вокруг. Мерзкое помещение с ободранными обоями, заплесневелые от сырости стены. Никакой мебели, даже кровати – только продавленный матрас в пятнах мочи.

– Тут была комната того парня. Здесь мать нашла его окоченевший труп. Вот прямо где ты стоишь!

– Заткнись, блин! Вовсе не обязательно знать, где именно!

Александр мгновенно зажал фонарик в зубах и сделал несколько кадров на цифровой фотоаппарат.

– Завтра вывешу в своем блоге. В школке все позеленеют от зависти. Пошли! Сначала проверим первый этаж.

Дочь арабских эмигрантов Салима, с тщательно заплетенными длинными косами, напряглась:

– Зачем? Не надо! Все заколочено, оттуда не выйти! Если нам придется…

– Что придется?

– Я… Не знаю… Убегать, например! Блин! Между прочим, здесь странные дела происходили!

Александр вскинул голову и пожал плечами:

– Если хочешь, оставайся здесь, трусиха. А я спущусь…

Она вцепилась в него:

– Почему последнее слово вечно остается за тобой, придурок!

Они двинулись вниз по лестнице. Повсюду царила ледяная мгла. Разыгравшееся воображение девочки рисовало самые ужасные картины. Она видела, как ее рук касаются костлявые пальцы, на мгновение возникают и тут же тают во тьме и пламени лица. Да, этот дом дышал, где-то тут билось его сердце. Александр впервые так горячо ответил на объятие подружки.

Теперь парню тоже стало не по себе, хотя ему уже стукнуло семнадцать. А вдруг сейчас, как рассказывают, стены начнут сочиться черной, как виноград, кровью?

Да нет, не может быть. Просто болтают.

Они оказались в круглом помещении с заколоченными окнами. Здесь пахло затхлостью, селитрой, сыростью – как из вонючего подвала. На разбитом плиточном полу валялись мешки гипса, штукатурки и строительные инструменты. Мастерки, лопаты, зубила, пилы, заступы. Салима зажала нос шарфом. В ее голове пронеслось жуткое видение – осколки черепа, разбитого молотком.

Раздался треск электрического разряда, и перед ней белым огнем ослепительно полыхнула вспышка. Александр вертелся во все стороны, постоянно щелкая фотоаппаратом, который высвечивал то осколки разбитого зеркала, то щербатые тарелки, то подсвечник в форме звезды с оплавленными огарками свечей.

Вдруг Александр замер. От его самоуверенности молодого петушка не осталось и следа.

Прямо перед собой, на полу, он увидел до краев наполненную красной жидкостью посудину.

– Блин!

Он нагнулся.

– Кажется, это…

В соседней комнате раздался треск. Потом послышался грохот, будто что-то упало и взорвалось.

Кто-то. Или что-то.

Александр отпрянул и налетел на подружку. Его охватила паника. Внезапно затылок юноши похолодел от липкого прикосновения.

Страх сковал его. Он приложил ладонь к уху, и его пальцы покрылись красной пленкой.

Капало прямо с потолка.

Кровь.

Салима сдавленно вскрикнула и навзничь рухнула на лестничной площадке. Ее приятель уронил фонарь, который покатился к стене. Прерывисто дыша, он помог девушке подняться.

Они со всех ног бросились наутек, а в это время в помещении медленно распрямилась какая-то тень и двинулась к середине зала. Фигура в черном капюшоне подняла забытый фонарь и направила его луч вверх.

Произведение близилось к завершению. Математический хаос, очерченный совершенством круга.

Луч фонарика нашарил змеящиеся надписи, состоящие из сотен цифр. Ими был покрыт каждый квадратный сантиметр штукатурки.

Рука в перчатке погрузила кисть в таз. Цифр недостает, их требуется гораздо больше. На всю стену. До самого пола.

Нужно окончательно решить участь следующей жертвы.

Внезапно, когда вязкое вещество растекалось по стенам, лицо под капюшоном странно побледнело.

Темная фигура чего-то испугалась и, прежде чем исчезнуть, торопливо приписала: «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева».

1

Месяц спустя

Дворники безуспешно пытались справиться с потоками воды, обрушивающимися на ветровое стекло «мерседеса». Сотрясаемые чудовищными порывами ветра деревья, казалось, вот-вот упадут на машину.

Ален пригнулся к рулю и почти уткнулся носом в приборный щиток. Он вообще ничего не видел.

Продуть в казино Сент-Аман-лез-О, а теперь еще попасть в самую страшную за последние сто лет бурю! Ну что за лох! Оставшиеся километры до Валансьена, похоже, будут трудными.

Он снова сбросил газ. Поганый прогноз. До конца недели обещали ливневые дожди с очень сильными грозами.

Внезапно его лицо исказила ужасная гримаса. Нога вдавила в пол педаль тормоза, сработала блокировка задних колес, разлетелись снопы брызг. «Мерседес» замер в нескольких сантиметрах от огромной, упавшей на дорогу ветки. Другие ветки и сучья с пугающей скоростью проносились мимо в ярком свете фар.

– Не может быть!

Ален вывернул руль и торопливо дал задний ход. Стоит сейчас появиться какому-то автомобилю – и конец!

В этот момент раздался глухой удар в окно с пассажирской стороны. Ален вздрогнул.

Поначалу он решил, что машина что-то задела. Но нет, это были чьи-то ладони… кто-то прижимал руки к стеклу.

Ален вцепился в руль. В темноте он разглядел какое-то лицо. Охваченный диким ужасом, он включил первую скорость.

Валить отсюда, и как можно быстрее.

Снаружи раздался крик, слившийся с завываниями стихии.

Там, прямо перед ним, в свете фар, прижав руки к коленям, стояла черная от грязи женщина. Она мотала головой, пытаясь уклониться от бьющих ей прямо в лицо порывов ветра и дождя. По испуганному взгляду, по тому, как неровно вздымалась ее грудь, Ален понял, что она умоляет его вырвать ее из этой преисподней.

Она выскочила из подлеска. В кроссовках и спортивном костюме.

Алену не хотелось покидать свое железное укрытие. А если это ловушка? Упавшая поперек дороги ветка, пустынное место, отсутствие свидетелей… Однако он все же разблокировал дверцу и вышел, держа куртку над головой. Чтобы устоять под порывами ветра, ему пришлось пригнуться. В доли секунды он промок насквозь.

– Мадам, вы…

– Где мы? Скажите, где мы! – задыхаясь, выкрикнула незнакомка.

Вода лилась по ее лицу и затекала в рот. Было заметно, что силы ее на исходе.

– Недалеко от Валансьена, но…

– Валансьен? Что это значит?

Она раскрыла ладонь, и Ален увидел глубокие раны, забитые запекшейся кровью и землей. Она воскликнула:

– В Лилль… вы должны… отвезти меня в Лилль! Прошу вас! Отвезите меня в Лилль!

2

Стук в дверь.

Люси Энебель посмотрела на часы. Почти половина одиннадцатого. Кто мог стучать в столь позднее время? Она поднялась, стараясь не потревожить сон близняшек, тесно прижавшихся друг к другу в тепле дивана, отодвинула засов и открыла.

Два вымокших парня. Студенты из нижней квартиры. Жером и Энтони.

– Мадам! Вы должны спуститься и посмотреть! – проговорил совершенно обескураженный Жером. – Мы возвращались из «Сомбреро»! И вдруг буквально в пятидесяти метрах отсюда – женщина! В жутком состоянии! Она хотела подняться, но совершенно обессилена. Пойдемте!

Люси вздохнула. Соседи вечно беспокоили ее по малейшим пустякам.

– Надо вызвать пожарных. Или полицию.

– Но ведь вы и есть полиция!

Люси красной резинкой стянула на затылке светлые волосы и возразила:

– Но я сейчас не на службе; на улице страшная гроза, и я не собираюсь таскаться на каждую семейную разборку или ДТП. К тому же после работы я имею право на личную жизнь. У меня на двери ведь не написано «Первая помощь», правда?

Люси хотела закрыть дверь, но Жером вставил в щель ногу.

– При чем тут ДТП? У бедняжки на запястьях следы веревки! Она вся в грязи! И не знает, какой сегодня день… Можно подумать… Можно подумать, она уже несколько месяцев просидела в темноте!

Лейтенанта полиции охватили сомнения. Полицейский значок H24. Ее долг помогать тем, кто попал в беду.

Люси обернулась и посмотрела на детей. Вечная дилемма каждой матери. Что делать с малышками? Снова бросить? А ее обещание: «Больше никогда по ночам»?

Слишком поздно вызывать няню.

– Говоришь, в пятидесяти метрах отсюда?

– Даже меньше… Здесь… Совсем рядом!

Засвидетельствовать, вызвать группу, если потребуется, и вернуться. Всего несколько минут, и она вернется. До чего же она ненавидела вот так оставлять их. Бесконечные отлучки, изматывающие засады… Пора с этим

заканчивать.

– Ладно, о’кей. Тогда один из вас останется здесь, с моими дочками. Ты, Энтони?

Робкий, как монашка, молодой человек молча кивнул. Этот прыщавый любитель гамбургеров и электронных схем был представителем последнего поколения студентов. Люси знала, что он парень серьезный, учится на инженера. Не слишком подходит для роли папаши, но вовсе не дебил, так что сможет приглядеть за двумя четырехлетними девочками.

Люси поспешно вернулась к компьютеру, открытому на сайте знакомств, и выключила его. Затем натянула старую непромокаемую куртку, потертые грубые кожаные ботинки, сунула книги и документы в угловую тумбочку и быстрым взглядом окинула комнату. Ящики, дверцы шкафов – все закрыто. Если не считать раскиданных по полу кукол и игрушек, все чисто и прибрано.

– Пожалуйста, ничего не трогай. Не забудь, я полицейский, а у полицейских есть нюх. Я могу тебе доверять?

Энтони кивнул и растянулся в кресле лицом к близнецам.

– Да, и спасибо тебе, – добавила Люси.

– Если однажды у меня подскочит давление…

Не медля больше, Люси шагнула за дверь, в завывание грозы. И в нарушенное величие весенней ночи.

3

Молодая женщина, скрючившись, лежала в вестибюле общежития «Сен-Мишель», в самом центре квартала, где располагались знаменитые институты Лилля: ISEN[1], ICAM[2], HEI…[3] Студенты только что принесли ей одеяло и чашку горячего шоколада, к которой она не притронулась. Искаженное страхом лицо, всклокоченные черные волосы, промокшая одежда… Своей звериной настороженностью и замкнутостью она напоминала испуганное загнанное животное.

Хотя женщина тесно прижала руки к груди, Люси, приблизившись, сразу заметила на ее запястьях глубокие следы веревок. Люси встряхнула зонтик и присела рядом с ней на корточки:

– Ничего не бойтесь. Я из полиции.

Незнакомка попыталась подняться, но Люси удержала ее, положив руку ей на плечо:

– По всему видно, вам сильно досталось. Так что лучше сидите, пока мы занимаемся вами.

Она осторожно приподняла штанину спортивного костюма. Женщина скривилась:

– Больно!

– Простите…

Такие же следы веревки на щиколотках, кожа стерта почти до крови. Люси обернулась:

– Кто-нибудь вызвал «скорую»?

Вместо ответа все отрицательно покачали головой.

– Я позвоню, – вызвался Жером, прежде чем лейтенант Энебель успела вынуть свой мобильник.

– Скажешь, что у нас потерпевший, женского пола, тридцать – тридцать пять лет, требуется доставка в неотложку СМЭ.

– Куда?

– В отделение неотложной помощи судебно-медицинской экспертизы. Она в сознании, реакции сохранены, но, безусловно, подверглась жестокому обращению или насилию. Сообщи, что на месте работает лейтенант межрегионального управления судебной полиции Энебель. И скажи, чтобы поторапливались, о’кей?

– Понял, – ответил Жером, прижав телефон к уху.

Молодая женщина приходила все в большее возбуждение, ее пальцы

впились в одеяло.

– Мать! Надо предупредить мою мать! Мари Муане, ее зовут Мари Муане. Кан, бульвар Маршала Леклерка, 282. Да, Кан. И еще… И еще брата! Фредерика Муане! Тупик Вашэ, Старый Лилль! Прошу вас, пожалуйста!

– Мы предупредим их, но сейчас самое главное – это вы. Как вас зовут?

– Манон. Манон Муане. Мы в Лилле?

– Да. Я…

– Вы… Вы должны отвезти меня домой. По адресу моего брата. Немедленно! Умоляю вас! Мне необходим мой аппарат! Мой аппарат!

– Какой аппарат?

Не отвечая, женщина попыталась вцепиться в Люси, которая спокойно перехватила ее руки и нащупала рану на левой ладони.

– Послушайте меня, Манон. Я Люси Энебель, лейтенант полиции. Вам больше нечего опасаться, скоро вы вернетесь домой. Но прежде необходимо поехать в больницу, чтобы вас осмотрел врач. Это обязательно в тех случаях, когда мы подбираем людей с симптомами дезориентации. Понимаете?

– Да-да, отлично понимаю, только…

– Они будут минут через десять, – вмешался Жером.

– О’кей, – ответила Люси. – А пока, Манон, расскажите мне, что с вами случилось.

Люси повернула руку Манон, чтобы осмотреть рану. Запекшаяся кровь. Она пригляделась. Ладонь была искромсана. Ей удалось прочесть: «Пр вернулся».

Люси резко вскинула голову и спросила:

– Кто это сделал?

Манон отвела глаза, а потом воскликнула:

– Часы! Мои часы пропали. Какой сегодня день? Какой день? Скажите мне!

– Пять минут назад она нас уже спрашивала, – сказал один из студентов.

Люси знаком попросила собравшихся отойти и помолчать.

– Сегодня вторник. Но не волнуйтесь, ладно?

– Вторник… Вторник… Хорошо… февраль… 2007 год, верно? Скажите, верно?

У них за спиной перешептывались. Люси и глазом не моргнула. Профессиональный навык. Не следует еще больше пугать бедняжку.

– Сейчас апрель. Конец апреля…

– Боже мой! Апрель. Уже апрель…

Несколько мгновений Манон пребывала в прострации и вдруг стремительным движением схватила свою собеседницу за воротник куртки:

– Расскажите мне, что произошло! Что я здесь делаю? Кто эти люди? Почему они смотрят на меня? Ответьте! Пожалуйста!

Она уже кричала. Люси высвободила воротник куртки из ее пальцев и слегка отодвинулась. Этой женщине явно место в психиатрической лечебнице.

Люси неспешно продолжала:

– Прохожие видели, как вы бродите по бульвару Вобан. Вся в грязи, даже волосы. Они заметили, что вы совершенно обессилены, и несколько минут назад подобрали вас. Вы не помните?

Манон бросила беспокойный взгляд на группу студентов:

– Столько лиц… Слишком много народу. И все незнакомые. Мадам, пусть они уйдут.

Люси повернулась к зевакам:

– Ну что же, всем спасибо за помощь, очень любезно с вашей стороны. Но… сейчас уже приедет «скорая», а вам пора расходиться по домам. Чашку с шоколадом можете забрать… А одеяло мы оставим где-нибудь здесь. Жером, сходи и предупреди Энтони, что я, похоже, еще немного задержусь. Пусть как следует заботится о моих дочках.

В толпе недовольно заворчали, принялись перешептываться, но никто не двинулся с места. Однако, когда из кармана промокшей куртки показалось трехцветное полицейское удостоверение, все повиновались.

Оставшись наедине с Люси, Манон заявила:

– Мне нужен врач. Врача, пожалуйста. Я хочу знать. Я должна знать, не прикасался ли он ко мне. Мадам, доктора. Скорей.

– Не волнуйтесь, сейчас мы поедем в отделение неотложной помощи. О вас позаботятся, защитят вас, хорошо?

– Должно быть, вы принимаете меня за слабоумную. Я уверена. Но… Как бы вам объяснить. Это противоречит всякой логике.

Люси снова придвинулась поближе к Манон и осторожно погладила ее по спине:

– А что, если мы начнем с самого начала? Кто-то удерживал вас против вашей воли?

– Он. Точно он. Я уверена.

– Кто это – «он»?

– А вы не знаете? Я вам еще не сказала? Профессор! *Профессор!*

– Какой профессор?

Казалось, Манон озадачена подобным непониманием очевидного. Она окинула Люси презрительным взглядом:

– Вы из полиции – и задаете мне подобный вопрос? Как вы можете не знать? Это просто немыслимо. Да вы точно его знаете. Профессор!

Она вытерла нос рукавом, а потом устроилась поудобнее, подтянув колени к груди.

– Он никогда не оставлял своим жертвам ни малейшего шанса. Никогда. Почему он меня пощадил? Это не соответствует обычной логике его действий! В этом нет никакого смысла! Улавливаете, о чем я?

Люси кивнула. Молодая женщина употребила выражение «логика действий», профессиональный термин. Она из полиции?

– Профессор… Вы хотите сказать – убийца? – спросила Люси.

Манон внимательно рассматривала надрезы у себя на ладони.

– Или же… Или же, может быть, я его убила… Да… Мне удалось, я наконец нашла его и убила. Собственными руками. Вполне возможно. Да-да, это было бы логично. Все эти годы…

Она буквально кипела от ярости, казалось, ее кожа вот-вот лопнет и все ее страдания вырвутся наружу. Люси отметила, что у женщины на лице непроизвольный тик, напряжены все мышцы и ее сотрясают нервические судороги.

Какие ужасные страхи испытала эта женщина? Профессор, возвращение… Люси не удалось сдержать дрожь.

Позади неожиданно громко хлопнула дверь. Манон вздрогнула. Затем ее руки вновь безвольно повисли вдоль тела, и она принялась разглядывать вестибюль, почтовые ящики, одеяло. Потом выпрямилась, порылась в карманах и испуганно обратилась к Люси:

– Мадам?

Люси, поджидавшая «скорую», откликнулась не сразу:

– Да?

– Какого черта я здесь делаю? И кто вы такая?

4

Люси устроила Манон на заднем сиденье полицейского автомобиля «скорой помощи». Ей удалось дозвониться до Энтони. Уже предупрежденный Жеромом, он легко согласился побыть с малышками Люси до ее возвращения.

Энебель частенько приходилось работать с полицейскими медиками, но с ночными бригадами все реже и реже. Она впервые встретилась со старшим капралом Тибером, который был за рулем, и его коллегой Мальфейем. Двое здоровяков с плечами регбистов-хавбеков, гроза улиц, фанатично преданные профессии.

Прежде чем тронуться с места, Тибер запустил дворники на самый быстрый режим.

– Эта погода – что-то невообразимое. Никогда такого не видел.

Взглянув в зеркало заднего вида, он нажал на газ.

– Ну и какие подробности?

Манон знобило. Откинувшись в темноте на спинку сиденья, она прикрыла глаза и в изнеможении задремала.

– Ничего не знаю, – понизив голос, ответила Люси. Она промокала волосы полотенцем. – Похоже на похищение: очень глубокие следы веревки на запястьях и лодыжках.

– Ого!

– Вот именно. У нее жуткие проблемы с памятью. Ничего не может вспомнить, даже какой сейчас год.

– Амнезия?

– Скорее травматический шок. Она знает свое имя и адрес. Но в голове у нее все перемешалось, говорит очень быстро и все путает. Например, утверждает, что ей тридцать два года и тут же добавляет, что надо покормить ее собаку Мирту.

– Чертовски обостренное чувство приоритетов.

Тибер сунул в рот ментоловую пастилку от кашля и предложил Люси. Та отказалась.

– Черепно-мозговой травмы, синяков, кровоподтеков нет? – спросил он.

– Во всяком случае, видимых нет. Однако посмотрим, что покажут результаты осмотра. Человек не помнит своего похитителя, обстоятельств похищения – ничего хорошего ждать не приходится.

– ГОМК?[4]

– Понятия не имею.

Люси осторожно приложила ладонь ко лбу Манон. Жара нет.

– Она обессилена, будто лет сто не спала. Какой подонок мог привести ее в такое состояние?

– Такой же, как тот, кто до смерти избивает жену или насилует собственную дочь. Буквально вчера вечером такой случай произошел в Вазанме. Ведь правда, Мальфей?

– Ага, – кивнул капрал. – Той девчонке обеспечен месяц в больнице. У нее челюсть раздроблена дном бутылки.

Люси помолчала.

– Я позвонила в центральную картотеку, они проверят ее личные данные, – продолжала она. – И попытаются сообщить матери, которая живет в Кане. Во всяком случае, если верить ее словам.

Тибер включил вентиляцию на полную мощность. Стекла запотели, и он едва различал дорогу.

– А что за кровавая корка у нее на ладони? – Повернувшись к Люси, спросил Мальфей.

– Жуткая штука. Ее просто искромсали. Каким-то острым предметом вырезали фразу: «Пр вернулся».

– Не может быть… Так жутко изуродовать! А кто это – «Пр»?

– Понятия не имею. Она что-то говорила про Профессора… Серийного убийцу, действовавшего четыре-пять лет назад…

Все умолкли. Только мертвая тишина и дождь.

Наконец Мальфей произнес:

– И вы ей верите?

– Главное, я верю, что эта женщина в шоковом состоянии… Взять хотя бы надписи на ее ладони, она же их не выдумала.

Рядом с ней Манон дышала все громче и громче.

– В любом случае это вызвало помрачение рассудка, – продолжала Люси. – Она не помнит, откуда пришла, не знает ни кто ее похитил, ни какой сейчас месяц. Зато без конца твердила мне про Профессора. Как будто он один заполнил всю ее память. Очень странно.

– Да уж, чертовски странно. С нашим Охотником получается, что во Франции теперь уже одновременно орудуют двое психов, зацикленных на рыжеволосых девушках. Может быть, эта женщина – дурное предзнаменование…

Люси подняла воротник куртки. Потом, не отвечая, прижалась лбом к стеклу и принялась вглядываться в потоки воды за окном. Справа порт

Лилля, его длинные пакгаузы. Мост, шоссе A25 и взрывающиеся кровавыми лепестками под дождем красные стоп-сигналы грузовиков.

Как бы она ликовала лет пять назад, приступая к расследованию такого дела, считала бы, что эту женщину ей просто Бог послал…Похищение, призрак рыщущего поблизости психопата… Возможность наконец проявить то, ради чего она изводила себя с подросткового возраста, десятками поглощая книги и фильмы ужасов, где рекой лилась кровь. Но лелеять зло в своей душе…[5] Она дала себе клятву: «Такое больше никогда не повторится».

Люси подняла голову. Перед ней в струях дождя высился ярко освещенный больничный корпус. Преддверие познания тела. Квадратные километры, предназначенные для болезни, изучения, медицины. Кардиология, неврология, психиатрия… В этом лабиринте зданий полицейские лучше всего знали один маршрут. Отделение неотложной судебно-медицинской помощи, подземный этаж клиники имени Роже Салангро. Изнасилования, физическое насилие, наркотики, нанесение увечий… Все под охраной: жертвы и преступники не должны встречаться.

Автомобиль припарковался рядом с машинами «скорой помощи», в защищенном от дождя месте под навесом. Капралы уложили Манон на носилки.

– Даже не просыпается! Она в полной отключке!

– Поторапливайтесь!

Они бегом доставили ее в приемный покой.

К ним бросилась медсестра, следом за ней – интерн. Профиль как лезвие бритвы, круглые очки в зеленой оправе. Доктор Флавиан.

– Месье… Лейтенант Энебель! Вы вернулись? Соскучились по ночной обстановке?

– По обстановке – нет, по вам – да.

Не моргнув глазом, Флавиан снял очки и принялся тщательно протирать стекла. Две вмятинки у него на переносице свидетельствовали о бесконечном рабочем дне, наполненном зрелищем внутренних органов и крови.

– Где направление?

– Я сейчас же подготовлю вам документы, – ответила Люси. – Это дело свалилось на меня как снег на голову. Сейчас главное – эта женщина.

– Как снег на голову?

Доктор пожал плечами, медсестра вместе с носилками исчезла за автоматической дверью.

– Вечно у вас одна и та же песня, – вздохнул врач «скорой помощи». –

В термине «судебно-медицинский» есть слово «судебный». Вам хотя бы известно его значение?

Люси контролировала себя, хотя Флавиан уже начинал бесить ее.

– Я вас подожду, доктор… И угощу вкусным кофе, как только вы закончите. Позаботьтесь о ней хорошенько.

– Вкусным кофе, так-так…

Уходя, он, не оборачиваясь, добавил:

– И не забудьте про мои бумажки, иначе никакого свидетельства.

– Мало кому удается задобрить его, – заявил Тибер. – Следовало бы нанимать в полицию побольше женщин. Это облегчило бы работу…

– Едва ли.

Он встряхнул ключами от машины:

– Мы свободны?

– Да, уезжайте. Я останусь с ней. Надо, чтобы кто-то был рядом, когда она проснется.

– А как вы вернетесь?

– Договорюсь с машиной «скорой помощи». Спасибо, ребята.

Прежде чем заняться бумажной работой, Люси вышла на крыльцо, чтобы позвонить. А ведь она рассчитывала на тихий вечер… Пожалуй, он не удался. Но, вопреки всему, ей это даже нравилось. Люси задумалась о своих дочерях, оставленных на Энтони. Женщина-полицейский и мать – равновесие было таким шатким, его так легко нарушить.

Нет-нет, – думала она, – только начну расследование, потом свалю его на кого-нибудь и исчезну. Сделать свою работу, не более того. Ее начальство в курсе, что она мать близнецов, и достаточно покладисто, если только полицейское начальство способно быть покладистым.

По возможности избегать ночной работы. Она обещала…

Люси достала мобильник и открыла меню в поисках нового номера дежурной части. Это ж надо – быть не в состоянии запомнить жалкую комбинацию из десяти цифр… Чертова память, чертов возраст – тридцатник, проклятие, уже старость приближается.

Перед ее глазами замелькали имена. Амели, Корина, Ева, мама… Пьер… Пьер Норман… Коллега, друг, любовник. Ее полицейский с огненно-рыжей шевелюрой, фанат ее родного Дюнкерка… Однако три года назад так стремительно упорхнувший в Марсель, когда она готовилась к конкурсу на звание лейтенанта… У Люси вечно не хватало времени стереть его номер. А может, она просто не хотела?

Она прикрыла глаза. Комиссариат Дюнкерка, на набережной… Ее тесный кабинет на втором этаже, напротив вечной стоянки трехмачтового

парусника «Герцогиня Анна». Соленый запах яхтенного порта… Лилль совсем другой, такой изысканный. Жемчужина среди угольных шахт.

Люси глубоко вздохнула и нажала «удалить».

– Пока, комиссар Пьер Норман, – прошептала она под раскаты грома. – Попутного ветра в паруса, ты так далеко от нас…

Она набрала номер дежурной части межрегионального управления судебной полиции. И, едва там сняли трубку, спросила:

– Что нового по Манон Муане?

– Ничего себе, я как раз собирался вам звонить! – ответил дежурный офицер судебной полиции Грё. – Учетной карточки на нее нет, зато есть два очень странных факта. *Primo*, информация от оперативного подразделения комиссариата полиции: туда явился совершенно обезумевший мужик. Утверждает, что километрах в сорока отсюда, недалеко от Рема, подобрал женщину, которая бродила по обочине!

– Манон Муане?

– Да, она назвалась этим именем! Якобы она попросила отвезти ее в Старый Лилль, потом затеяла драку, а у въезда в город, в районе Бетюнских ворот, и вовсе выскочила из машины на красном светофоре.

– Оттуда же еще черт знает сколько топать пешком до бульвара Вобана.

– Особенно в такую грозу. А мужик, как полный идиот, смотрел, как она уходит. Он оказал ей помощь, а она ему вмазала. Похоже, он вообще не понял, что происходит.

– Он все еще в восемьдесят восьмом?

– Наши коллеги хотят задать ему парочку вопросов.

Люси отступила на несколько шагов, чтобы укрыться от дождя под козырьком крыльца.

– Перезвони им и попроси подержать его еще! И предупреди комиссариат или жандармерию Рема, чтобы были наготове! Может кто-нибудь заменить тебя в дежурке?

– Малуда.

– О’кей. Подключай напарника, мы должны туда поехать. Муане шла пешком, значит это близко от места предполагаемого заточения. Мужик из восемьдесят восьмого сумеет отвезти тебя туда. Действовать надо очень быстро! Я попробую поймать «скорую», чтобы меня подбросили. Надеюсь приехать через десять минут. Если нет, вы рулите без меня, лады?

– Лады. Но подождите, не вешайте трубку! У меня есть еще мутная фигня, касающаяся этой Муане.

Грё выдержал паузу.

– Ну? Ты чего ждешь-то? – взорвалась Люси.

– Это касается ее матери, Мари Муане. Вы передали мне ее телефон, в Кане… Я позвонил. Мне ответил мужчина.

– Отец?

– Не совсем. Новый владелец дома.

– Как?

– Мари Муане вот уже три года не проживает по этому адресу.

– Что за черт! Можно подумать, что в этой истории и без того мало сложностей. Но ведь эта Манон сама мне его назвала! А тебе удалось установить нынешний адрес ее матери?

– Ну да… Бульвар Усопших…

– Чего?

– Бульвар Усопших, чего-чего! Кладбище! Она умерла почти три года назад.

– Три года? Не говори ерунду. Ее дочь только что требовала связаться с ней!

– Она унеслась на небеса прямиком из психушки. Восьмого июля 2004 года.

Люси разъединилась. Она вообще ничего не понимала. Похоже, ночь будет долгой.

И внезапно ее снова накрыло чувство вины. «Доченьки мои, избегать ночных дежурств. Я же обещала…»

Люси достаточно было позвонить дежурному офицеру и вернуться домой. Комиссару это бы не понравилось, но он бы понял. Эта Энебель, лейтенант из Дюнкерка, ходила у него в любимчиках.

«Твои девочки – Манон. Манон – девочки. Ну же, быстро принимай решение».

Люси бросилась в больничный вестибюль. Навстречу торопливо шел Флавиан.

– Есть у вас минутка? – обратился он к ней.

– Послушайте, я…

Она на секунду умолкла.

– Мне позвонили. Я должна как можно скорее уехать в Рем, вашу пациентку видели там, она бродила по обочине шоссе. Я сейчас пришлю своего коллегу, чтобы он следил за ней.

Флавиан поднял руку, чтобы остановить ее:

– Думаю, вам следует отложить свою поездку.

– Что происходит? Что-то с Манон? Вы осмотрели ее? Она не…

– Она еще отдыхает в процедурной. Но когда она открыла глаза, я… –

Он сурово нахмурился. – Пойдемте со мной… Это наверху, в отделении неврологии. Манон ждет вас там…

– Но… Вы ведь только что сказали мне, что она внизу!

– Мне это известно не хуже вашего, дорогой лейтенант. Но будьте готовы к шоку. Потому что я гарантирую вам, что она и наверху тоже.

5

На станции «Шатле» Ромэн Ардэр отдался мерному покачиванию движущейся ленты, несущей его к четвертой линии парижского метро, в сторону вокзала Монпарнас. Легкий сквознячок овевал его лицо, и от этого ему стало лучше. Он вдохнул полной грудью. Директор «Тысячи и одной звезды» ценил тишину переходов в эти предвечерние часы.

Он не присел с пяти часов утра. И теперь возвращался после важной встречи с несколькими поставщиками пиротехнического оборудования, своим страховщиком, главным пиротехником, а главное, с заместительницей мэра Сен-Дени.

Итог дня? Его маленькая компания вошла в шорт-лист устроителей фейерверка по случаю 14 Июля в Сен-Дени. Конечно, это пока не Эйфелева башня, но к ней мы потихоньку приближаемся через этот городок с почти сотней тысяч жителей. Название проекта – «Небесная империя».

На победу у Ардэра имелся один шанс из пяти, однако отныне он обладал весомым преимуществом перед своими конкурентами: «звездное печенье» – настоящая бомба его собственного изобретения, хранившаяся в тайне смесь нитрата бария, оксида стронция, хлорида меди и сложного реактива, который выделял частицы света в форме разноцветных ромбов. Геометрическая точность в сочетании с очарованием нереального. Невиданно.

Моложавый и, очевидно, востребованный человек в безупречном костюме заранее радовался. Подобный контракт позволил бы его предприятию выйти за границы своего департамента Марна-и-Луара и достичь новых горизонтов. Начав с нуля, он вскоре мог бы охватить своими феерическими шоу всю Францию.

Ардэр шагнул на эскалатор. Выйдя на платформу, он поставил свой чемоданчик между ногами и принялся наблюдать за подростками на платформе напротив, которые играли в футбол банкой из-под колы.

Интеллект против шушеры. Он в их возрасте уже строил свой собственный мир. Они же привыкли жрать за чужой счет. Он презирал их.

Из темного тоннеля появился состав. Ардэр устроился на откидном сиденье, ослабил узел галстука, вытащил из кармана металлические антистрессовые шарики с логотипом своей фирмы и стал перекатывать их в пальцах. Они приятно щелкали, этот звук помогал снять напряжение. Красный шарик, синий шарик. Инь и ян.

Он медленно перевел взгляд вправо. Граффити в виде круга на двери вагона напомнили ему о его секретной комнате, украшенной цирковыми атрибутами, надувными шарами, булавами и особенно – огромной мишенью, которой когда-то пользовался знаменитый метатель ножей. Именно в этом потайном месте Ромэн Ардэр изготавливал свои сверкающие и оглушительные смеси. Его секретный сад. Смысл его жизни.

На следующей станции поезд остановился, в боковом стекле Ардэр увидел свое отражение, его взгляд бесцельно блуждал вдоль выложенных плиткой стен, следил за бесконечной сменой пассажиров и задержался на рекламных щитах, большая часть которых расхваливала достоинства последнего романа Стивена Кинга.

Вдруг его словно что-то ударило в грудь.

Он поспешно вскочил и едва успел протиснуться в закрывающиеся двери.

Прямо перед ним, на высоте трех метров, висел плакат.

Прекраснейшая женщина с ослепительно-голубыми глазами.

Это была она. Несомненно.

Ардэр поставил чемоданчик и промокнул лицо носовым платком. В голове шумело. Усталость. И шок от этого портрета.

Он быстро взял себя в руки. Все давно прошло и быльем поросло. Случай забавно подмигнул ему, а он даже сумел улыбнуться в ответ.

Но никакой случайности тут не было.

Он сел в следующий поезд, чувствуя, что ему не удается отделаться от слогана, который он прочел внизу афиши: «Делай, как я, с „N-Tech“ ты никогда не забудешь своих воспоминаний».

Ардэр стиснул зубы.

Эта дрянь Манон Муане вернулась.

6

Лейтенант полиции и врач «скорой помощи» вышли из лифта и направились к Центру памяти в отделении неврологии. На пробковой доске возле сестринского поста кнопками были приколоты листовки про болезнь Альцгеймера, эпилепсию, деменцию с тельцами Леви. Ничего утешительного.

– Лицо этой пациентки показалось мне знакомым, – объяснял Флавиан. – А потом вдруг, когда она открыла глаза, меня осенило. Радужка поразительной голубизны. Такой взгляд не забыть… Во всяком случае, мне! Я вспомнил, что уже видел эту женщину, и именно здесь, ровно два часа назад, перед самым началом моего дежурства.

– Два часа назад? Мне представляется, это было бы довольно сложно. В это время она еще бродила по улицам Лилля где-то в районе Бетюнских ворот. Думаю, вы ошибаетесь.

– Вы еще будете мне говорить…

Флавиан открыл дверь ординаторской.

К стене был прикреплен постер. Люси ухватилась за дверной косяк. Она не верила своим глазам.

– Черт возьми, это еще что за цирк?

Прямо перед ней на глянцевой бумаге – Манон.

В руке она держит электронный органайзер. Подпись под рекламой гласит: «Делай, как я, с „N-Tech“ ты никогда не забудешь своих воспоминаний».

– Доктор, что это значит?

Флавиан озадаченно пожал плечами:

– Побудьте здесь, я схожу за профессором Рюффо или другим дежурным врачом… Мне необходимо вернуться в отделение неотложной помощи и заняться вашей звездой. Держите меня в курсе, эта история меня сильно заинтриговала.

Люси, одновременно покорная и растерянная, кивнула, не в силах отвести взгляд от плаката. Манон в бежевом костюме, с сияющей улыбкой и едва заметным макияжем блистала красотой.

Лейтенант подошла к фотографии. Кто же эта пострадавшая в спортивном костюме, лежащая в процедурной?

Почувствовав, что кто-то стоит у нее за спиной, Люси обернулась.

– Я доктор Хардиф, – представился рослый мужчина

средиземноморского типа. – Мой коллега попросил меня поговорить с вами, но я почти не располагаю временем. Так что постарайтесь покороче. В чем дело?

Люси представилась и кратко описала ситуацию. Несколько кокетливым движением невролог, сотрудник службы неврологии и нервно-сосудистой патологии, пригладил необыкновенно тщательно постриженную бородку.

– То есть Манон Муане стала жертвой похищения?

– Вы ее знаете?

– Не совсем, нет. Но с недавних пор она стала лицом клиники Свингедоу.

– Простите, если я выгляжу так, будто с луны свалилась, но… что такое эта клиника Свин…

– Свингедоу, другое здание, чуть подальше, метрах в ста от нас… Здесь, в клинике имени Роже Салангро, мы диагностируем и лечим, среди прочего, патологии мозга. Наша работа сосредоточена на нейрорентгенологии, функциональном исследовании галлюцинаций, нарушений памяти. А вот клиника Свингедоу специализируется на реабилитации и адаптации пациентов с серьезными когнитивными нарушениями и расстройствами памяти. Черепно-мозговых травмах и – как следствие – ретроградных и антероградных амнезиях.

– Все это мне не слишком понятно.

Хардиф устроился в кожаном кресле за письменным столом и положил руки перед собой.

– Для простоты скажем так: задача клиники Свингедоу – исключить ситуацию, когда, покинув больничную койку, пациенты с мозговыми поражениями окажутся неизвестно где, не зная ни кто они, ни куда направляются.

– И Манон – одна из их пациенток?

– Более того. Благодаря ей между клиникой и фирмой, выпускающей электронные органайзеры «N-Tech», установились партнерские отношения. «Нейронная технология», может, слышали?

– Да, кажется.

– Вместе они разработали программу под названием «MemoryNode»[6]. Большое дело для «N-Tech», но особенно – для Свингедоу. Только что производитель органайзеров запустил масштабную рекламную кампанию, делающую особый упор на универсальность нового прибора, позволяющего даже страдающим амнезией, глухонемым или слепым пользоваться им и вести менее… менее трудную жизнь. Вы увидите

фотографии Муане, развешенные по всей Франции.

Доставая из кармана блокнотик, который она всегда носила с собой, Люси перехватила удивленный взгляд, брошенный неврологом на ее грубые ботинки и обтягивающие джинсы.

– Должна признаться, что мне трудно понять, – заметила она, смущенная своим нелепым видом. – Если Манон – одна из их пациенток, то чем именно она страдает?

Врач предупредительно протянул ей авторучку, торчавшую из кармана его халата.

– Я никогда лично не занимался Муане и не имел доступа к ее медицинской карте. Вам следовало бы побеседовать с ее неврологом. Я же могу дать вам только теоретическое описание ее заболевания. Общее представление, которое не обязательно совпадает со случаем Муане.

– Я вас слушаю.

Он глубоко вздохнул:

– С точки зрения патологии Манон Муане страдает гиппокампальной амнезией, более упрощенно называемой антероградной…

– Гениально. Не могли бы вы перевести?

Даже не улыбнувшись, он продолжал:

– Эта амнезия характеризуется неспособностью больного фиксировать новые воспоминания. Чтобы не вдаваться в сложные объяснения, скажу, что страдающие ею пациенты могут выгуливать свою собаку по двадцать раз в день, не осознавая этого. Если они недостаточно организованны, им не удается вести нормальную жизнь. Они начинают совершать нелепые поступки. Например, принимать пищу два раза подряд, потому что забывают, что уже поели. Если вы сейчас вернетесь к Манон Муане, она вас не узнает.

Люси записывала ключевые слова разговора. Теперь поведение Манон, страх, который та испытывала в общежитии «Сен-Мишель», казались ей более обоснованными. Она спросила у специалиста:

– Что-то вроде болезни Альцгеймера?

Хардиф отрицательно покачал головой, то ли поцокав языком, то ли причмокнув:

– Этот ярлык навешивают на любые патологии, связанные с памятью… Нет, нет и нет… Болезнь Альцгеймера – это нейродегенеративная патология. Со временем личность деградирует вплоть до деменции. Что ни в коей мере не имеет отношения к Манон Муане. Она сохранила целостность своих умственных способностей, характер, энергию. А уж вы мне поверьте: чтобы убедить такую компанию, как «N-

Tech», вложить деньги в клинику, эти достоинства были необходимы! На самом деле, своей относительной стабильностью она, безусловно, обязана тому факту, что другие ее памяти сохранились, потому что расположены в зонах, менее чувствительных к недостатку кислорода или глюкозы.

– Другие памяти?

Хардиф поднялся из кресла:

– В течение всего двадцатого века медицина никогда не делала различий между воспоминанием о том, что было приготовлено на ужин, и тем, как он был приготовлен. Однако эти два воспоминания стимулируют разные памяти, расположенные в различных зонах головного мозга. Но мне потребовалась бы целая жизнь, чтобы объяснить вам тайны, которые скрывает наш мозг… а у меня, увы, неотложные дела. Знайте только, что пациенты, страдающие подобными нарушениями, прекрасно помнят свое прошлое, по-прежнему умеют водить машину или играть на рояле и способны великолепно учиться. Но не могут ни запоминать лица, фразы, песни, ни заучивать жесты или приобретать автоматические навыки. Застегивать ремень безопасности, гасить свет, просыпаться и вставать, когда звонит будильник…

– Что-то вроде закрепления условного рефлекса?

– Совершенно верно, этот термин мы как раз и используем. Огромная проблема заключается в том, что этим людям вообще неведомо, что разрушены башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке или что папа Иоанн Павел II умер. Они живут в ускользающем настоящем, с постепенно исчезающим прошлым и будущим, которое является всего лишь иллюзией. Мне довелось видеть пораженного энцефалитом в результате вируса *herpes simplex*[7] больного, который был убежден, что живет в 1964 году, и не понимал, что его окружающие стареют. Он постоянно твердил одно и то же, не мог записать текст длиной в тридцать строк, не позабыв его начала, вел личный дневник, где отмечал все время одно и то же событие одной и той же фразой: «Я только что проснулся». Информация больше не сохранялась в его долговременной памяти, той, что отвечает за воспоминания, позволяет читать роман или смотреть фильм, не потеряв сюжетной нити.

– Вы хотите сказать, что… Манон может не знать, что ее собственная мать скончалась? Что она могла не запомнить глубоко затрагивающего ее события?

– Если это случилось после ее мозгового расстройства, то да. Как я уже попытался вам объяснить, в принтерах, печатающих воспоминания и называющихся гиппокампами, закончились чернила. Вы полицейский.

Чтобы это понять, представьте, что она находится под постоянным воздействием бензодиазепинов, или ГОМК, наркотика, используемого насильниками. Выпейте два бокала шампанского, примите снотворное, и вы получите представление о том, что она испытывает ежесекундно. Все это чистая химия, то есть электричество: если перерезать кабель, ток перестает идти.

Люси мучительно силилась усвоить информацию, но этот феномен мозговой деятельности противоречил всякой логике. Что происходило, когда Манон пыталась связаться с матерью? Неужели она каждый раз заново узнавала о ее кончине? Заливалась ли она тогда слезами, пока не забывала о причине своей печали?

Как ей вообще удается жить? Выходить из дому, есть, делать покупки, снимать деньги в банкомате, знать, куда она направляется?

Столько вопросов, и все без ответов. Люси пребывала в растерянности. Ее мысли прервал невролог:

– Не могли бы вы вернуть мне мою авторучку? Спасибо, это «Фабер-Кастелл», я им очень дорожу.

И тонкими, как у кружевницы, пальцами он убрал ее в карман точно на то же место.

– Мне пора. Повторяю вам, я не знаком с историей болезни этой пациентки, она никогда не лечилась в нашем центре. Однако я могу дать вам фамилию моего коллеги, который занимается программой «MemoryNode». Он невролог и постоянно работает с нейропсихологами, в свою очередь наблюдающими Манон Муане…

– Я вас слушаю.

– Шарль Ванденбюш. Но не пытайтесь связаться с ним ночью. Свингедоу – дневная клиника, и врачи ненавидят ночные звонки домой. Они достаточно тяжело работают в течение дня…

– К несчастью, жертвы не могут ждать.

Не обратив внимания на ее замечание, Хардиф продолжал:

– Вы только что проникли в одну из самых таинственных и интересных зон в истории медицины, милейшая мадемуазель инспектор… Память. Гибкий лабиринт, состоящий из миллиардов разных путей.

– Лейтенант, а не мадемуазель инспектор.

– Простите, что?

– Я лейтенант, а не мадемуазель инспектор. И признаюсь, меня это интересует только наполовину, потому что я имею дело с женщиной, которая, возможно, окажется неспособна узнать своего обидчика… И последнее. В чем именно заключается программа «MemoryNode»?

– Это шанс для страдающих амнезией. Способ вернуть им подобие памяти, благодаря аппарату «N-Tech», приспособленному под специальные функции. Фотографии, аудиозаписи, кнопки «кто», «что», «где», «как»… Нечто вроде протеза памяти… Повидайтесь с Ванденбюшем. Он наверняка найдет время растолковать вам все это.

Телефон невролога зазвонил.

Хардиф ответил. Нажав «отбой» и направившись к дверям, он сказал:

– Это доктор Флавиан. Он срочно хочет вас видеть.

7

Следом за Флавианом Люси вошла в палату. Казалось, Манон спокойно спит, зарывшись головой в подушку.

– Кроме отметин на запястьях и щиколотках, я не обнаружил никаких следов насилия, – сообщил врач.

– Она не была изнасилована? – прошептала Люси.

– Нет… Вы можете говорить нормальным голосом, она не проснется. Поскольку она была сильно возбуждена, мы вкололи ей легкое седативное средство. Ее кровь и волосы отправлены на токсикологический анализ. Она не обезвожена и не страдает от дефицита питания. К тому же состояние ногтей исключает предположение о длительном заточении. Сильно опухшие ноги указывают на то, что она, должно быть, прошла значительное расстояние. Никаких следов ударов, никаких ран, кроме той, что находится на ладони левой руки…

Люси перебила его:

– Есть ли у вас какие-нибудь соображения относительно этой надписи: «Пр вернулся»?

– Надрезы сделаны очень острым предметом.

– Тоже мне, новость…

Флавиан взял руку Манон и повернул ее:

– Судя по глубине проникновения, автор этой дикости действовал с крайней жестокостью… Но это еще не все…

Флавиан осторожно приподнял простыню.

Люси стиснула зубы:

– Черт…

Живот Манон пересекали два широких разреза. Два беловатых, ровных, уродливых шрама. Они как будто складывались в буквы, слова, фразы, разобрать которые было невозможно. Разве что…

Люси склонилась над спящей:

– Что это…

Она отступила к изножью кровати.

– Да… Эти разрезы сделаны таким образом, чтобы они читались в зеркале, – объяснил Флавиан. – Странно, если присмотреться, они отличаются один от другого. Как будто два разных почерка.

– Думаете, над этим произведением трудились двое?

– Да, мне так кажется. И чтобы вот так зарубцеваться, они должны

были быть сделаны не меньше месяца назад.

Люси попыталась расшифровать надписи. Под грудью она различила слова: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». И прямо под ними: «Найти могилу…» Последняя буква заканчивалась длинной линией, которая тянулась влево. Очевидно, «гравировка» была внезапно прервана, лезвие прошло почти на десять сантиметров вглубь.

– Черт… Как это понимать?

– Не знаю. В любом случае совершенно ясно, что она должна была видеть эти фразы каждый день, когда, одеваясь, смотрелась в зеркало. У нее нет никакой возможности не замечать их. Что-то вроде…

– Стигмата. Или клейма.

– Да. Или наказания.

Люси взглянула на правое плечо Манон с татуировкой в виде раковины, потом некоторое время, словно загипнотизированная, бездумно взирала на экран работающего слева электрокардиографа. И вдруг попросила Флавиана:

– Доктор, вы не могли бы разбудить Манон? Мне… Мне необходимо допросить ее!

– Не сейчас! Да и вообще, что вы надеетесь услышать? Вполне возможно, она не помнит, что означают эти надрезы!

– Вспомнит, непременно. Эти насечки причинили ей страдания, она… Она не могла забыть. Сколько времени? Через сколько времени я смогу поговорить с ней?

– Через час или два. Но после пробуждения она будет нуждаться в полном покое. У меня сложилось впечатление, что вы не совсем ясно понимаете ситуацию.

Ухватив Люси за локоть, доктор увлек ее в другой конец палаты.

– Очнувшись, она никого не узнает. Она не будет знать, почему находится здесь, а также – что она делала в последние годы. Она узница настоящего, вы обязаны понять это! Некоторые люди, страдающие амнезией, забывают даже, что потеряли память: они, подобно золотым рыбкам, плавают в своем аквариуме! Рубцы на животе – это, возможно, единственные ее ориентиры. Или, наоборот, му́ка, которую она ежедневно терпит. В любом случае давайте поосторожней, ладно?

Слегка скривившись, Люси кивнула. У нее начинала побаливать голень. Многовато пробежек за последние дни…

– Скажите, – начала она. – Доктор Хардиф назвал мне имя ее психолога, некоего Ванденбюша…

– Скорей ее невролога…

Казалось, Флавиан колеблется.

– Хорошо, попробую переговорить с ним… Мне бы самому хотелось получше разобраться в этой безумной истории.

Люси почувствовала, что у нее в кармане завибрировал телефон.

– Лейтенант? Это Грё!

Майор буквально орал в трубку, пытаясь перекричать рев дождя, обрушивавшегося на полицейский автомобиль.

– Мы сделали, как вы сказали, не стали вас дожидаться! Вот только что приехали в окрестности Рема, на место, которое указал парень, подобравший Манон Муане! Правда, наши коллеги из жандармерии были уже там, они приехали на ДТП, случившееся из-за этой проклятой рухнувшей ветки!

– У вас что-нибудь есть? – спросила Люси.

– А то! Будете довольны! Или нет, вот уж не знаю! Когда мы рассказали жандармам, что именно на этом месте была обнаружена девушка, они не стали тянуть резину и сразу прочесали лес! Там поблизости ничего нет, кроме охотничьей хижины, метрах в ста от шоссе, в подлеске! Так вот, знаете что? Бинго!

Он прокашлялся.

– Я как раз только что вернулся из этой хижины! Думаю, дело серьезное! Похоже, придется поднимать людей!

– Что там? Труп?

Грё завопил еще громче:

– Да не совсем! Вас надо сюда привезти, это что-то необъяснимое, никогда в жизни такого не видел! Нам… Нам поставили ультиматум! Если верить следам на стенах, если мы не поторопимся, труп не замедлит появиться!

8

Энтони с довольным видом закрыл крышку мобильника и сунул его в карман.

По последним новостям, Люси только что села в свою машину на парковке возле собственного дома и теперь направлялась в сторону Валансьена. Почему она не поднялась в квартиру хотя бы на пять минут, чтобы проверить, все ли в порядке? Странная баба.

Во всяком случае, вернется она не сразу. Как порядочная мать, она спросила, чем он занимается. Тогда он запросто рассказал ей, что сидит в кресле напротив крепко спящих малышек и решает судоку.

А теперь, уверенный, что его не потревожат, студент отправился на разведку.

Благодаря выключателям с реостатами – пожалуй, единственному имеющемуся здесь хай-тек-устройству – он убавил освещение, что дало ему возможность разгуливать по трехкомнатной квартирке, не боясь разбудить девчонок.

Во-первых, компьютер. Он включил монитор. Ну-ка, ну-ка, на экране высветился сайт знакомств «Meet4love». Страница полицейской дамочки: «Тридцать лет, энергичная, вечером сова, по утрам – жаворонок. Характер, свойственный уроженкам Дюнкерка. Железная воля и нежная душа. Привлекает тайна и магия взгляда. В будущих отношениях предполагается значительное место для двух моих дочек». Усмехнувшись, Энтони позаботился выключить монитор и решил обследовать мебель в углу гостиной. Когда он только пришел, лейтенант в спешке засовывала туда какие-то документы и книги. Ей, должно быть, невдомек, что нет человека, любопытней его.

В верхнем ящике обнаружилось сочинение по практике вуду с вырванными страницами. Внутри – рисунки близнецов. Фотографии жестоких ритуалов, сделанные автором книги. Просто невероятно. Под книжонкой – ксерокопии. Подробные описания, истории болезней, очевидно засекреченные, касающиеся американских серийных убийц, с жутко кровавыми фотографиями, как и положено.

Слегка озадаченный Энтони принялся размышлять. Кто же такая эта Люси Энебель, образованная и хорошо воспитанная барышня, которую он изредка видел по утрам и вечерам, молодая женщина, никогда не приводившая к себе ни баб, ни мужиков, не устраивавшая шума и

вечеринок? Какого черта мать двух малышек занимается такими гнусностями? Ему, интересующемуся в основном только робототехникой и «кустарным» производством декодеров шифрованных программ для родственников, все это казалось очень далеким от его мира.

Что, однако, не помешало ему открыть спрятанный под грудой бумажного хлама старинный трактат о препарировании, озаглавленный «Anatomia magistri Nicolai Phisici»[8]. Это явно был оригинал, страницы от времени пожелтели и покрылись рыжими крапинками. Тщательно сделанные рисунки изображали различные мышцы человеческого тела в разрезе. На некоторых был представлен распятый на кресте человек, которого кромсали ножами пышнобородые ученые, оставляя на его теле разверстые багровые раны. Настоящий гимн страданию.

Наткнувшись на листки бумаги с пятнами крови – реально настоящей крови, он бы дал руку на отсечение, – Энтони захлопнул обложку и торопливо снова засунул фолиант поглубже в ящик.

«Хорош дрейфить! Тебе не пятнадцать лет!»

Вид спящих малышек успокоил его, он взял себя в руки. Энтони мог не бояться, что Энебель его застукает, поэтому решил изучить ее спальню – просто чтобы слегка развеяться. Он сидит с близняшками и не делает ничего дурного… Но ведь надо же чем-то себя занять. Ну и сфотографировать на мобильник трусики инспекторши, впрочем аккуратно сложенные… Забавный охотничий трофей…

Он повернул ручку двери и снял кроссовки «Reebok», чтобы наверняка не оставить следов на ковровом покрытии. Он, конечно, не полицейский, но и не полный кретин.

Спальня опрятная и скромная, как и вся квартира. Никаких ненужных безделушек. Только щетка для волос на кровати, фотографии близняшек и книжка. Еще одна мерзость, последний роман Гранже, история о свихнувшемся убийце…

Нет, ну правда, о чем думает эта тетка? Этим служащим из судебной полиции мало их работы, чтобы по вечерам еще глотать такие кровавые книжонки?

Его взгляд привлек голубоватый блеск пистолета, лежащего на крышке высокого соснового сундука. Энтони кончиками пальцев прикоснулся к кожаной кобуре.

Рядом он заметил сумочку с застежкой-кнопкой. Внутри крошечный ключик, которым наверняка открывается сейф или личный ящик в комиссариате. Студент положил ее на место и вытащил из чехла девятимиллиметровый «зиг-зауэр». Оружие ловко легло в ладонь. В свои

двадцать два года Энтони никогда не держал в руках ничего подобного и сейчас испытал ощущение силы. Он повертел самозарядное оружие, прикинул его вес и осознал, что, прикрыв один глаз, целится в светильник над изголовьем кровати.

С его губ сорвалось: «Бабах!» Крутой револьвер! Нет, это не «револьвер», а пистолет, без барабана. Единственное, что он знал про такие пушки из сериалов, которые тупо смотрел по телику.

«Зиг-зауэр», магазин на пятнадцать патронов плюс один. Кстати, он заряжен? Интересно, эта придурочная им пользовалась? Где-нибудь в Лилль-Сюд или в горячих местечках Рубе?

Внезапно Энтони стало не по себе. Такая игрушка может убить. Он всунул пистолет в кобуру и положил точно на прежнее место. Энебель ничего не заметит.

Он уже собрался было изучить содержимое сундука, но его внимание привлек стоящий в углублении стены шкаф с тонированными стеклами. Он присел и попытался открыть дверцу. Заперта. Энтони приник к стеклу. Внутри что-то овальное… Ему не удавалось как следует рассмотреть, что это. В любом случае что-то необычное.

На верхней открытой полке валялась куча фотоснимков. Он бегло окинул их взглядом. На одном из них Энебель, девочка лет десяти, среди родных. Сразу видно, единственная дочь; предки у нее, судя по шмоткам и фасаду их домишка с облупившейся штукатуркой, не слишком богатые. Наверняка дочь рабочего, может стоящего у конвейера. Теперь-то она, со своей полицейской формой, должно быть, чувствует себя во всеоружии… Энтони хихикнул и занялся другими фотографиями. Близнецы со сливочным мороженым, близнецы на море, близнецы в ванночке… Можно не сомневаться, она любит своих крошек.

Он снова заинтересовался шкафом. Что она может там прятать? Отрезанное ухо? Отрубленный палец?

Необходимо найти ключ. Может, тот, что лежит в кожаной сумочке? Это ключ, которым она, судя по всему, часто пользуется, потому что хранит в надежном месте, в поле зрения. Ей явно не хотелось бы, чтобы он потерялся или валялся неизвестно где.

Разве что сегодня вечером…

Энтони положил сумочку на кровать и достал заветный кусочек металла. Сжав его в руке, он на мгновение заколебался. Имеет ли он право так глубоко вторгаться в личную жизнь этой женщины? Подумаешь! Он никому не скажет про небольшое отклонение в своем поведении. Тот, кто изготавливает пиратские декодеры, умеет хранить тайну.

Ключик идеально подошел к замочку.

В Энтони поднималась волна тревоги, но он медленно открыл стеклянную дверцу и схватил большой ламинированный лист.

Рентгеновский снимок. Точнее, фотография УЗИ.

Энтони встал под потолочный светильник и принялся внимательно разглядывать свою находку. Ему удалось различить прозрачное пятно и угадать форму фасолинки. Точнее, двух.

Близнецы.

Он пожал плечами. Страшное разочарование. И что же, это все? Просто фотка двух девочек до их рождения?

Он снова подошел к шкафу и обнаружил еще один снимок, но не успел его рассмотреть. Потому что увидел за ним еще что-то.

Что-то невообразимое.

Его лицо исказила жуткая гримаса.

9

Люси потерла глаза. Отопление в ее стареньком «форде» не справлялось с паром, осевшим на ветровом стекле. В прошлом месяце какие-то кретины отломали радиоантенну, и в довершение всего теперь через образовавшееся в крыше отверстие в салон сочилась вода. Люси полагала, что на свою лейтенантскую зарплату и премиальные она могла бы иметь что-нибудь попросторнее, чем ее домик в Мало-ле-Бэн. Но Лилль дорогой город, а цены на жилье и вовсе зашкаливают. И это еще если не считать расходы на няню, съедающие треть ее доходов. Так что о новой машине оставалось только мечтать…

Люси уже полчаса ехала в сторону Валансьена. Дождь не утихал. Наконец вдалеке она разглядела огни периметра безопасности. Уже близко. Пожарные и жандармы, насквозь промокшие, как смотрители маяка. Позади них два смятых автомобиля, груда резины и искореженного металла.

Люси припарковалась на обочине, позади другой машины, застегнула куртку до самого подбородка, прихватила фонарик и, накрывшись с головой водонепроницаемой накидкой, побежала к пожарному.

– Люси Энебель! Судебная полиция Лилля!

Тот указал вытянутой рукой в сторону леса.

– Туда! – прокричал он. – Прямиком, метров триста! Там ваш коллега!

– А авария? Что произошло?

– Ветка на дороге! Лобовое столкновение! Мы еще их не достали из машины!

– Погибшие есть?

– Двое! Я пошел! Такой погодки мы отродясь не видали! Со вчерашнего дня работы невпроворот!

Люси надела накидку. Вокруг столкнувшихся автомобилей суетилось с дюжину людей, другие, в нескольких метрах от них, наблюдали. Темные силуэты во тьме. Они всегда оказывались на месте аварии, эти пришедшие неизвестно откуда любители страшилок.

Светя фонариком, Люси шагнула на топкую дорожку между деревьями. Что она делает здесь, вдалеке от своих девочек? Все произошло так быстро.

Она подумала о муках, которые должна была перенести Манон, растерянная, неспособная сориентироваться, с этой единственной фразой,

запечатленной на ее ладони: «Пр вернулся». Может, она сама изувечила себя. Чтобы принудить себя к бегству. И понять причину этого бегства.

Когда Люси добралась до хижины, ее ботинки и джинсы были облеплены черной грязью. Стоя под козырьком крыльца, Грё разговаривал с двумя жандармами в форме. Она поздоровалась, сняла накидку и, тряхнув волосами, попыталась хоть немного обсушиться.

– Будьте осторожны, смотрите, куда ступаете, – предупредил ее один из жандармов, когда она толкнула дверь.

Едва войдя, она тотчас заметила внутри нечто вроде колышущегося моря, отливающего желтым и красным. Люси замерла.

– Спички, – пояснил идущий следом за ней с мощным аккумуляторным фонарем в руке Грё. – Думаю, за всю свою жизнь курильщика я столько не использовал.

Три четверти поверхности пола были усеяны мелкими деревянными палочками. Сколько их? Тысячи?

В углу Люси заметила веревки. Она подняла голову. На левой стене пламенела написанная чем-то красным, напоминающим кровь, фраза: «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00».

Рядом Люси разглядела следы грязи.

– Это они натоптали? – прошептала она.

– Ну да, – подтвердил майор. – Они отбыли незадолго до нашего появления, но ничего, они совершили промах – не сильно напачкали на месте. Здесь все нетронуто.

– А ты? Ты что, приехал один?

– Разве вы не видели на шоссе Адамкевича? Он остался возле разбитых машин. Там два трупа, он пытается понять, нет ли связи со всем этим чертовым бардаком… пусть даже это маловероятно… Ну да вы же его знаете, вечно сует повсюду свой нос…

Грё высморкался и спросил:

– Вы можете наконец объяснить мне, что происходит? Кто такая эта Манон Муане, твердо уверенная, что ее мать жива, хотя та померла сто лет назад?

Молодая женщина кратко изложила коллеге ситуацию. Скитания Манон. Неотложка. Амнезия.

– Да… поганая история, – заключил Грё, поглаживая усы.

Люси, крепко сжав губы, вертела в руках мобильник. Мокрые джинсы прилипли к телу. На редкость противное ощущение.

– Ладно… надо зафиксировать место происшествия. Я позвоню в

дежурку научной лаборатории, пусть пришлют к нам группу для отбора первых образцов, пока не рассвело.

– Вы уверены? Судмедэксперты не любят, когда их беспокоят по ночам. У нас нет тела.

– Незаконное лишение свободы наказывается по меньшей мере двадцатилетним сроком заключения, так что, уж ты мне поверь, мы сейчас побеспокоим этих господ. А ты видел это гнусное послание? У тебя фотоаппарат есть? А полипропиленовые ленты? Латексные перчатки? Мне бы хотелось взглянуть поближе.

– Да нет, я как-то не привык разгуливать в костюме Белого Кролика[9].

– А в багажнике?

– Ну, кое-что найдется…

– Тебе улыбается сгонять туда-сюда в эту грозу?

– Позвоним Адамкевичу? Он тут недалеко!

– Нет, пусть лучше продолжает заниматься своим делом. Ведь не хочешь же ты, в самом деле, чтобы туда пошла я? Где твоя галантность?

Грё что-то пробурчал, застегнул пальто с капюшоном и растворился в потоках воды.

Люси обследовала замóк и взглянула на покуривающих под навесом крыльца жандармов. Один из них щелчком отбросил обгоревшую спичку.

– Постарайтесь здесь не мусорить! – проворчала она. – Необходимо сохранить место происшествия в первоначальном виде. Или вам это неизвестно?

– Лилльская судебная полиция в действии! – обернувшись, бросил толстопузый. – Вы что, видели хотя бы тень трупа, а? Вот тоже, юношеские бредни по любому поводу! Или вот еще взять экологов, они тоже на это способны! В последнее время у них нервы на пределе! Они да еще охотники, знаете… – Он пожал плечами и продолжил: – Извините за выражение, но я никак не въезжаю, что именно визитеры из Лилля забыли в наших краях, ведь не ради надписей на стенах и спичек они притащились в эту жалкую лачугу! Не дают нам заниматься делом, а у нас тут авария. Вдобавок в такую погоду, может быть, не единственная!

Люси не ответила. Она решила перейти на более примирительный тон:

– Этот охотничий приют открыт всегда?

– Да. В любом случае красть здесь нечего, ломать тоже. Всего лишь обычное укрытие. Крыша, пол, четыре стены.

– А ключ? От этой двери? Где он?

– Ха-ха-ха! Так вы уже ломаете голову над этой надписью? «Принеси ключ»? Да, вы времени даром не теряете! Откуда мне знать? Может, надо

было бы сходить в мэрию. Но только не раньше девяти утра. Иначе там будет закрыто.

Его коллега изобразил улыбку и снова затянулся сигаретой.

Люси поняла, что настаивать бесполезно. Она тщательно осмотрела землю перед хижиной. Грязь, вода, сплошное месиво. С такой погодой никакого шанса обнаружить хоть слабый отпечаток.

Она обвела взглядом окружающие деревья. Похититель. Уединенный пустой приют. Непонятное предупреждение. Хитроумная загадка. Предвестники страшной неразберихи.

Профессор… Дело контролируется Парижем, она о нем знает не больше, чем сообщают в средствах массовой информации: убийца чрезвычайно изощренного ума. Непредсказуемый. Его ни разу не удавалось задержать.

Почти четыре года… Как человек, совершивший шесть убийств, мог прекратить убивать и так надолго затаиться? За редчайшим исключением, серийные убийцы никогда не действуют таким образом. Им мешают неосознанные стремления, их дикие фантазии. Им необходимо постоянно убивать, снова и снова совершать свои преступления. Люси горько пожалела, что у нее нет доступа к более подробной информации об этом убийце.

Когда вернулся запыхавшийся Грё, Люси сняла обувь и носки и, под изумленными взглядами жандармов, сунула ноги в полиэтиленовые мешки, а на руки натянула резиновые перчатки. Затем она снова вошла в хижину, куда за ней последовал ее коллега, и принялась безостановочно щелкать фотоаппаратом. Закончив фотофиксацию, она стала изучать валяющиеся на полу обрывки веревки, стараясь не нарушать расположение спичек на полу.

– Следы крови… У Манон была искромсана рука… Судя по длине веревок, похититель должен был связать ее с ног до головы. Кончики обожжены, чтобы нейлон не распустился, значит они не были разрезаны.

– Тогда как же она развязалась?

– Узлов не видно… От них на нейлоне непременно остаются следы. Скрученный нейлон сохраняет форму, верно?

– Может быть. Я не специалист по играм садомазо.

– Другая странность заключается в том, что все веревки собраны в одном месте. Почти аккуратно сложены… Надо будет посмотреть снаружи, но априори кляпа я не вижу.

– Да ну… Можно было не опасаться, что ее кто-нибудь услышит. Не скажешь, что здесь бродят толпы народу. К тому же дождь лил как из ведра.

– Да… Или же она была без сознания…

Люси с хирургической тщательностью обследовала стены.

– Этот тип, должно быть, заранее присмотрел место, чтобы убедиться, что его не потревожат, когда он будет разыгрывать свой «спектакль».

– Думаете, это кто-то из местных?

– Не обязательно.

Люси размышляла вслух:

– Он привозит ее сюда связанную и без сознания. Укладывает в угол и развязывает узлы. Пишет на стене свое предупреждение и, прежде чем исчезнуть, раскидывает по полу килограммы спичек. Очнувшись, Манон, в состоянии амнезии, решает сбежать.

– Чертовски логично… Похитить жертву, чтобы потом дать ей возможность сбежать…

Не отвечая, Люси склонилась над спичками:

– Может быть, он просто воспользовался ею, чтобы направить нас сюда? Чтобы мы прочли его послание? Человек не сможет вспомнить его лица. Это подразумевает, что он так или иначе с ней знаком… Или же имел доступ к ее истории болезни. Затем эти странные шрамы… Может быть…

«Ну вот, началось…» – подумал Грё и вздохнул.

– Но к чему столько усилий? – прервала свои размышления Люси. – Почему бы попросту не сделать анонимный звонок, которой привел бы нас прямо сюда?

– Ради красоты действа, разумеется, – сыронизировал майор. – Телефонный звонок? Слишком убого.

Люси вздернула подбородок:

– Издеваешься?

– Нет, но… Обычно мы не имеем дела со светочами мысли…

Опершись ладонями о колени, Люси выпрямилась:

– Запиши-ка… Запиши, что надо проверить, не была ли подпилена ветка, спровоцировавшая аварию. Наш похититель вполне может оказаться способным на такой бредовый поступок.

Не открывая блокнот, Грё грыз колпачок ручки.

– Ну, знаете, все же не стоит заблуждаться… Такие психи существуют только в кино и в вашем воображении.

Люси испепелила его взглядом. Внезапно осознав свою оплошность, Грё покраснел. Все в бригаде знали гнусную историю девочки-диабетички. «Комнату мертвых», где реальность сильно превзошла вымысел.

Наконец Энебель сосредоточилась на странных надписях.

– Краска… – заключила она.

– К счастью. Лучше так, чем… Ну, теперь вы понимаете…

– Да, я понимаю. «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00». Что за тарабарщина! Меня это пугает! Какой еще ключ?

– А как насчет спичек? Что вы об этом думаете?

Люси покачала головой:

– «И отыщи среди спичек то, что мы собой являем». Может, надо просто сосчитать их… Но это отнимет у нас массу времени. К тому же не стоит забывать, что мы почти наверняка ошибемся. Их здесь столько…

– И все же? Допустим, мы получим число пять, десять или пятнадцать тысяч. Или даже десять тысяч пятьсот сорок один или пятнадцать тысяч пятьсот шестьдесят девять. И что? Это как-то поможет нам продвинуться?

Люси обвела комнату взглядом:

– У нас нет ключа. Кто такие «Другие»? Отметь, что это слово он написал с большой буквы.

Грё торопливо перечитал фразу на стене.

– Ух ты, я и не видел!

– Нет, это невозможно! А сейчас, майор, начинаем работать, о’кей? – Люси нервно посмотрела на часы…

– У нас остается всего три часа… Надо считать, я уверена, что надо считать…

– Честно говоря, мне неохота. У меня и так уже глаза от усталости лопаются.

Она снова присела на корточки и провела пальцами по тонким деревянным палочкам:

– «И отыщи среди спичек то, что мы собой являем». У Манон здесь своя роль, он воспользовался ею, чтобы привлечь наше внимание, привести нас сюда в тот самый срок, который сам же и назначил…

Люси резко поднялась. Она вдруг поняла, почему похититель освободил свою жертву.

Это же так очевидно!

Манон и есть ключ. Ключ к пониманию послания.

Люси вышла на крыльцо. Вокруг по-прежнему враждебно шумел лес. Жандармы одновременно бросили окурки на землю.

– Вы прикасались к спичкам? – спросила их лейтенант Энебель. – Брали их?

Тот, что с пузом, – снова он – с удивлением посмотрел на нее:

– Ну да, две-три. Нам показалось… прикольным прикурить от них. Надо же было как-то скоротать время до вашего приезда.

– Так сколько? Две? Три?

– Да вы что? Откуда я знаю? Две, три, восемь, двенадцать! Какая разница? Там их еще тысячи! Не станете же вы плакать из-за нескольких спичек? На свете есть дела поважнее, верно?

Люси достала мобильник:

– Придется будить командира бригады, пусть разберется с прокуратурой Валансьена, чтобы дать нам подмогу и начать юридическую процедуру.

– Вы совсем, что ли, или как? Зачем вызывать подкрепление?

Жандарм глянул на своего коллегу:

– Да и вообще, мы тут ни при чем, это ваше дело. Это у вас под ногами земля горит, а не у нас…

Люси не отреагировала.

– Господа, я взываю к вашей доброй воле и прошу вашего сотрудничества. Как только наши коллеги-криминалисты возьмут образцы, надо будет сосчитать спички, учитывая и те, что брошены в грязь. И без ошибок.

– Вы нас разыгрываете?

Люси рассердилась. Теперь она значительно повысила голос:

– Разве это похоже на розыгрыш? Я делаю свою работу, только и всего! Перед нами преступник, который похитил женщину, а нам ставит ультиматум! Вы что хотите? Торчать здесь и ждать?

Жандармы молчали. Люси повернулась к двери:

– Грё, с этого момента следи, чтобы никто ни к чему не прикасался! Я возвращаюсь в больницу! Манон – это наш ключ!

Майор, которого она вытащила из постели, поначалу довольно резко ответил на ее звонок. Однако, почувствовав ее настойчивость, очень скоро понял, что дело серьезное. Он знал, что в любом расследовании первые часы – самые важные. Следовало действовать быстро. Через полчаса здесь будут криминалисты.

Закончив разговор, Люси бегом бросилась в лес.

Ей надо было поскорее добраться до больницы, чтобы увидеть Манон.

Какое чудовищное количество спичек… Сосчитать… действительно ли это решение? Или пустая трата времени? Может, это ловушка, чтобы впустую отвлечь внимание, монополизировать силы полиции?

А главное, что должно произойти в 4:00?

10

Взвизгнув тормозами, автомобиль Фредерика Муане припарковался на стоянке клиники имени Роже Салангро. Он хлопнул дверцей «БМВ» последней модели и исчез за дверью отделения неотложной помощи. После проверки документов ему сообщили номер палаты, в которой находилась его сестра. Он побежал по коридору, за его спиной шурша развевался длинный серый плащ.

Фредерик вошел в слабо освещенную ночником палату. Мужчина, сидящий под прикрепленным к стене телевизором, поспешно поднялся, чтобы представиться. Доктор Ванденбюш.

– Спасибо, что позвонили, – произнес Фредерик, пожимая неврологу руку. – Но почему вы ничего не захотели сказать мне по телефону? Что случилось? Как она себя чувствует?

От волнения Фредерик вспотел. Этот человек держался только силой воли. Иссиня-черные, зачесанные назад волосы еще больше подчеркивали его сходство со стремительным болидом, выпущенным со скоростью сто километров в час.

– Не беспокойтесь, она хорошо себя чувствует, – с легким бельгийским акцентом подбодрил его доктор. – Она спит, ей дали транквилизатор.

Фредерик достал из внутреннего кармана куртки чехольчик кремового цвета:

– Нашел… он лежал возле компьютера у нее в квартире.

Врач с заметным облегчением прислонился к стене.

– Слава богу…

Фредерик вытащил «N-Tech» из кожаного футляра и положил на прикроватную тумбочку. Собеседник увлек его вглубь комнаты. Врач был растрепан и совсем не походил на того безукоризненного Ванденбюша, которого привык видеть Фредерик.

– Послушайте, господин Муане… Вашу сестру обнаружила полиция. Она бродила по улицам Лилля. Насквозь вымокшая, в спортивном костюме, абсолютно потерянная.

Медленно выдохнув, Фредерик закрыл лицо руками. Потом сощурился:

– Как? Но… Она не может заблудиться в Лилле! Это город ее детства, она знает в нем каждый уголок!

– Она не то чтобы потерялась… Она выбилась из сил…

Ванденбюш откашлялся. Казалось, он смущен.

– Я пока мало что знаю, но она… похоже, ее похитили и насильно удерживали. На запястьях и лодыжках мы обнаружили характерные следы. Следы веревок.

Фредерик мгновенно напрягся:

– Насильно удерживали! Надеюсь, вы шутите? Я видел ее еще сегодня утром.

Он подошел к сестре и нежно погладил ее по голове. А потом вновь обратился к доктору:

– И вы по-прежнему будете говорить мне, что эта проклятая рекламная кампания не представляет никакого риска?

У Ванденбюша был подготовлен ответ. Фредерик Муане всегда яростно противился тому, чтобы его сестра стала лицом «N-Tech».

– Если бы мы предполагали, что экспонирование ее портрета поставит Манон под угрозу, то не поступили бы так. И вам это известно.

– Тогда о чем мы говорим? О совпадении? Мою сестру похитили сразу после начала кампании *случайно*? В этом нет никакой *случайности*, господин Ванденбюш!

Врач схватил его за локоть, чтобы не дать подойти к кровати, и спокойно ответил:

– Ограбление произошло больше трех лет назад, причем в Кане! Как вам могло хоть на мгновение прийти в голову, что тот же преступник нападет на ту же жертву просто потому, что увидел ее фотографию на рекламном плакате? В этом нет никакого смысла!

Он посмотрел Фредерику в глаза и продолжил:

– Вот уже два года, как я занимаюсь Манон! Я знаю, и вам тоже это известно, что лечение необходимо продолжать! «MemoryNode» – программа, принципиально важная для нее. Для ее равновесия.

– Главное, она важна для вашей карьеры! Моя сестра не марионетка!

Невролог вздохнул:

– Давайте не будем опять возвращаться к этому спору. Не здесь… Тот факт, что Манон не помнит о большей части своих поступков, вовсе не значит, что она невменяема. Она сохранила все свои интеллектуальные способности, каждый день она делает успехи и справляется лучше, чем кто-либо другой. И она пришла к такому решению самостоятельно. Она приняла предложение «N-Tech». И деньги. Так что хватит об этом.

Фредерик с досадой покачал головой:

– Мне пришлось продать наше семейное предприятие, чтобы переехать сюда, чтобы… обезопасить ее от обидчика. Я увез ее из Кана,

города, где была убита наша сестра, города, где Манон спустя полгода потеряла память! Я живу вместе с ней, в одном доме, я помогаю ей бороться с недугом, забыть… Профессора… И вот теперь…

– Я вас прекрасно понимаю. Но Манон является моей пациенткой, и сейчас она находилась в самой лучшей форме. «MemoryNode» приносит ей огромную пользу. Программа буквально преобразила ее. Вы не можете этого отрицать.

Фредерик промолчал. Ванденбюш потер переносицу, стараясь скрыть внезапное замешательство.

– Фредерик, вы должны мне кое-что объяснить. Один интригующий факт, который… не дает мне покоя.

– О чем вы?

Врач подошел к Манон и осторожно приподнял простыню, а затем зеленую сорочку:

– Эти шрамы…

Фредерик напрягся.

– Так я и думал, – продолжал невролог. – Вы в курсе… Вот эта надпись: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов» – сделана левшой. – Он указал на часы на правой руке Фредерика. – А вы левша.

– Да, так же как и вы…

– Шрамы имеют память. Если рассматривать эти надрезы с близкого расстояния, по направлению кожных краев можно догадаться, в какую сторону были прорезаны буквы. Это очень сложно, особенно в данном случае, когда текст написан зеркально. Однако это можно заметить по округлым элементам. В частности, по букве «о». Да, я сам левша или, точнее, амбидекстр, поэтому такие детали от меня не ускользают… О чем это говорит?

Фредерик взорвался:

– Вы не должны были это видеть! Кто дал вам право вторгаться подобным образом в личную жизнь моей сестры? Если была нарушена врачебная тайна, я…

– Доктор Флавиан ни в коей мере не нарушил врачебную тайну. Он был уверен, что я в курсе. А я должен был бы быть в курсе!

– Это еще почему? Я помог ей сделать эти надрезы, потому что она буквально умоляла меня, вот и все!

– Она вас об этом умоляла?

– Записать эту бессмыслицу на своем теле стало ее навязчивой идеей. Она непрестанно твердила, что это единственное решение, единственный способ полностью сохранить достоверную информацию. Что на ее теле

никто не сможет уничтожить или подделать эту запись.

Взгляд Фредерика сделался отсутствующим, он словно заново переживал то тяжкое испытание.

– У меня не было выбора, она буквально впала в истерику. Вы прекрасно знаете, как она ведет себя, когда вобьет что-то себе в голову. Фиксирует свои мысли, делает аудиозаписи, постоянно, без остановки повторяет одно и то же. И тогда я сделал это, чтобы… чтобы помочь ей. И потому, что… у нее не хватало смелости решиться на это самой, как она, кстати, поступила в первый раз.

– Выходит, Манон уже подвергала себя такому самокалечению? Она никогда мне не рассказывала.

– С какой стати?

– Потому что это является частью терапии! Видите ли, более трети моих пациентов калечат себя! Они используют свое тело как блокнот для записей. И знаете, чем это все заканчивается? Психиатрической клиникой! Что означает эта фраза: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов»? А что за история с могилой? Как вы можете объяснить, что надпись так резко обрывается?

– Это довольно сложно. И у меня сейчас нет желания объяснять вам что-либо. Не время и не место.

– Опять какая-то связь с Профессором, я прав?

Фредерик не ответил. Он осторожно поправил на Манон рубашку и накрыл ее простыней. Ванденбюш не настаивал. Однако повторил:

– Да… Вам следовало бы сказать мне об этом…

Фредерик повернулся к нему и, сжав кулаки, закричал:

– Надо найти того гада, который ее похитил!

Губы Манон едва заметно шевельнулись. Фредерик присел на край кровати:

– Я здесь, сестренка. Не волнуйся…

Он взял Манон за руку и нащупал корку запекшейся крови. Заинтригованный, он повернул ее ладонь наружу.

Послание подействовало на него, как удар ножом.

«Пр вернулся».

Фредерик почувствовал, что ноги не слушаются его.

Прошлое снова всплыло. То прошлое, которое Манон с диким ожесточением, день за днем, гнала прочь, доводя себя до болезни.

Профессор…

Фредерик схватил лежащий на тумбочке бинт и принялся перевязывать покалеченную руку сестры. Скрыть правду.

Стоящий за его спиной Ванденбюш не двинулся с места. Все его внимание сосредоточилось на органайзере. Он произнес:

– С некоторых пор меня не покидает одна мысль… Вы сказали, что обнаружили «N-Tech» в квартире Манон?

– Да, рядом с компьютером.

– А… А входная дверь была…

– Открыта, – перебил его Фредерик, заканчивая бинтовать.

– Вы, как и я, знаете, что Манон никогда не расстается со своим органайзером. Стоит ей хоть на минуту выйти на улицу, она берет его с собой. Фредерик… Я полагаю, что Манон похитили из дому… От вас… Из вашего собственного дома.

Муане мертвенно побледнел:

– Я сейчас вернусь. Мне нужно выпить кофе…

Он бросился к выходу. В вестибюле он столкнулся с бегущей женщиной. Взгляд у нее был весьма решительный.

Какая-то кудрявая блондинка в старых солдатских ботинках, сплошь покрытых грязью.

11

Торопливо приведя себя в порядок в туалете, Люси пригласила Ванденбюша к кофейному автомату, стоявшему в правом углу вестибюля, напротив стойки регистрации. Распластавшись в креслах, томились больные, бледные, как покойники. Отделение неотложной помощи постоянно находилось на грани между двумя мирами. Пробуждение, сон. Жизнь, смерть.

– Пока Манон не очнулась, расскажите мне ее историю, – начала Люси. – Кто она такая? Какой именно болезнью страдает?

Она сунула в щель автомата монетку и сделала себе крепкий кофе без сахара, а Ванденбюш выбрал горячий шоколад. Когда Люси повернулась к нему спиной, он с ног до головы осмотрел ее беспокойным, бегающим взглядом – особенно туго налитые ягодицы. Довольно забавно для такой миниатюрной женщины. Обута в какие-то отвратительные военные ботинки, покрытые, как и джинсы, слоем засохшей грязи. Пышная курчавая шевелюра могла бы подчеркнуть ее бархатистые округлости, если бы волосы не были так неловко прихвачены красной резинкой и не болтались мокрыми патлами. Что же до макияжа… его просто-напросто не было. Красота – это еще не все. Ванденбюш ненавидел неухоженных женщин.

– Впервые я встретился с Манон Муане чуть более двух лет назад, – заговорил он. – У нее были серьезные нарушения памяти. Примерно за год до этого в Кане Манон подверглась нападению.

Люси порылась в кармане и вооружилась блокнотом и дешевенькой обгрызенной ручкой.

– Значит, начало две тысячи четвертого… А что за нападение?

– Она застала у себя вора, тот попытался задушить ее. Жила она в богатом квартале, в предместье Кана. Тогда весь район охватила волна краж. Местная полиция подозревала организованную банду. И как раз в тот момент, когда незваный гость спасался бегством, привлеченные криками соседи постучали в дверь. Злоумышленник прихватил украшения и различные ценные вещи. Когда Манон обнаружили, она была без сознания. Живая, однако ее мозг получил непоправимые повреждения.

Люси торопливо царапала в блокноте какие-то значки, которые никто, кроме нее, не мог бы разобрать.

– И она потеряла память. Простите, одну из своих памятей, если я

правильно поняла доктора Хардифа.

Ванденбюш на мгновение прикрыл глаза:

– Манон не потеряла память, или памяти, как вы говорите. Это происходит совсем не так, как показывают по телевидению, когда человек, страдающий нарушениями памяти, забывает абсолютно все, вплоть до того, что надо делать, чтобы ходить. На самом деле памяти Манон почти невредимы.

– Ничего не понимаю. Страдает она амнезией или нет?

Невролог ответил спокойно, даже несколько напыщенно:

– Не делайте таких разграничений. Страдающий амнезией еще не значит совершенно потерявший память.

– Хорошо! Давайте ближе к делу! И постараемся не остаться здесь на ночь!

Неухоженная, но с характером. Может, даже властная. Это ему как раз нравилось в женщинах. Он пояснил:

– Все клетки человеческого тела поглощают кислород, переносимый красными кровяными тельцами. Но если есть среди них особенно прожорливые, то это, вне сомнения, нейроны гиппокампов, их два, и расположены они в медиальных височных отделах полушарий. Их форма напоминает хвост морского конька. Потому они так и называются.

– Логично для гиппокампов…

Прежде чем продолжать, Ванденбюш изобразил улыбку:

– Мы можем представить себе эти крошечные зоны как пункты сбора воспоминаний, ответственные за передачу свежих данных, эмоций, полученных от кратковременной памяти, и перевод их к различным областям долговременной памяти.

Он умолк, заметив, что Люси с трудом успевает записывать.

– Скажите, у вас в полиции что, нет диктофонов?

Не поднимая головы от своего блокнота, Люси с раздражением взглянула на него:

– Пожалуйста, продолжайте.

Доктор подстроился под ее темп и заговорил медленнее:

– Множественные проходы информации через гиппокампы, той информации, которую человек хочет сохранить, позволяют ей остаться в коре головного мозга, в зоне, отвечающей за автобиографические события и факты эпизодической памяти, чтобы создать воспоминание. Но хоть на мгновение лишите гиппокампы кислорода или сахара, и они засохнут, как блины. И пострадает фабрика по производству воспоминаний. Речь идет о необратимых поражениях, являющихся последствиями кислородной

недостаточности.

Отхлебнув горячего шоколада, Ванденбюш скривился. Такой же невкусный, как в клинике Свингедоу.

– Гиппокампы действительно крошечные, размером всего несколько миллиметров, что увеличивает их уязвимость. Они первыми страдают, когда кровь перестает циркулировать в мозгу. В большинстве случаев они выживают после подобных воздействий. Однако Манон тогда находилась в состоянии сильнейшего стресса. При этом уже было доказано, что глюкокортикоиды, выделенные по причине стресса, а именно кортизол, уменьшают нейрогенез в гиппокампах и атрофируют их. Подобные клинические случаи были констатированы, например, у воевавших во Вьетнаме американских солдат или у детей – жертв инцеста, которые, говоря научно, представляют наиболее благоприятную среду для повреждения памяти.

– Каков же вывод?

– Относительно Манон скажем, что асфиксия, а следовательно, нехватка кислорода серьезно повредила еще прежде пострадавшие гиппокампы.

– Только повредила или окончательно разрушила?

– И то и другое. Если бы они были полностью поражены, у Манон проявлялись бы необратимые нарушения ощущения пространства. Она была бы совершенно дезориентирована и не способна существовать без посторонней помощи. Это, кстати, относится к основной массе моих пациентов. Однако у Манон левый гиппокамп сегодня функционирует на десять процентов своих возможностей, а благодаря нашей программе мы каждый месяц получаем дополнительный объем. Манон может хранить словесную или звуковую информацию в течение трех или четырех минут, а это даже дольше, чем если бы она ее записала и часто перечитывала.

– Выходит, ее память похожа на… затухающий огонь, который оживляют, подбрасывая дрова?

– Если хотите. А если этот огонь, как вы говорите, не поддерживать, все исчезает… Манон забывает. Чтобы закреплять в памяти, она день за днем должна слушать аудиозаписи, запуская их многие десятки раз. Ей приходится прилагать неимоверные усилия, чтобы сохранить крошечное количество информации.

– Это чертовски сложно понять. Признаюсь, мне с трудом удается.

– Представьте просто, что вам в младших классах задали выучить стишок. Вы читаете его один раз и ничего не запоминаете. Если вы будете перечитывать его каждый день по многу раз, то в конце концов выучите

наизусть и сможете без запинки рассказать у доски перед всем классом. Но потом, если вы перестанете его повторять, он постепенно сотрется из вашей памяти, оставив только какие-то обрывки фраз вроде: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру…» Именно так функционирует память Манон. Только непрерывное повторение дает ей возможность выучить. Тогда ее памяти удается восстановить информацию, но без сопутствующих ей ощущений. К тому же в определенный момент, без тренировки памяти или ее поддержания, чтобы быть точным, почти все в конце концов исчезает.

Ванденбюш приложил указательный палец к своему правому виску:

– Что же касается ее правого гиппокампа, того, от которого зависит зрительная память, то он атрофирован на девяносто пять процентов. Войдите в палату, молча пожмите ей руку и выйдите. Если что-то ее отвлечет: какой-то шум, автомобильный гудок или гром, тогда, даже если вы вернетесь через минуту, она вас не узнает. Ее мозг не в состоянии хранить образы или лица.

Люси в задумчивости грызла ручку.

– Короче говоря, Манон напрочь забыла все, что произошло после нападения, но не то, что было прежде? Обратная амнезия?

– Скажем так: Манон забыла все, что она не записала и не попыталась выучить, то есть девяносто девять процентов своей жизни. К тому же ретроградная амнезия, так называемая амнезия «путешественника без багажа», почти всегда сопровождается антероградной. Так что утрата воспоминаний касается, в разной степени, и периода, предшествовавшего этому… низвержению в страну забвения. В случае Манон это полная утрата воспоминаний, относящихся к тому, что произошло за два месяца до нападения, воспоминания о еще более отдаленных событиях постепенно стабилизируются.

– То есть это значит, что она, например, не может вспомнить лицо грабителя… Или каким образом он на нее напал…

– От вас ничего не скроешь. Ей бы пришлось заучивать наизусть протокол с описанием совершенного на нее нападения, можете себе представить? В любом случае из-за своего правого гиппокампа она не узнает его в лицо. Она превратилась в так называемого прозопагностика[10]. Даже если она тысячи раз будет рассматривать вашу фотографию, «физически» она вас все равно не узнает. Только слова или интонации смогут ей что-то подсказать. Ее мозг слеп, хотя и не полностью глух…

Люси постучала ручкой по своему блокноту:

– И все же… Что касается остального – других ее… способностей… Они действительно остались прежними?

Доктор кивнул:

– Манон невероятно умна. Она полностью сохранила способность решать сложные проблемы. К тому же она представляет собой пример на редкость организованного человека. В этом ей очень помогает новая технология. «N-Tech» со встроенным GPS и мобильный телефон всегда при ней, что бы она ни делала. Все в ее жизни распланировано, отмечено, записано. Что надо делать, чего следует избегать. Абсолютно все. Она – образец невероятной дисциплины. Сходите в ее квартиру, и вы поймете…

– Вы там уже бывали?

– Разумеется. Для меня первоочередной задачей является знакомство с условиями жизни моих пациентов.

– Ну да, конечно.

Поколебавшись, Ванденбюш продолжал:

– Знаете, Манон и прежде, до всех этих проблем, была женщиной неординарной. А теперь она еще больше отличается от остальных. Она компенсирует необходимость хранить воспоминания при помощи своего ума. Она приспособилась к своему недугу.

– В чем неординарной?

Ванденбюш с гримасой отвращения допил шоколад и бросил стаканчик в урну.

– В двадцать два года Манон получила диплом одного из самых престижных университетов. В двадцать три стала магистром математики в…

Люси совершенно непроизвольно подняла голову от блокнота и посмотрела на собеседника:

– Продолжайте, пожалуйста…

– …в Технологическом институте штата Джорджия, в Соединенных Штатах. Потом… гм… Сложно четко обрисовать область ее исследований… Я сам не очень-то в этом разбираюсь, но Манон обладает даром просто и с увлечением рассказывать о том, чем она занималась раньше.

– И все же попробуйте. Хоть я из полиции, но мозги у меня есть.

Ванденбюш показал два ряда прекрасных белых зубов:

– Манон трудилась над одной из семи математических задач тысячелетия, касающейся… «качественной характеристики решений систем дифференциальных уравнений», над которой бились величайшие математики. Это настолько трудные задачи, что Математический институт Клэя[11] в Кембридже объявил премию в миллион долларов тому, кто найдет решение.

Люси присвистнула:

– Стоит поломать голову!

– Даже не пытайтесь. Сложность задач неподвластна нашему воображению. На этом уровне речь идет не о том, чтобы сломать себе голову над решением задачи, а об отречении от мира, принесении в жертву собственной жизни и жизни своих близких. Каждое доказательство требует многих сотен, нет, многих тысяч страниц! На самом деле Манон не работала непосредственно над решением проблемы, которой занималась. Ей, скорее, было поручено разобраться в предложенных другими математиками решениях и оценить их, а потом принять или отвергнуть.

Люси заметила, что в глазах Ванденбюша даже как будто светится огонек гордости, словно у берейтора, расхваливающего достоинства своей беговой лошади.

– Моя пациентка билингв: помимо французского, она в совершенстве владеет английским, знает латынь, а для развлечения занимается – точнее, занималась – изучением Фестского диска[12], одного из самых таинственных образцов иероглифического письма. Его язык до сих пор не расшифрован.

– Неслабое хобби.

– Вот именно. А в довершение сказанного страдающая амнезией Манон обладает фантастической рабочей памятью, подобно великим шахматистам, способным за короткое время проанализировать огромное количество ходов.

– Вы сейчас говорите о другой памяти?

– Да. О краткосрочной, или рабочей памяти. Той, что позволяет вам, например, запомнить номер телефона на несколько секунд, чтобы набрать его, никуда не заглядывая. Вы, как и я, можете удержать в своей краткосрочной памяти в среднем семь элементов. Например, «дом, вулкан, коляска, губка, микроскоп, копирка, язык»… А вот Манон способна запомнить больше двух десятков.

Их разговор был прерван стремительным появлением Флавиана.

– Манон проснулась. И уже уткнулась в свой «N-Tech». Это поразительно, но она, кажется, возвращается к жизни. Хотя и не понимает, как она здесь оказалась. «Это не записано в моем „N-Tech“, значит это ненормально», – сказала она мне. Брат пытается успокоить ее, но он объясняет все так, как ему вздумается…

– А именно? – поинтересовалась Люси.

– Более… умиротворяющей версией происшедшего.

– Мы идем с вами, доктор, – решила она.

Флавиан движением руки удержал их:

– Прошу вас подождать еще несколько минут. Я только что отправил туда медсестру, чтобы она помогла Манон привести себя в порядок. И не забывайте, лейтенант, о том, что я вам говорил, ей необходимы положительные ориентиры, а не поводы для тревоги! Так что спокойствие!

Прежде чем уйти, он с улыбкой обратился к Ванденбюшу:

– Дорогой коллега, попытайтесь ее сдерживать…

Люси даже не удостоила его ответом: она бегло просматривала свои записи в блокноте. И вдруг в упор спросила Ванденбюша:

– Вы обратили внимание на вырезанную у нее на ладони надпись? «Пр вернулся»?

– Да, я ее видел. Но, признаться, не совсем понимаю…

– Она думает, что речь идет о Профессоре, убийце, который свирепствовал здесь несколько лет назад.

Ванденбюш вдруг разнервничался:

– Она фантазирует. Это стало ее навязчивой идеей с тех пор, как…

– С каких пор?

Невролог сделал глубокий вдох:

– С тех пор, как он убил ее сестру… Карину.

Люси опешила, но тут же сопоставила факты:

– Ну да! Карина Маркет, одна из шести жертв! Могли бы сказать мне об этом раньше!

– Простите. Я не обладаю рефлексами, необходимыми для полицейского… Или полицейской, как правильно сказать?

– Понятия не имею. Расскажите мне, что вам известно об этой истории!

– На самом деле не так уж много. Это случилось до того, как Манон стала моей пациенткой.

– И все же?

– Когда была убита ее сестра, Манон еще не имела проблем с памятью. Однако мне удалось узнать, что смерть сестры повергла ее в глубокую депрессию. Действительно, именно в тот момент она прекратила все свои исследования, прервала свою блестящую карьеру… И вбила себе в голову мысль выследить Профессора. Для нее это стало…

– Навязчивой идеей?

– …Смыслом жизни. Ее брат рассказывал, что Манон тратила все свое время, все силы, чтобы отомстить за сестру. Она сумела установить прямые контакты с полицией, ей удалось ознакомиться с какими-то делами… Чтобы уяснить для себя логику действий убийцы, понять, какая дикая идея

им движет, она беседовала с родственниками других жертв, судмедэкспертами, психологами. Она отдавалась этому с тем же жаром, с каким прежде занималась своими математическими задачами. С безграничной настойчивостью…

Немного помолчав, Ванденбюш продолжал:

– А потом, через полгода, случилась кража, которая так плохо обернулась для нее и все нарушила… По крайней мере, я так думал…

– То есть что значит, вы так думали?

– Всего пару часов назад доктор Флавиан показал мне шрамы на ее теле… Теперь я понимаю, что Манон никогда не переставала преследовать убийцу, даже в своем нынешнем состоянии… Она блистательно скрывала свою игру, я вообще ничего не замечал… Поразительно, но она действительно на редкость умна.

– Вы полагаете, она и есть автор этих насечек на теле?

– Не просто полагаю, я в этом уверен! Она и ее брат. Он сам мне только что сказал. А Манон от меня их всегда скрывала…

– Брат? Но… Зачем?

– Понятия не имею. Он не захотел объяснять. Но я убежден, что эти раны имеют отношение к убийце ее сестры.

Люси закрыла блокнот. Голова гудела от вопросов.

Сестра Манон – жертва Профессора. Потом нападению подвергается сама Манон, это было три года назад. Кража. А теперь очередной стресс, как раз в самом начале рекламной кампании с ее участием. Простое совпадение? Возможно ли, чтобы она искалечила себе руку под влиянием страха, уверенная, что имеет дело с Профессором? Может ли ее недуг быть связан с галлюцинациями, рождал ли он мнимые воспоминания, «ощущения пережитого, дежавю»?

Необходимо было как можно скорее поговорить с Манон. Понять смысл этих загадок. Спички, «Другие», надрезы…

В вестибюле Ванденбюш достал из кармана визитную карточку:

– Вы, как и я, должно быть, задаете себе много вопросов. И их станет еще больше после общения с моей пациенткой. Она в самом деле поразительная личность. – Он протянул карточку Люси. – Не стесняйтесь, звоните мне, если я могу оказаться чем-то полезен. А не хотите ли вы завтра пойти с Манон в клинику Свингедоу? Это помогло бы вам немного разобраться в причудливых свойствах нашего мозга. Это… необычайно интересно.

– Спасибо. Я думаю, нам с вами еще в любом случае придется встретиться.

Невролог кивнул и добавил:

– Главное, когда мы войдем в палату Манон, не забудьте – нельзя вносить никаких изменений в ее и так уже нарушенный привычный образ жизни. Для страдающего амнезией нет ничего страшнее, чем очнуться в незнакомом помещении. В такие моменты приходят в действие защитные инстинкты. Почувствовав себя в опасности, Манон может… начать нести околесицу… сделаться буйной.

– Знаю. Бедняга-водитель, который подобрал ее в Реме, за это уже поплатился.

Врач посерьезнел:

– И последнее, но очень важное. Ее мать покончила с собой, перерезав себе вены, вскоре после ограбления.

– Знаю… Психиатрическая клиника…

– Мари Муане не удалось пережить внезапного исчезновения ее дочери Карины и того, что случилось с Манон.

– Надо признать, и правда многовато…

– Разумеется… А вот Манон – как бы это выразиться? – предпочла игнорировать факт кончины матери.

– Предпочла?

– Да, предпочла. Манон сама строит свою жизнь. Она отбирает, повторяя несчетное количество раз, только то, что ей хочется сохранить в памяти, а остальное отметает. Так что она нигде не записала факта этой смерти. Она решила не превращать его в воспоминание.

Люси не могла прийти в себя.

– Но… Как она могла предпочесть игнорировать такое событие? Ведь это ее мать!

– Я думаю, вы не до конца отдаете себе отчет… Представьте только, что среди ночи к вам в дверь стучат жандармы и сообщают, что ваша мать умерла. Представьте по-настоящему, будто на самом деле, прошу вас… темнота, стук в дверь, жандармы… А потом вас оставляют наедине с этой болью плакать сутки напролет. Потом вам стирают память, вы уже не знаете, в чем причина вашей подавленности. Она вас не покидает, голову сжимает железный обруч, глаза щиплет – но вы ничего не понимаете! Едва вы приходите в себя, вам снова сообщают эту ужасную новость. Те же жандармы, которые недавно стучали в вашу дверь. И так каждую ночь, по многу десятков раз, до тех пор, пока это горе не закрепится наконец в болезненное воспоминание. Манон отказалась от этого невыносимого напряжения. Она предпочла сохранить счастливые воспоминания и не омрачать их этой смертью. Потому что воспоминания, предшествующие

несчастному случаю, – это все, что у нее осталось. Аромат духов, ласки, смех… Это единственное, что связывает ее с жизнью, они дарят ей прошлое, дают ощущение, что она жива. Поэтому ее сознание любой ценой стремится сохранить их нетронутыми. Понимаете?

Люси кивнула.

– Прекрасно, – продолжал Ванденбюш. – Я и ее брат, мы… уважаем выбор Манон: не знать. Мы приняли решение не мешать ей верить, что Мари Муане жива. Никто не может войти в систему «N-Tech». Она защищена паролем, который Манон постоянно меняет. Так что для нас совершенно невозможно внести туда ложную информацию о «существовании» ее матери… Но… мы регулярно говорим Манон, что она забыла записать о визите Мари, что она днем звонила ей и тому подобное. Тогда Манон самостоятельно вносит эти данные в свой органайзер. Если я скажу, что вчера она звонила матери, она поверит. Я… действую таким образом по обоюдному договору с ней самой, чтобы ненароком не причинить ей ненужных страданий.

Люси переполняло чувство протеста.

– Сумасшедший дом какой-то! Кто угодно может сфальсифицировать прошлое Манон… Что за ужас…

– Я с вами согласен, эти пациенты легко уязвимы. Знаете, человечество и, даже более того, животный мир выжили потому, что мозгу проще регистрировать негативную информацию, чем позитивную. Это научно доказано. С незапамятных времен именно негативные эмоции помогали ускользнуть от хищника или, например, постоянно искать пропитание, даже при отсутствии чувства голода. Вспомните медведей, которые перед тем, как впасть в зимнюю спячку, несколько месяцев питаются впрок. Они предчувствуют опасности зимы. Но у страдающих антероградной амнезией больше нет этого инстинкта самосохранения. Они знают о своей уязвимости, но ничего не могут сделать. И это ввергает некоторых из них в тяжелейшее депрессивное состояние, которое может даже закончиться самоубийством. Это статистически доказано, а психиатрические клиники ежедневно регистрируют все новых больных, пораженных амнезией. И не знают, что с ними делать. Вот почему – вы это заметите – Манон очень бдительна. Она замкнулась, чтобы защитить себя. Она доверяет только самой себе и записям в своем органайзере.

– А брату?

– И ему, разумеется. Они очень близки. Фредерик с огромным вниманием заботится о ней. Но Манон психически очень неустойчива: у нее очень быстро меняется настроение. Сегодня она доверяет вам, а

завтра – нет. Вы увидите, она может быть буйной, а через минуту – само очарование. Вот так-то…

Они подошли к лифтам.

– Несколько минут назад я рассказывал вам о краткосрочной памяти… Вы помните те семь слов, которые я назвал?

– Ммм… Дом, коляска… Больше не помню…

– Больше не помните… Так вот у Манон то же самое с лицами… Она больше не помнит…

12

В тот самый момент, когда Люси уже собиралась войти в палату, ее окликнул симпатичный высокий загорелый молодой человек, очень похожий на Манон. «Немного чересчур безукоризненный у него вид для столь позднего часа», – отметила про себя Люси.

– Вы куда? – сухо спросил он.

Люси почувствовала некоторое смущение оттого, что предстала перед ним, вырядившись так, будто собралась в лес за грибами.

– Фредерик, вы разговариваете с лейтенантом полиции, – предостерег его Ванденбюш.

– Извините, я не знал…

– Ничего страшного, – ответила Люси, – у меня действительно со вчерашнего вечера не было времени привести себя в порядок. Я должна допросить вашу сестру. Доктор Флавиан предупредил вас?

– В общих чертах, да. До сих пор не могу поверить.

– Однако это правда. Мы только что обнаружили место ее заточения.

Фредерик Муане нахмурился:

– Где именно? Где ее держали?

– Недалеко от Рема, в охотничьем домике. Господин Ванденбюш сообщил мне, что вы очень близки с сестрой. Когда вы в последний раз видели ее?

Он ответил сразу, не задумываясь:

– Не далее как сегодня утром. Она собиралась на пробежку в девять тридцать. А точнее, в девять десять. Я уходил на работу.

– Невероятная точность…

– Это необходимо, если живешь рядом с кем-то вроде моей сестры. Она постоянно находится под страхом уходящего времени.

– А что было дальше?

– Я уехал на работу и больше ее не видел. Я еще был в офисе, когда мне позвонил доктор Ванденбюш.

– Около часу ночи?

– А разве вы в это время не работаете? Я уже больше недели ложусь безумно поздно. Я директор фирмы «Эстерия». Это лилльское предприятие, которое производит информационные системы отслеживания багажа по электронным этикеткам. Сейчас мы готовимся к участию в важном тендере, объявленном компанией «Air France». Есть шанс получить

многомиллионный контракт.

Правильный, молодой, умный. Идеальный экземпляр для сайта знакомств. Однако Люси не отреагировала.

– В последние дни вы не замечали ничего странного? Чего-то непривычного в жизни вашей сестры?

– Пожалуй, нет.

Он на мгновение задумался.

– Разве что вчера вечером. После звонка доктора Ванденбюша я заехал домой, чтобы взять для нее смену одежды. Дверь была не заперта, а возле компьютера я обнаружил «N-Tech», ее органайзер. А ведь она никогда с ним не расстается и всегда перед пробежкой запирает дверь на ключ.

– Может, она просто забыла? Мне кажется, для человека, страдающего амнезией, это нормально. В конце концов, всем случается забыть свой мобильник или запереть дверь.

Фредерик отреагировал мгновенно:

– А вам случалось забыть одеться перед выходом из дому?

– Э-э-э… В общем-то, нет. К счастью…

– Манон была приучена к тому, чтобы никогда не забывать своего гаджета. Эти движения были повторены сотни раз, чтобы укорениться в ее глубинной памяти. Привычка, ставшая рефлексом, как и привычка одеваться.

– Приучение позволяет научить страдающих амнезией пользоваться аппаратом «N-Tech», – вступил в разговор подошедший к ним Ванденбюш. – Они не в состоянии вспомнить, но могут выучить и делать успехи, потому что вызванная, процедурная память – это совсем другое.

Люси опять поняла, что не справляется с информацией. Эти разговоры о памяти не давали ей сосредоточиться. Она с сомнением спросила:

– Получается, раз у нее не было с собой органайзера, я должна сделать вывод, что ее похитили прямо из дома, среди бела дня?

– Мы с доктором именно так и подумали. Мы с сестрой живем не в многоэтажном доме, а в принадлежащем мне особняке в испано-фламандском стиле, поделенном на четыре квартиры. Кроме нас, других жильцов там нет. Дом расположен в тупике Вашэ, в Старом Лилле. Узкий проход между очень высокими кирпичными стенами, место достаточно безлюдное, даже днем. В двух квартирах уже несколько месяцев идет ремонт, но сейчас строители в отпуске.

Люси бросила взгляд на часы. Уже 2:45. Всего час пятнадцать до окончания срока ультиматума. И по-прежнему ничего…

– Мы еще с вами все это обсудим. И надрезы тоже.

Фредерик сердито посмотрел на Ванденбюша, а потом бросил:

– Значит, вы тоже в курсе!

– Да. Но теперь мне уже совершенно необходимо срочно переговорить с вашей сестрой.

Фредерик отвел ее подальше от двери в палату:

– Бесполезно ее спрашивать. Вы только разбередите рану. Она ничего не вспомнит.

– Я знаю, доктор Ванденбюш мне объяснил. Но похититель оставил в хижине какую-то загадку. Что-то совершенно непонятное. И я думаю, ваша сестра сможет помочь нам разобраться.

Фредерик рывком сдернул с шеи черный шелковый галстук.

– Какую загадку?

– Послушайте, сейчас ведется следствие. И у меня нет времени!

– Однако речь идет о моей сестре!

– В оставленном сообщении говорится про какой-то ключ, и им может быть сама Манон. Мне бы хотелось поговорить с ней об этом, если позволите.

– Я могу отказать?

– Пожалуй, нет.

Он помрачнел:

– В таком случае я должен присутствовать. Но будьте осторожны в выражениях.

– Разумеется, вы в полном праве беспокоиться о своей сестре, о том, что с ней стряслось, но тем не менее смените, пожалуйста, тон. Я не ваша подчиненная! И в полиции работаю я, а не вы.

Оставив его в коридоре, Люси направилась в палату. Он поспешно догнал ее. За ними последовал Ванденбюш. Едва войдя в палату, Люси встретилась взглядом с лежащей в постели женщиной. В ее глазах она заметила любопытство, но в них ничего не мелькнуло, как бывает, когда люди узнают друг друга. Можно было с уверенностью сказать, что знаток математики с поразительными способностями, но с перегоревшими электрическими цепями в мозгу видит Люси впервые.

Лейтенант полиции Энебель была в замешательстве. Она заметила повязку на руке Манон. Что сказал ей брат? Что она поранилась? Или что ей было плохо? Что он мог придумать относительно следов на ее лодыжках и запястьях? Так ли необходимо было снова ввергать ее в ужас тех страшных часов?

– Эта дама из полиции, – проговорил Фредерик, заметив растерянность Люси. – Это я привел ее сюда. Она хотела бы кое о чем

спросить тебя.

Он повернулся к Люси:

– Давайте. Но побыстрее. И говорите кратко и точно. Иначе сестра потеряет нить.

В знак благодарности Люси едва заметно кивнула. Манон отложила органайзер на ночной столик и с интересом посмотрела на нее:

– Кое о чем спросить? Меня?

– Полиция часто шатается по больницам, – ответила Люси, стараясь улыбнуться. – Вообще-то, я работаю над одним делом, которое, как мне кажется, имеет отношение к математике. А если верить словам вашего брата, вы в этом здорово разбираетесь.

Лицо Манон осветилось сиянием, как на рекламном плакате. Как она может быть столь безразлична к только что перенесенному испытанию? Люси стала иначе воспринимать Манон – как женщину, которая ежеминутно возрождается. Как мимолетное дуновение.

– Пожалуй, да… – ответила Манон. Она указала на покрытые грязью ботинки Люси: – Участковый полицейский?

– Можно и так сказать.

– Что это за дело?

Люси взглянула на Фредерика и Ванденбюша и сказала:

– Правонарушение. Молодежь, скорее всего.

– Дело, касающееся молодых правонарушителей и, возможно, связанное с математикой? Любопытно узнать подробнее. Я вас слушаю.

– Это произошло в Реме, недалеко от Валансьена.

– Я знаю, где Рем, спасибо. У меня амнезия, но я не невежда.

Люси на мгновение опешила. Так спокойно говорить о своем недуге…

– Отлично. В одном охотничьем приюте мы обнаружили послание, написанное на стене. Оно гласило, слушайте внимательно: «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00».

Манон и Фредерик одновременно напряглись.

– Кто это написал? – спросила Манон, резко поднявшись в постели.

Теперь она заговорила быстро:

– Кто? Скажите мне: кто? Скажите!

– Не знаю, – ответила Люси. – По-вашему, что это значит?

– Вся эта суета имеет прямое отношение ко мне! Вы не случайно, как утверждаете, оказались здесь!

– Ну, вам видней.

Манон держалась настороже. Брат подошел к ней и нежно взял за

руку:

– Ты не обязана отвечать.

Бросив на него подозрительный взгляд, Манон вырвала руку:

– Почему? Я могу ответить! Тут нет ничего необычного! Совершенно ничего! – Она повернулась к Люси. – Я не понимаю вашей загадки и не вижу никакой связи с математикой. Но…

– Но что?

– Но это «Возвращайся позлить Других» меня заинтриговало. Правда, Фредерик? Ты ведь тоже помнишь?

Он кивнул и уточнил:

– Речь идет о выражении, которым мы с друзьями и кузенами пользовались между собой, когда были подростками. «Возвращайся позлить Других». Другими мы называли… привидения.

– Привидения?

– Да, привидения, – подхватила Манон. – Привидения, населявшие дом в Эме. Это была старая постройка, где таинственным образом якобы появлялись мертвецы. Время от времени мы с наступлением темноты забирались туда. Для адреналина. Эм, дом в Эме…

Она замолчала. Фредерик метался по палате, как лев в клетке. Его властный взгляд свидетельствовал о том, что он имеет опыт и привычку руководить людьми. Люси попыталась абстрагироваться от его присутствия, чтобы сосредоточить все свое внимание на Манон. Та сказала:

– Это ведь наше выражение! Откуда кто-то мог узнать его? Это невозможно! Прошло столько времени!

Она рассчитывала на поддержку Фредерика, но, не получив ее, продолжала:

– Но я не понимаю смысла вашего послания. Даже если хорошенько подумать, мне ничего не приходит в голову. Мне очень жаль. Искренне жаль, мадам.

Манон схватила «N-Tech» и пишущую палочку и принялась проверять события последних часов, торопливо щелкая по сенсорному экрану. Неотмеченные встречи. Посещение банка в 11 утра: пропущено. Визит с Миртой к ветеринару в 15 часов: пропущен. Что все это значит?

– Манон.

Она подняла глаза на Люси.

– Это еще не все, – настойчиво сказала та.

– Что значит «не все»? И… почему я заговорила про дом в Эме? Что вам, вообще, от меня нужно?

Между ними, слегка оттеснив Люси назад, встал Фредерик и прошептал ей:

– Не отвечайте…

Он обратился к Манон:

– Эта дама из полиции…

А затем вкратце еще раз обрисовал ей ситуацию. Он подыскивал точные слова, что-то выпускал, зорко следя за реакциями сестры. Наконец несколько озадаченная Люси смогла продолжить свой допрос:

– В той хижине в Реме на полу было разбросано огромное количество спичек. Много тысяч. Мои коллеги…

– Огромное количество спичек? – перебила ее Манон. – Как они были расположены? Опишите мне!

– Раскиданы почти повсюду, в совершенно произвольном порядке.

Манон несколько раз подряд щелкнула пальцами. Фредерик не шевелился.

– В произвольном порядке! Разумеется! А пол там паркетный?

– Точно.

– Паркетные доски. Их ширина равна длине одной спички? Ведь так?

Казалось, появился след. Ключ подошел к замку.

– Э-э-э… Думаю, да. Но… Какой смысл в подобной мизансцене? Какая связь между этими спичками и домом с привидениями в Эме?

Молодая женщина вдруг принялась рассматривать повязку на своей руке. Неожиданно она покрылась испариной. Фредерик не успел вмешаться: Манон яростно сорвала повязку.

Ее сердце сильно забилось. На ладони эта жуткая фраза: «Пр вернулся».

Она вся сжалась, точно загнанный зверь, и закричала:

– Он вернулся! Этот подлец вернулся, чтобы снова преследовать нас! И решил сорвать зло на мне! Скажите, я права? Только не лгите!

– Никто тебе не лжет, – солгал ее брат. – Мы скоро вернемся домой, и все будет хорошо.

Манон уже не слушала. В страхе она закричала еще громче:

– Отвезите меня туда! Отвезите меня в Эм, в дом с привидениями! Немедленно!

Люси спокойно возразила:

– Прежде объясните мне, что означают эти спички.

Внезапно Манон приподнялась на кровати, и ее лицо вплотную приблизилось к Люси. В ее голубых глазах полыхало черное пламя ярости.

– Он вернулся! Я не упущу возможности поймать его! Отвезите меня

туда, иначе вы ничего не узнаете!

13

В кабине старенького «форда» Манон возилась со своим «N-Tech». От электронного прибора исходило слабое белое свечение.

– Мне нужно все это записать, – неустанно твердила она. – Продолжайте, продолжайте рассказывать. Все, что знаете. Абсолютно все.

С безлюдных бульваров автомобиль на полной скорости свернул на перемычку северо-западной окружной дороги. Маркет, Бондю, Вамбреши… За окном один за другим мелькали выезды, а в металлической коробке, на которую обрушивались тонны воды, звучал голос женщины-полицейского. В который раз она рассказывала о самом страшном, стараясь при этом говорить спокойно. Похищение Манон, ее блуждание по улицам Лилля, охотничья хижина и замысловатое послание. Манон не пропускала ни малейшей детали этого словесного ада, фиксируя основные события и записывая слова Люси при помощи крошечного микрофона, встроенного в органайзер.

– Профессор… Как ему удалось меня удержать? Зачем? Откуда он мог знать про «Других»? Это было наше выражение! И… Нет! Это невозможно!

Манон не удавалось успокоиться. Самые отчаянные попытки сосредоточиться ни к чему не приводили: вопросы вертелись у нее в голове. Без ответов.

– А вдруг вы говорили об этом, пока он держал вас взаперти? – предположила Люси, глядя на часы. – И вас вынудил тем или иным способом? Как знать?

– Держал меня взаперти… Боже мой, я была в его власти… Нет-нет! Я бы никогда не стала рассказывать о своем детстве! Никогда!

– Как вы можете быть так уверены, если ничего не помните?

– Есть вещи, которые помнишь о себе. Даже если страдаешь амнезией! Я не забыла, кто я. Я знаю, кто я! Вы можете это понять?

Люси заговорила самым примирительным тоном:

– Конечно-конечно. Не нервничайте, это никому не нужно. Поговорим о надрезах на вашем животе… Мне бы хотелось, чтобы вы объяснили, что они означают. Доктор Ванденбюш сказал мне, что вы их сделали с братом.

Манон мгновенно ответила:

– Понятия не имею.

– Как это – понятия не имеете?

– Говорю же, понятия не имею! Я не понимаю смысла этих шрамов! Я знаю, что они там, на мне, но не понимаю, что они означают! Когда они были сделаны? Для чего? Мне это совершенно неизвестно! – Она схватила Люси за руку. – Как Профессору удалось похитить меня? Как я выбралась?

– Манон, я…

– Его необходимо найти! Скажите, что вы скоро найдете его! Скажите же!

– Мы все для этого сделаем. – Люси посмотрела ей прямо в глаза и добавила: – Вы можете мне верить. Но если вы хотите, чтобы я помогла вам, придется мне доверять…

Чувствуя комок в горле, она свернула на Рубе-Эст. 3:35. Оставалось меньше получаса…

– Поговорим о спичках. Вы так и не сказали мне, что они означают. Я должна знать.

– О каких спичках?

Манон взглянула на женщину за рулем. Ее пальцы незаметно нащупали ручку дверцы.

– Где ваше удостоверение? Вы не показали мне своего удостоверения! Ваше полицейское удостоверение!

Люси вздохнула:

– Показала. Перед тем, как сесть за руль. И потом еще два раза за время поездки. Возьмите его, оно у меня в кармане куртки. Мне не пришло в голову оставить его на виду. Я пока не привыкла, простите… Но умоляю, раз и навсегда, отпустите ручку двери. В конце концов вы вырвете ее и доконаете мою бедную машину.

Манон с облегчением завладела трехцветным документом.

– Простите меня. Я часто повторяю одно и то же.

– Это вы мне тоже уже объясняли. Но не извиняйтесь. Я прекрасно понимаю, хотя это… трудно. Скажите, вы всегда так быстро говорите?

– Да, это способ сделать разговор более информативным. Из моей головы все так быстро улетучивается… Куда мы едем?

– В Эм, в дом с привидениями. Уже обсуждали…

Люси на мгновение задумалась и повторила:

– А вот надрезы на вашем теле, что они значат?

– Не знаю.

– Ладно. Попробую попозже.

Не слушая ее, Манон снова погрузилась в лабиринты своего «N-Tech». Но вдруг опять обратилась к спутнице:

– Можно мне вас сфотографировать? Тогда я не буду постоянно

требовать показать мне ваше удостоверение.

Люси кивнула. Манон включила лампочку под потолком, нажала функцию «фото» на органайзере, а затем принялась что-то писать на экране.

– Что вы записываете? – поинтересовалась Люси, на несколько секунд оторвав взгляд от дороги.

– Ваше имя, профессию, причину нашего знакомства. И основные черты вашего характера. И еще впечатление, которое у меня сложилось на данный момент.

– Мне любопытно было бы узнать, что вы обо мне думаете.

– Не то, что я думаю. Что я ощущаю, здесь и сейчас. Надежность – в вашем властном взгляде. Увлеченность своим делом, потому что вы здесь со мной среди ночи. Суровость – она тоже читается в ваших глазах. Волнение, о котором свидетельствует ваш голос, руки и манера говорить… Я заметила ваше умение слушать, а также какую-то боль. Пожалуй, даже много боли. Или я ошибаюсь?

– Не слишком. Когда я была подростком, мне пришлось многое пережить из-за…

Она умолкла, но все же закончила фразу:

– Из-за хирургической операции, которая… которая на меня сильно повлияла.

– Какого рода?

– Я предпочитаю не говорить об этом.

– Знаете, мне можно. Я умею хранить тайны и… забывать то, что мне рассказывают. Если вы понимаете, о чем я.

Манон совсем не знала женщину, с которой разговаривала, но чувствовала себя непринужденно и спокойно. Необъяснимое ощущение. Заметив, что Люси не готова к откровенности, она спросила:

– И эта операция означала конец вашей молодости, изменила ваше поведение? Как мои проблемы с памятью?

На сей раз Люси не отрываясь смотрела на дорогу.

– После этого моя жизнь уже никогда не вернулась в прежнее русло. И… я совершаю поступки, за которые ненавижу себя… порой непонятные окружающим. Но… Простите. Больше я ничего не могу вам сказать.

– Меня люди тоже не понимают. Это нас с вами хотя бы как-то сближает.

Манон откинулась на подголовник и глубоко вздохнула:

– Вас преследует прошлое, а меня – будущее. Я не могу строить планы, не могу уехать в отпуск, потому что даже не буду знать, где

нахожусь. Это совершенно бессмысленно, ведь у меня все равно не останется никаких воспоминаний. Никаких. Никогда.

Люси почувствовала, что вынуждена признать правоту Манон. Если нет воспоминаний, то фотографии – это всего лишь глянцевая бумага из пошлых каталогов.

Манон сосредоточилась на белых полосах, бегущих вдоль дороги. Все они исчезали во тьме, точно так же, как ее ускользающее существование. Она не знала ни куда едет, ни зачем. Наверняка женщина за рулем уже два, три, десять раз говорила ей… Совершенно очевидно, ее объяснения записаны в «N-Tech»… Но Манон не испытывала желания рыться в нем: не сейчас, потому что сейчас ей было спокойно.

– Во всяком случае, у вас прелестные близнецы.

Люси вытаращила глаза:

– Откуда вы знаете?

Манон указала пальцем:

– Так вот же, фотография у вас на брелоке. Как их зовут?

Люси удивилась. Если Манон постоянно все забывает, зачем ей знать их имена? С какой стати?

– Слева Клара, справа Жюльетта.

– И Жюльетта командует?

– Ну, знаете, вы меня огорошили!

– Они сидят рядышком, но, если присмотреться, Жюльетта выставила вперед руку, словно отгораживаясь. Как будто для того, чтобы оттолкнуть сестру назад, показать, что пространство принадлежит ей одной.

Люси немного напряглась. Ей вспомнилось, что Ванденбюш рассказывал о своей пациентке. Как о невероятно собранном, организованном и умном человеке, несмотря на ее амнезию.

– Вы на редкость наблюдательны…

– Это никак не связано с моей болезнью, просто профессиональная деформация. У меня большой научный опыт, а все науки, в частности физика, основаны на наблюдении.

– Знаете, науки и я… Это как предложить жителю Дюнкерка безалкогольного пива.

– Когда вы улыбаетесь, у вас прекрасные глаза. Я всегда надеялась, что сумею запоминать приятные для себя образы, что благодаря силе воли смогу побороть эту крошечную, всего несколько миллиметров, дисфункцию в моем мозгу. Я думаю, что после моего… моей… – Манон бессознательно коснулась рукой горла. – После того, что со мной случилось, мне пришлось столько всего запоминать. Звуки, голоса,

интонации после бесконечных усилий иногда возвращаются, но образы – никогда. Черная дыра. Вы понимаете?

– Конечно. А что, например, у вас останется от сегодняшнего вечера? От того, что мы с вами сейчас переживаем?

– Увы, но о вас у меня не сохранится никакого воспоминания. Если мы расстанемся хоть на несколько минут, а потом снова встретимся, у меня будет ощущение, будто я вижу вас впервые. Я уже не помню, как у нас начался этот разговор. О чем мы говорили? Зачем? И куда мы едем? Скоро я забуду, что у вас есть близнецы и чем вы занимаетесь. По крайней мере, до тех пор, пока не справлюсь в органайзере… Фиксировать. Мне необходимо все фиксировать и выучивать. Это единственный способ. Единственный.

– А после того, как вы туда заглянете?

– Тогда я буду знать. Но это не вызовет у меня никаких ощущений, никаких эмоций, ничего. Примерно как если бы я вдруг узнала, что Берлин – столица Германии. Процессуальная память, только и всего. «Механический мозг». Мне жаль. По-честному, очень жаль.

Люси с нежностью посмотрела на нее:

– Не огорчайтесь. Я-то буду помнить… А это самое главное…

Манон прикрыла глаза, вздохнула и снова взглянула на Люси:

– Иногда меня разбирает злость на моего брата Фредерика, или же я начинаю хохотать и вынуждена спрашивать у него: «Но… почему я на тебя разозлилась? Отчего я так счастлива? Почему я плачу? Объясни, Фредерик, объясни мне!» Я знаю, что иногда он возит меня в Кан повидать маму, но я не помню наших встреч, я не понимаю, состарилась ли она, как изменились ее черты и рада ли она мне… Кроме того, я не знаю, какое произвожу впечатление. Растерянной? Сбитой с толку? Несчастной? Как можно будет в общих чертах описать мою жизнь, когда я умру? Что я оставлю в наследство…

Явно взволнованная, Манон умолкла.

– Мне бы так хотелось родить, я обожаю детей больше всего на свете. Но разве можно быть матерью, если, придя за ребенком в школу, ты не узнаешь его среди других детей? Не вспомнишь ни цвета его глаз, ни его голоса?

Люси слушала ее, тронутая подобной искренностью. Манон указала на органайзер:

– Невозможно зафиксировать в «N-Tech» свои чувства: ни радость, ни слезы, ни пережитые эмоции. Одну только процессуальную информацию. Холодные, безликие слова, лишенные всякого смысла. Амнезия – это

приговор: жить в одиночестве и… умереть в одиночестве. От сегодняшнего вечера я сохраню лишь то, что зафиксировано и записано здесь. Главные факты я выучу наизусть, так что даже смогу составить из них что-то наподобие слепого воспоминания, лишенного образа. Как если бы я зазубрила номера телефонов или номерные знаки автомобилей.

– Или что Берлин – столица Германии…

Манон кивнула:

– Все связано с воспоминаниями. Именно они заставляют нас плакать во время похорон, и благодаря им наше сердце бьется сильнее, когда мы входим в детскую…

Она посмотрела на Люси, ее голубые глаза застилали слезы.

– Девушка…

– Не девушка… Люси. Меня зовут Люси Энебель…

– Люси, вы осознаете, что я вынуждена производить отбор того, что хочу запомнить? События, ежедневные факты. Вы об этом даже не задумываетесь, ведь от вас это не требует никаких усилий! Выучить, какой сейчас год, что ураган убил сотни тысяч людей, что на Ближнем Востоке идет война или что теперь существуют устройства для записи видеодисков. Повторять, непрестанно повторять, чтобы не забыть, чтобы не выглядеть идиоткой или невеждой. Мне пришлось даже выучить причину, по которой я потеряла память! Выучить, что со мной случилось! Если я не записываю, не повторяю каждую мелочь по сотне раз, все исчезает… – Несмотря на горечь своих слов, Манон сумела изобразить улыбку и спросила: – Я ведь вам это уже говорила?

– Нет-нет, успокойтесь, впервые слышу.

– Но уж точно не в последний раз. Если вы заметите, что я повторяюсь, как заезженная пластинка, тотчас останавливайте меня. Для меня нет ничего хуже, чем… Ну, вы же понимаете?

– Да, понимаю и сразу вам скажу. Вы можете мне доверять. Обычно я говорю, что думаю.

– Скажите, вы можете мне дать ваш адрес и номер телефона? Разумеется, если их у меня еще нет…

Люси протянула ей визитную карточку, которую Манон аккуратно убрала в футляр органайзера. Они молчали, погруженные в свои мысли, пока не прибыли на место. Эм. Автомобиль углубился в улицу без жилых домов, лишенную всякого освещения. В конце виднелась темная неподвижная масса. Дом с привидениями. Кирпичное чудище с изломанными очертаниями.

3:45.

Мотор выключен. Фонарь в руке. Люси пожалела, что не прихватила свой «зиг-зауэр». Подумать только, ведь поначалу речь шла лишь о том, чтобы составить протокол в пятидесяти метрах от ее собственного дома! Редкостное умение влипнуть! Драки не на жизнь, а на смерть, рискованные операции вечно выпадали на ее долю!

Она понимала, что должна вызвать для подкрепления патруль. Правило номер один: всегда работать с напарником. Но она решила поехать сюда одна. Не оставалось времени.

– Вы готовы снова пойти на грозу? – спросила Люси, проверяя, хорошо ли работает лампочка в ее фонаре.

– Разве мы это уже делали вместе? – удивилась Манон, оторвавшись от органайзера.

– Вместе нет, скорей порознь. Знаете, как туда войти?

Манон указала пальцем:

– В юности мы обходили дом, потом сзади залезали на навес дворика. Тогда двери и окна первого этажа были заколочены. Думаю, и сейчас тоже.

Люси заметила блеск в глазах молодой женщины.

– Забавно снова вернуться сюда, – призналась Манон. – Столько воспоминаний… Вам должно показаться странным, что я помню детали своей юности и не знаю, что делала три минуты назад, да?

– По правде говоря, нет. Доктор Ванденбюш попытался мне объяснить… разные типы памяти… Мне кажется, я примерно поняла.

Люси взялась за дверную ручку:

– О’кей! Посидите пару минут в машине, я сначала проверю.

– Для меня это слишком долго! Я пойду с вами.

– Какая же вы упрямая!.. Ладно, тогда возьмите мою накидку! И все время оставайтесь у меня за спиной! Если с вами что-то случится, я могу потерять работу.

Манон убрала органайзер в герметичный футляр, который засунула во внутренний карман куртки, и только после этого надела накидку. Люси до самого верха застегнула молнию на куртке.

– А теперь вперед!

– Подождите, вы не взяли ни резиновые перчатки, ни маски, ни шапочки! А вдруг мы сейчас окажемся на месте преступления? Мы не должны оставлять там волосы, ворсинки, отпечатки пальцев!

– Из вас бы вышел отличный полицейский. Похоже, вы разбираетесь в нашем деле.

– После смерти сестры я всерьез занималась этим вопросом.

– Не беспокойтесь. Здесь нам не понадобятся ни перчатки, ни

стерильные халаты. То есть я надеюсь! Пошли! Вперед!

Стоило им закрыть дверцы машины, на них обрушились ветер и дождь. Они шли пригнувшись, пока не достигли изъеденной лишайником задней стены участка. Обе с трудом перелезли через нее и оказались в саду, представляющем собой вместилище смрадной грязи. Люси подняла голову и взглянула на дом. Сквозь потоки воды луч ее фонаря высветил ели, крыльцо, высоченные стены.

Пока они шли в сторону дворика, ни одна из них не заметила неподвижную тень, которая следила за ними через разбитое окно верхнего этажа.

Силуэт бесшумно отступил вглубь дома.

3:50.

Молодые женщины пробежали вдоль фасада. Теперь они дышали в такт, словно представляли собой единый организм. Одна принялась толкать, другая тянуть, помогая друг другу взобраться на стену. Скривившись от боли – чертова голень, – Люси вооружилась толстой веткой, которая валялась на крыше, и, соблюдая все предосторожности, первая проникла внутрь дома. А ведь всего несколько часов назад она преспокойно лежала на диване в своей квартире, рядом с дочками…

Оказавшись в помещении, она перевела дух. С куртки струями стекала вода, в горле першило. Люси оглянулась на Манон.

– Все в порядке? – прошептала она, потирая больную ногу.

– Нет, не все! Вы кто? Зачем мы здесь? – испуганно ответила Манон и отбежала в угол, чтобы включить органайзер.

Функция «Последние записанные события». Похищение… Отделение неотложной помощи… Люси Энебель… Загадка…

В растерянности она принялась твердить:

– Профессор… Профессор… Нет, это невозможно…

Подбежала Люси, держа перед собой полицейское удостоверение:

– Манон, послушайте. Не пытайтесь понять ни что мы здесь делаем, ни что с вами произошло. Я уже много раз вам это все рассказывала. Просто доверьтесь мне, хорошо?

– Я… Я вам не доверяю, мадемуазель Энебель. Хоть вы и сотрудник полиции, я вас не знаю.

Она резко выпрямилась, выхватила из рук Люси фонарь и принялась осматривать комнату.

– Что вы делаете? – спросила лейтенант Энебель.

– Понятия не имею. У меня в органайзере записано, что нас сюда привел Профессор. Что там, где он меня держал, есть какое-то послание.

Так что непременно надо найти где-нибудь другое послание, какие-то знаки, чтобы выйти на след!

Манон глянула на запястье, заметила, что часов нет, и вернулась к своему прибору.

– 3:58. В послании ведь говорилось про четыре часа? Я не ошиблась? Я ничего не упустила? Скажите!

– Нет. Время ультиматума почти подошло, а жертвы, похоже, так и нет…

Не понимая, куда и зачем она идет, Манон пересекла комнату и вышла в коридор. Люси бросилась за ней. И вдруг они услышали, как позади них скрипнули половицы.

Люси даже не успела обернуться. Сильная рука схватила ее за горло и оторвала от пола.

– Что, дрянь, хочешь поиграть?

Ее с силой отбросило к стене, она ударилась лбом о бетон и бессильно сползла вниз.

Вскрикнув, Манон выронила фонарь, он покатился с глухим шумом. Она попятилась, чувствуя, что тело отказывается повиноваться ей.

– Кто вы?

– Хочешь познакомиться?

С невероятной быстротой человек бросился на нее и, к огромному удивлению, получил удар ногой в грудь. Он взвыл от боли, но второй удар уже сломал ему правое колено. Однако ему удалось схватить Манон за волосы. «N-Tech» выскользнул у нее из рук и упал на пол. Девушка закричала и снова ударила… Сама не зная почему, она метила в солнечное сплетение, но на этот раз нападавший не дал застать себя врасплох. Он отбросил ее с титанической силой, и она рухнула на пол.

– А ты даже хорошенькая. Ну просто ангельская мордашка. Думаю, будешь первая.

Он перевернул Манон лицом вниз. Она вдохнула мерзкую пыль и страшно закашлялась от недостатка воздуха. Противник изо всей силы давил ей коленом в спину, прижимая к полу.

Звякнула пряжка ремня. Послышался звук расстегиваемой ширинки. Какое-то животное пыхтение прямо ей в затылок. Что происходит? Где она? Одна? А почему? Неужели она сейчас умрет?

Но больше он ничего сделать не успел. Дубиной ему размозжило голову. Пошатываясь и закрывая руками лицо, он поднялся, и в этот момент мощнейший удар в пах заставил его согнуться пополам.

Он бросился к лестнице, потерял равновесие, не удержался на ногах,

покатился по ступеням и в конце концов замертво рухнул на кафельный пол.

Люси потерла лоб, на кончиках пальцев осталась тонкая пленка крови. Потом она склонилась над Манон, которая на четвереньках отползла в дальний угол и прижалась к стене.

– Оставьте меня! Оставьте меня!

– Манон! Я Люси! Люси Энебель! – Она торопливо вытащила трехцветное удостоверение. – Вспомните же!

Манон никогда не видела этого документа. В какую неприятность она впуталась? Почему на нее напали? Как она научилась драться? Где? Она снова попятилась и совсем вжалась в угол.

– Что… Что я здесь делаю? Кто этот человек? А вы? Какая полиция?

Она на четвереньках добралась до органайзера.

– Вы все зафиксировали в своем аппарате, – сказала Люси. – Клиника, наш разго…

– Какая клиника? – Манон перешла на крик: – Какая клиника?

– Я… Я ничего не могу поделать, я… я понятия не имею, как с вами разговаривать… Это слишком… сложно…

Люси сунула полицейское удостоверение в верхний карман куртки так, чтобы его постоянно было видно, подняла фонарь и сказала:

– Я схожу посмотреть… жив ли он еще. Вы тоже спускайтесь, как только сможете.

– Как? Кто еще жив? Объясните! Объясните же!

Манон орала во все горло. Люси не ответила и с фонарем в руке отважилась выйти на лестничную площадку. Спустившись вниз, она приложила указательный палец к вене на шее нападавшего, ощутила ровный пульс и принялась обследовать его карманы.

Она укололась чем-то острым и, скривившись, отдернула руку. Ее пальцы были в крови. Битое стекло и иглы.

– Черт! Не может быть!

Шприцы… Наркоман… Всего лишь самовольно поселившийся здесь нарик…

Она выпрямилась, держа большой палец кверху. Повинуясь бесполезному рефлексу, принялась старательно высасывать капельки крови и сплевывать их на пол.

В ее мозгу вспыхнули четыре буквы: СПИД.

– Не может быть! Не может быть!

И тут очередной удар едва не сбил ее с ног.

Она ошарашенно вертелась во все стороны.

Над ней. И по всей стене этой круглой комнаты. В луче ее фонаря. Цифры. Тысячи цифр.

Красная краска.

На кафельном полу одна фраза: «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Люси стиснула зубы. Долго еще этот гад будет продолжать свою игру?

Главное – не паниковать. Она достала мобильник. Зарядка почти кончилась. Она позвонила в «скорую» и бросилась наверх.

Поднимаясь по лестнице, Люси услышала свой собственный голос, доносящийся из прибора. Манон сидела, поджав ноги, и держала в руках свою протезную память.

Вдохновительница технологии «N-Tech» подняла голову. Она выглядела обеспокоенной, в ней боролись печаль, ужас и решимость. Открыв папку «Фотографии», она пролистала портреты: родные, друзья, знакомые, все неизвестные ее памяти лица, – и обнаружила лицо стоящей перед ней женщины. Офицер полиции с пшеничными кудряшками. Люси Энебель… Три слова… «Надежность. Увлеченность. Суровость». Может быть, это именно тот полицейский, которого она ждет, чтобы вступить в схватку со Злом? Может быть, наконец она дождалась?

– Вы мне нужны, – сказала лейтенант Энебель, направляя луч влево.

– А вы нужны мне. Даже больше, чем вы думаете.

Они сурово посмотрели друг на друга, почти как противники. Потом наконец Люси протянула ей руку:

– Давайте спустимся.

Они друг за другом пошли по лестнице. Увидев распростертое на полу тело, Манон отступила и чуть не упала со ступенек. Люси поддержала ее за талию и успокоила:

– Все в порядке, Манон! Он жив!

– Кто это? Что…

Внезапно она умолкла, увидев красные цифры.

– Боже мой! – воскликнула она, подходя к стене.

Забрав у Люси фонарь, она принялась последовательно освещать желтоватым лучом алгебраическую спираль.

– Вам это о чем-то говорит? – спросила лейтенант полиции.

Манон словно оцепенела. Она прижала к уху «N-Tech».

– Тсс… Молчите, – прошептала она. – Прошу вас, молчите.

Она в очередной раз слушала разговор, записанный в машине. Люси вздохнула. Хронометр продолжал отсчитывать время, даже если срок ультиматума уже закончился.

Спустя несколько минут, Манон сказала:

– На записи вы много говорили о спичках, что тысячи спичек обнаружены где-то на полу, в том доме, где я могла находиться… – слово далось ей не сразу, – в заточении. Верно?

– Точно. Именно так.

– И я не объяснила вам их значение, да?

– Да. Вы потребовали, чтобы сначала мы поехали сюда. Вы мне не доверяли…

Манон подошла к Люси и совсем некстати ослепила ее лучом фонаря, потом отвела его в сторону и включила на своем аппарате «Запись».

– Я уже просила вас дать мне обещание?

– Нет еще.

– Ага, ладно. Тогда разрешите мне включиться в ваше расследование. Обещайте, что позволите мне сопровождать вас в облаве на преступника, который зверски убил мою сестру. Обещайте мне сделать все возможное, чтобы найти Профессора.

– Попытаюсь, по мере моих сил.

– Мне нужно знать это точно! Обещайте!

Люси подошла ближе, всего на несколько сантиметров:

– Обещаю. А вы обещайте, что будете мне доверять.

Манон отрицательно покачала головой:

– Увы, так не получается…

Она включила запись. Все это она, вероятно, выучит наизусть. Ее память воспримет едва ли пять процентов, но она выучит. В последний раз сверившись со всеми своими записями – новое томительное испытание для Люси, – она наконец пояснила:

– Обнаруженные вами спички представляют собой способ вычислить число «пи».

– Что?

– Рассыпьте огромное множество спичек в произвольном порядке на паркетный пол, где ширина паркетной доски будет равна длине спички. Достаточно разделить общее количество спичек на количество спичек, попавших на две доски паркета, и умножить результат на два. Впервые такой эксперимент проделал Бюффон, натуралист восемнадцатого века, выведя таким образом закон геометрической вероятности[13]. Чем больше число спичек, тем поразительнее точность.

Манон подняла голову, не отрывая глаз от красных извивов.

– Число «пи» представляет собой одну из математических диковинок, вызывающую больше всего вопросов в научных сообществах, –

продолжала она. – На протяжении веков самые знаменитые ученые пытаются постичь его тайны. Архимед, Декарт, Ньютон и многие другие. Но поверьте мне, это число сегодня – ну хорошо, скажем, три года назад – раскрыло еще далеко не все свои секреты.

Луч света по-прежнему сканировал пространство. Девятки, восьмерки, тройки. Непонятное и неудобоваримое месиво.

– Я все еще не въезжаю, – призналась Люси. – Помогите мне, Манон, прошу вас…

– Вам известно, что «пи» – это бесконечное число, реальное число, представляющее бесконечность десятичных знаков, и что целой Вселенной не хватило бы, чтобы записать его?

– Что-то припоминаю… Бесконечное число… 3,14 с лишним… Позволяет вычислить периметр круга.

Манон кивнула:

– Неплохо. В две тысячи четвертом году было известно уже больше тысячи миллиардов этих первых десятичных знаков. И я предполагаю, что сегодня, с развитием компьютеров, эта цифра значительно возросла. К чему упорно искать эти незначительные цифры, спросите вы?

– Манон, не могли бы вы…

– На самом деле число «пи» используется для стандартизации скорости больших вычислительных машин или уточнения некоторых пакетов программ. Кроме того, это прежде всего вызов научным сообществам. Нечто вроде Эвереста для альпинистов.

Манон подошла к стене и прикоснулась пальцами к следам краски:

– Я совершенно убеждена, что этот хоровод цифр представляет собой последовательные десятичные знаки числа «пи». Не первые, их я знаю наизусть, а те, что занимают особое место в числе «пи». Возможно, тысячное, или стотысячное, или даже миллионное.

– Но для чего это нужно? Для чего?

В разбитые окна врывался ветер. Он пронизывал здание насквозь, и оно стонало под его порывами. Казалось, Манон находится в самом центре этой странной вселенной. Люси задумалась, случается ли этой женщине хоть иногда ощущать себя «нормальной», забыть о своей амнезии.

– Для чего? Загадка, Люси, загадка! «И отыщи среди спичек то, что мы собой являем». Отыщи в числе «пи», что мы собой являем! Отыщи в этих десятичных знаках, что мы собой являем! А кто мы такие, Люси, если не номер? Номер, который нас определяет с самого рождения! Номер, классифицирующий нас, распределяющий по порядку в информационных программах!

Слушая ее, Люси озиралась по сторонам. Бесконечная вереница символов зачаровывала ее. Сколько времени потребовалось, чтобы записать их? Многие часы? Целый день?

– Номер социального страхования? – предположила она.

Манон испытала восторг ученого, который чисто интуитивно решил сложную задачу.

– Да! Да, точно! Номер социального страхования! Число «пи» хаотично, ничто не позволяет угадать следующий десятичный знак на основании уже имеющихся. И… я думаю, что сегодня уже удалось доказать, что это также универсальное число, то есть что, копнув максимально глубоко, можно обнаружить в его десятичных знаках любую комбинацию. Даты рождения, серийные номера, автомобильные номера или номера социального страхования. Все генетические коды всех существ на планете, цифровую формулу «Реквиема» Моцарта. Все, что определяется последовательностью цифр, собрано в этом невероятном числе. Оно содержит все тайны нашего мира! Шансы выявить выбранную очередность из тринадцати последовательных цифр крайне малы, возможно один на миллион. Но они существуют.

– Так вот что мы ищем, – вслух подумала Люси. – Личность… Личность того, кого Профессор должен был уничтожить несколько минут назад…

– Профессор? Почему вы…

– Бросьте, Манон. Потом я вам все объясню. Сосредоточьтесь на этих цифрах. Только на этих цифрах. Это срочно! У нас нет времени. Итак, мы ищем номер социального страхования!

– Точно. Тринадцать цифр.

Сделав несколько шагов, Манон заметила надпись на полу:

– «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Что это значит?

– Бросьте! Номер страховки. Сейчас важен только номер страховки!

Манон быстро нашла начало последовательности – слева вверху – и стала внимательно читать ее, перемещая фонарь вправо.

– О’кей! – продолжала Люси. – Тот, кто это сделал, должен нанести удар где-то на севере, возможно в департаменте Па-де-Кале или Сома! Манон, мы ищем что-то, содержащее номера департаментов 59, 62 или 80!

– Да-да, понимаю! Четыре предыдущие цифры должны означать год и месяц рождения, а перед ними еще единица или двойка. Единица – для мужчин, двойка – для женщин…

И больше ни слова. Зачарованно следуя взглядом за лучом фонаря, Люси не могла избавиться от странных ощущений, бушующих у нее в

душе, от того возбуждения, того запретного наслаждения, которое она всегда испытывала перед чем-то невообразимым. Быть может, эти чувства стимулировал страх, ожидание худшего? Она посмотрела на Манон, тоже загипнотизированную чередой десятичных знаков. Такие ли уж они разные? По какой таинственной причине они вдвоем оказались здесь, среди взбесившейся стихии? Какой чудовищный рок толкнул Манон к дому Люси несколько часов назад?

Манон буквально поглощала знаки, мгновенно отвергая неправильные комбинации. И вдруг, когда пучок света еще совершал свое путешествие по лабиринту, а секунды неумолимо улетали прочь, она воскликнула:

– Нашла! Нашла!

Молодая женщина бросилась к левой стене и встала на колени:

– 2280162718069! Женщина! Семидесяти девяти лет! В Па-де-Кале!

Люси откинула крышку мобильника. Индикатор заряда мигал.

– Черт! Надеюсь, он продержится!

Дежурный пост. Малуда.

– Малуда! Энебель! У меня есть номер страховки! Скинь мне личные данные, адрес! У тебя десять секунд!

Манон вносила новую информацию в органайзер, батарейка которого тоже почти разрядилась. Она сделала несколько фотографий. Из-за отсутствия освещения они оказались некачественными.

Второй сигнал мобильника. Батарейка вот-вот сдохнет.

– Шевелись, черт возьми!

Малуда тут же ответил:

– Вы обалдеете!

– Рожай скорей! Мой телефон сейчас отдаст богу душу!

– Это Рене Дюбрей. Озерная дорога!

Бип.

– Та Дюбрей, которой дали пожизненное, а потом отпустили после тридцати лет тюрьмы?

– В…

4:32. Контакт прерван.

Люси, чертыхнувшись, спрятала телефон в карман и потянула Манон за руку.

– Подождите! – воскликнула Манон. – Вы говорили о Дюбрей? Озерном Дьяволе? О той мерзкой бабе, которая истязала троих своих детишек, пока ее муж не убил их и не пустил себе пулю в лоб?

– Да. Именно ее номер социальной страховки мы обнаружили в этом… хаосе.

Манон опешила:

– Но мы же еще в детстве знали эту историю, я часто бывала по выходным на озере Роэ и…

– Пойдемте, Манон! Пожалуйста!

– Еще две секунды! Мне еще надо переписать предупреждение на полу! Оно здесь неспроста!

– Да пойдемте же!

– Нет, подождите! «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Профессор обожает прятать сообщения в других сообщениях. Палимпсесты, анаграммы, стенография. А это явно попахивает зашифрованным посланием! – Манон указала на наркомана. – А это кто?

– По дороге расскажу. В любом случае далеко он не уйдет. Он сейчас как сломанная марионетка. «Скорая» вот-вот приедет.

Люси вырвала из блокнота листок и написала: «Немедленно сообщите капитану Кашмареку, телефон 06 64 70 29 55». Попросите его послать подкрепление на Озерную дорогу, в Роэ. Возможно, именно там Пр нанес удар. Сюда тоже нужна бригада. Срочно. Люси Энебель, лейтенант полиции (мобильник не работает)».

Она положила записку на пол.

На ней отпечаталась капелька крови… Большой палец…

– Будем только надеяться, что он не обрек ее на ту же участь, что и остальных, – вздохнула Люси.

И они уселись в «форд». Направление Па-де-Кале. Навстречу обещанному жестокому убийству…

14

Роэ. Дождь, не прекращаясь, барабанил по поверхности Голубого озера. В эту страшную непогоду в самой непроглядной тьме можно было различить силуэты двух объединенных горем, уже порядком уставших от своего путешествия женщин, которые бежали вниз по крутой каменной тропе.

При скудном свете своего фонаря они миновали ряд деревьев, чередующихся с переплетением колючих кустарников, с трудом продвинулись еще на несколько сотен метров, пока не различили впереди ветхий домишко. В окнах, споря с ветром и дождем, теплился слабый огонек. Гроза пришла на эти аррасские земли с севера и обрушилась на них со всей силой. Каждая капля воды резала щеки женщин, как бритва.

Наконец они подошли к домику, затерявшемуся далеко за озером. Люси погасила фонарь. На первый взгляд поблизости ни одной машины, никакого мерцания фар, даже на дороге, ведущей к шоссе местного значения.

Использование «N-Tech» в качестве навигатора окончательно истощило аккумулятор. Без органайзера Манон чувствовала себя беззащитной, вооруженной лишь краткосрочной памятью и своей способностью концентрироваться.

– Лейтенант Энебель помогает мне найти Профессора, мой «N-Tech» не работает, разрядился аккумулятор… Лейтенант Энебель помогает мне найти Профессора, мой «N-Tech» не работает, разрядился аккумулятор… – неустанно твердила она.

Молодые женщины прижались к высокому дереву.

– Пойду сделаю кружок, попытаюсь разглядеть что-нибудь через окно, – прошептала Люси, вытирая ладонью мокрый от дождя лоб. – В любом случае надо ждать подкрепления.

– Лейтенант Энебель помогает мне найти Профессора, я должна ждать здесь, мой «N-Tech» не работает, разрядился аккумулятор… Лейтенант Энебель помогает мне найти Профессора, я должна ждать здесь, мой «N-Tech» не работает, разрядился аккумулятор…

Люси вдруг обняла ее и стала гладить по спине.

– Какая вы хорошая… Я очень надеюсь, что вы запомните мои слова…

Манон прикрыла глаза и снова повторила:

– Лейтенант Энебель помогает мне найти Профессора…

Люси с тяжелым сердцем оставила ее под деревом и исчезла за завесой дождя. На этот раз никакой грязи, зато пропитанные водой известняковые бугорки. Лужи, ямы – ноги переломаешь.

Было почти 5:30. Через час рассветет.

Подобравшись к дому, Люси прильнула к стене и заглянула в окно с пожелтевшими занавесками.

По глазам будто скальпелем полоснули.

Внутри на полу распростертое тело. Повсюду кровь. Люси козырьком прислонила ладонь ко лбу. Что-то белое, покрытое тонкой алой пленкой… Разумеется, череп. Череп Рене Дюбрей.

Старую даму скальпировали. Фирменный знак Профессора. «Фантазии» Манон становились опасной явью.

Люси бросилась ко входу. Как бы ей сейчас пригодилось оружие.

Дверь не заперта, никаких следов взлома. Она нажала на ручку, стараясь не оставить на ней своих отпечатков.

Вошла. Ни звука. Крошечная прихожая, пол выложен черно-белой плиткой. Люси осторожно двинулась дальше, прижимаясь к стене, чтобы не оставить следов на месте преступления. Ее ботинки оставляли на полу небольшие лужицы. Она почувствовала, как напряглись мышцы.

Гостиная. Люси заткнула нос. Запах испражнений. Зловоние.

Лодыжки семидесятилетней дамы связаны. Возле нее на полу листок бумаги с печатным текстом и школьная доска, исчерканная рисунками и цифрами. В руках – кусок голубого мела. Глаза ее закатились, так что зрачков почти не видно, только белки молочного цвета. На рассеченных шрамами губах выступила серая пена. Что касается скальпа… Все сделано согласно правилам искусства: ни одного волосистого участка. Только неровные пятна кожи вырисовывались на фаянсовом шаре.

При виде этой жуткой картины Люси ощутила, как в ней поднимается глухая ярость. В молодости эта садистка, «аррасское чудовище», как ее тогда называли, истязала собственных ребятишек. День за днем. Выйдя из тюрьмы и обосновавшись в Роэ, она получила новое имя, Озерный Дьявол, и теперь была убита другим чудовищем, еще более устрашающим. Профессором.

Почему?

Судя по состоянию трупа, белизне конечностей и свернувшейся крови на черепе, смерть, похоже, наступила как минимум накануне, а не в 4:00, как предсказывало послание в охотничьей хижине.

Люси вздрогнула. Снаружи сверкнула молния, за которой тотчас последовал мощный удар грома. Плитки пола и стены задрожали.

Люси присела на корточки и, уткнув нос в воротник куртки, внимательно осмотрела труп, а затем все вокруг. Положение жертвы, тип пут, перемещение или повреждение предметов – все приобретало значение. По этой информации можно было прочесть образ действий, угадать их последовательность, расшифровать поступки. И в глубине души осознать всю жестокость преступления.

Люси бил озноб. Она дрожала от возмущения и ужаса.

В этом уединенном месте Дюбрей все же без опаски отперла дверь. Однако четыре засова на двери свидетельствовали о ее страхе перед внешним миром. Убийца, несомненно, внушил ей доверие. Кто-то из соседей? Знала ли она его? Или, может быть, он представился полицейским или почтальоном?

Он решил нанести удар там, где чувствовал себя в безопасности, как в охотничьем приюте. Никакого риска. Он любил действовать не спеша, упиваться страданием своих жертв, не опасаясь ненужных случайных встреч.

Люси осмотрела веревку вокруг лодыжек. Точно такая же, как в хижине. Только здесь она едва стягивала женщине щиколотки – просто знак власти. «Я господин. Тот, кто ведет в танце. А вы всего лишь предметы одноразового использования». Затем Люси снова осмотрела скальп. Должно быть, кромсать его, скоблить скальпелем кости черепа доставило убийце гнусное наслаждение. Что же он сделал с волосами?

Люси рассматривала надписи на школьной доске, но тут ее внимание отвлек новый удар грома, еще более мощный, чем предыдущий. Она услышала, что дождь колотит сильнее, и подумала про Манон, одиноко стоящую под деревом там, снаружи.

И с предосторожностями покинула место преступления.

Когда она переступала порог, то неожиданно получила по голове какой-то палкой, которая рассекла ей левое надбровье. Удар был такой силы, что Люси упала в огромную лужу.

Взвыв от боли, она попыталась подняться. Ее промокшая накидка весила целую тонну, мешая любому движению. Стоя в луже на коленях и не переставая кричать, Люси поднесла ладонь ко лбу.

Когда она обернулась, оружие вновь засвистело в воздухе, готовое снова обрушиться на нее.

Люси попыталась защититься, прикрыв голову согнутыми в локтях руками, и в последний раз взвыла.

И в этот самый миг из темноты возникли огни и сирены.

Нападавший оказался в ловушке, ослепленный прожектором, под

прицелом трех «зиг-зауэров».

Люси навзничь рухнула в лужу, лицом к черным разбушевавшимся небесам.

Она была жива.

15

Сидя на краешке багажника «Пежо-407», под защитой его поднятой дверцы, закутанная в одеяла Люси терпеливо сносила, пока полицейский врач зашивал ей надбровье. Два шва, наложенных шелковой нитью, избавляли ее от госпитализации.

Прямо перед ней под большим зонтом стоял капитан Кашмарек. Лет сорока, стрижка ежиком, свежевыбритый даже в этот поздний – или ранний – час. Образец дисциплины под маркой «бригада уголовного розыска».

– Еще немного, и она бы по полной изуродовала тебя, – сказал он, затягиваясь сигаретой. – Она была в истерике, могла размозжить тебе голову. С каких это пор профессиональный полицейский позволяет штатской застать себя врасплох?

Когда врач снова промокал ей бровь ваткой с антисептиком, Люси скривилась от боли. Голова ее, похоже, весит целую тонну.

– Наверное, Манон испугалась грома, – пояснила она. – И потеряла нить своей мысли. Обнаружила, что промокла насквозь, что осталась без своего органайзера. К тому же совершенно не понимала, почему она находится здесь, возле дома Дюбрей. Она почувствовала опасность, угрозу, тем более что это место ей известно и она знала, что Дюбрей истязала своих детей. Что она здесь делает, одна, так поздно? Почему она здесь? Как она здесь очутилась? Она подходит к дому и видит меня, присевшую возле трупа… И вот, когда я выхожу… бац! Ее невролог меня предупреждал. Она может проявлять бурные реакции, если вдруг попадает в незнакомое место.

– В любом случае она должна была остаться в клинике, а никак не оказаться здесь с тобой. Ее брат и Флавиан вне себя от ярости! Ты отдаешь себе отчет в том, что если прокурору станет известно…

Врач попросил Люси открыть рот и провел ватной палочкой по слизистой оболочке позади коренных зубов.

– Это что-то новенькое? – недовольно спросила она.

– Мы берем пробу слюны у всех, кто контактировал с местом преступления, чтобы избежать бесполезных ДНК.

Люси посмотрела на свои израненные пальцы:

– А вы… Вы можете заодно взять у меня кровь? Я укололась шприцем… В доме в Эме…

Врач с серьезным видом кивнул, достал инструменты для забора

крови. А потом спросил:

– Длинный шрам у вас на затылке… Опухоль? Киста?

Люси напряглась и выкрутилась:

– Э-э-э… Киста…

– Какого рода?

– Я… уже не помню, это еще в юности. Ерунда… В любом случае ничего серьезного.

Эскулап скептически глянул на нее и молча приступил к делу. Люси вздрогнула, увидев, как тонкая прозрачная трубочка наполняется ее кровью.

– Все, теперь вон отсюда! – приказал капитан.

Прежде чем опустить насквозь промокший рукав, Люси несколько раз согнула и разогнула локоть. Потом сощурилась и посмотрела в сторону других автомобилей:

– Где Манон?

– Там, в машине. Я говорил по телефону с Флавианом и ее неврологом, как его… Ванденбюшем. По их мнению, лучше будет отвезти ее домой. Насколько я понял, допрашивать бесполезно.

– Да, это наверняка. Она последовательно все забывает. – Люси указала на свою рану. – Вот доказательство…

Красноватый окурок наконец догорел в пальцах капитана.

– Я поставлю возле ее дома группу. Она вроде с братом живет.

– Да, хотя не совсем. Они живут в одном доме, но у каждого своя квартира… Как она?

– Да уж всяко получше, чем ты.

Люси попробовала приподняться, но почувствовала головокружение.

– Тебя мы тоже отвезем к семье.

– Нет, я…

– За сегодняшнюю ночь ты и так много сделала! Про своих малышек, случайно, не забыла? Какой-то студент звонил, хотел во что бы то ни стало связаться с тобой!

Люси глянула на часы:

– Черт! Энтони! А…

– Все в порядке, не беспокойся. Он просто не мог понять, почему ты не отвечаешь по своему мобильному… А так как он считал, что посидит только пару часов… И вообще, ты себя видела? Как выжатый лимон. Разберись со своими девчонками, отоспись немного и возвращайся на службу, когда придешь в норму. Работы невпроворот. Прошерстить три городка… Рем, Эм, а теперь еще Роэ… Этот паршивец любит разнообразие

и расстояния.

Он обернулся. Вдали на шоссе мелькнули фары.

– Вечно этот прокурор Арраса. Ничего не трогаем, скоро приедет эксперт, будет брать первые пробы. Пока криминалисты будут делать свои выборки, целая вечность пройдет.

– Я хочу остаться на расследовании! Я обещала этой девушке, что…

– Ты обещала? Как давно мы с тобой вкалываем вместе, Энебель?

– Три года.

– Сколько я тебя знаю, всегда одно и то же. Ты всегда и во всем хочешь быть первой. Драки, семейное насилие, нападения… Уж очень ты отчаянная, все работаешь и работаешь как автомат, уже на себя не похожа… А потом вдруг слетаешь с катушек. Как-то устраиваешься, чтобы сбагрить куда-то своих детишек, чтобы слинять и спокойно заняться делом… думаешь, никто не замечает?

– Потому что…

– Знаю, дочки. Может быть, однажды они заставят тебя осознать, что наша работа отнюдь не самая лучшая на свете. Ты хороший полицейский; мне известно, что и мать ты тоже хорошая. Но совмещать это трудновато, ведь так? Чувства – с одной стороны, работа – с другой. У меня тоже есть дети. Я понимаю, о чем говорю.

– Да, трудно, но я же справляюсь, – возразила Люси. – Не отстраняйте меня!

Привыкший к беспрекословному подчинению сотрудников, Кашмарек стиснул свои тяжелые челюсти.

– На сей раз дело обстоит иначе. Это не бандитские разборки. Мы меняем категорию преступления.

– Я знаю! Я через это уже проходила, капитан!

– Тогда ты была в отличной форме! Не боялась работать ночью! Если ты берешься за подобное дело, необходимо уйти в него на сто процентов! Тут уж ни шагу назад, никаких колебаний! Так что возвращайся домой и хорошенько подумай! Потому что это дело скверно пахнет!

Люси ответила сразу:

– Я готова за него взяться. Уверена, что Профессор вернулся. И я сделаю все возможное, чтобы задержать его. Чтобы защитить Манон.

– Манон, Манон… Ты говоришь о ней так, будто вы сто лет знакомы. Вас что-то связывает?

– Нет, не то чтобы… Но… я просто чувствую какую-то близость к ней.

Кашмарек бросил окурок в лужу и указал на дом:

– Это зрелище чертовски напоминает ту адскую картину, на которую

наши коллеги наткнулись четыре года назад. Математические загадки, школьная доска, голубой мел, образ действий… Надо бы переговорить с Парижем, чтобы узнать подробности того дела. Но если преступник действительно убил ее тем же способом, если он заставил ее пройти через те же… мучения… тогда, я думаю, наше дело плохо… Посмотрим, что покажет вскрытие… Одного только я не понимаю…

– Почему она, да? Почему эта садистка Рене Дюбрей…

Он утвердительно кивнул и спросил:

– С чего вдруг ему, прежде нападавшему только на «нормальных» людей, ни с того ни с сего стать этаким поборником справедливости?

– За четыре года много воды утекло… Возможно, возраст, фантазмы, условия повседневной жизни или попросту окружение изменили его мотивации. Я вот другого не понимаю: как серийный убийца способен внезапно остановиться, а потом через столько лет взяться за старое? Такое случается крайне редко. И как правило, тому способствует серьезная причина.

– Какая же?

– Что-то, что мешает им убивать. Заключение, психологическая нестабильность, тяжелая травма… Или же они все это время убивали где-то не здесь и иными способами. Другая страна, другой образ действий. Но если нет таких крайних обстоятельств, они никогда так надолго не уходят в подполье… Вы только представьте себе, целых четыре года!

– Допустим. Но если речь действительно идет о Профессоре, мы преследуем убийцу, у которого нет очевидного мотива, четко определенного типа жертвы, причем каждый раз он наносит удар в другом регионе. А у нас нет ни одного подозреваемого.

Люси отрицательно покачала головой:

– Не верю я в отсутствие подозреваемых. Даже если мы не можем понять, если трудно догадаться, то все равно за его поступками, за его *modus operandi* всегда стоит какая-то мотивация.

– Не смеши! Или тогда найди ее! Флаг тебе в руки! Только не забудь, что твои коллеги с самого начала ломают голову над этим делом!

Люси приложила ладонь ко лбу. Голова болит.

– О’кей! Теперь исчезни! Тебя отвезут домой!

– И последнее… – прошептала она, потирая лоб. – На листке… Задачка, которую он ей задал… Я не успела разглядеть как следует.

– Ничего сложного, но, учитывая ее возраст и IQ, этого хватило, чтобы загнать ее в ловушку. «Моллюск наутилус вместе с раковиной весит 200 граммов. Наутилус весит на 100 граммов больше, чем раковина. Сколько

весит наутилус?»

– Но это же очевидно… 100 граммов… Нет?

– Она решила эту задачку так же, как ты, и записала ответ на доске… И ты, так же как она, была бы уже мертва…

Люси даже не попыталась понять. У нее больше не было сил.

– Ладно, еду домой. Позвоните мне насчет вскрытия. Я бы хотела присутствовать…

– Вечно ты хочешь присутствовать на вскрытиях. Это для тебя что, развлечение?

– Бросьте, капитан… Пойду спать…

16

Кошмарный сон: грязь, кровь, пот…

– О боже! – вытаращив глаза, воскликнул Энтони и резко вскочил из кресла.

Люси закрыла дверь.

– Все нормально, – сказала она. – Не смотри на меня такими глазами. Немного беспокойная ночь, но ничего особенного.

Она зевнула так, что чуть не свернула себе челюсть. Студент пробрался в прихожую, схватил куртку и направился к двери, даже не взглянув на Люси.

– Энтони?

Он обернулся. Интересно, она заметила, что он дрожит?

– У меня… У меня занятия через… меньше чем через час, – извинился он, не отпуская ручку входной двери. – Мне непременно надо… идти. Простите…

– Да подожди, я сейчас заплачу тебе… Скажи хотя бы, все ли в порядке?

– Все отлично. Они не просыпались, я даже подумал, живы ли они… А деньги – в другой раз.

И он исчез так поспешно, что Люси даже не успела сказать ему спасибо. Странный парень.

Измученная молодая женщина охотно сразу же юркнула бы под одеяло, но оставалось еще два дела. *Primo*, мощный душ. *Secundo*, близнецы. Сегодня среда, в детский сад не надо. 7:30. Наверное, Мод давно проснулась. Люси позвонила и попросила, чтобы она зашла за малышками в квартиру. К счастью, та согласилась. Эта няня – настоящее сокровище.

Душ. Ощущение горячей воды на коже. Люси глубоко, спокойно вздохнула… и вдруг принялась чихать. Если она не простудилась, то тогда непонятно, что это… Постепенно облачка пара вокруг нее рассеялись… Она прикоснулась пальцами к затылку. Ее шрам… Люси не могла отделаться от мыслей о надрезах на теле Манон.

Замотав мокрые волосы полотенцем, она сделала несколько движений, чтобы размяться, и скривилась от боли. Нога. Итог ночи? Шишка на голове, нестерпимая боль в голени, шов на надбровной дуге. Переход через тридцатилетний рубеж оказался не только символическим. Подруга, а ты стареешь! Да еще эти порезы на пальцах. Четыре жуткие буквы, которые

могут ворваться в ее организм как страшный сон.

Она вдруг страшно замерзла. А если ее жизнь теперь зависит от результата анализа крови? А если ей объявят, что…

Слишком много вопросов. Манон… Похищение… Все эти тайны, связанные с ее памятью… Профессор…

Люси попыталась разогнать этот туман в своем сознании. Сейчас есть дела поважней. Разбудить малышек. Снова заглянуть в их глаза, источник бесконечного счастья. Именно в самых простых вещах существование обретает смысл.

Потом они втроем долго нежились и обнимались на диване, отдавая друг другу свое тепло. Нормальная семья, пусть и без мужчины. Да и кому он здесь нужен? Зачем снова страдать?

– Мамочка, у тебя бо-бо?

Жюльетта. Более реактивная. Включается на все сто, едва раскрыв глаза. Копия матери. А Клара все еще медленно потягивается. Хрупкий кокон.

– Мамочка ушиблась, – ответила Люси, пытаясь скрыть смущение.

Жюльетта отпихнула сестренку, чтобы теснее прижаться к матери.

– Жюльетта, мне не нравится, что ты толкаешься!

Люси придержала ее. Она вспомнила замечание Манон, когда в машине та сказала про близняшку-командира.

– И чтобы больше такого не было!

Жюльетта свернулась калачиком рядом. Ее попка уже была знакома с грозными проявлениями материнского гнева. Лучше было не продолжать.

Люси сгребла обеих в охапку и поцеловала Клару в губки. Как бы ей хотелось чаще бывать с ними, видеть, как они растут под ее крылышком. Но разве у нее есть выбор? Надо же на что-то жить. Полиция… Ее профессия, ее жизнь. Она не умела делать ничего другого. Она так рано покинула школу и родительский дом, чтобы погрузиться в этот мужской и жестокий мир…

Борясь с одолевающим ее сном, молодая мать налила дочкам шоколадного молока, умыла и одела их, зашнуровала им ботинки, собрала рюкзачки, не забыв положить туда их любимые мягкие игрушки, тапочки, конфеты, коробочки с апельсиновым соком и баночки желе. Проявления нежности, которые она с легкостью повторяла каждое утро.

Последний крепкий поцелуй перед приходом няни, которая сразу же уведет их. У Люси каждый раз сердце разрывалось, когда она видела, как уходят ее девочки, с рюкзачками на спине. Клара всегда позади. А в один прекрасный день они и правда упорхнут, как это сделал их биологический

отец. И будет слишком поздно наверстывать упущенное время.

Поставив будильник на одиннадцать часов, Люси рухнула в постель. Первая бессонная ночь за долгое время. Да какая! Поездки туда и обратно: дом, общежитие, клиника, Рем, Эм, Роэ… Сколько же километров за один вечер. Триста? В сильнейшую грозу, под проливным дождем карабкаться, ползти, получать удары – при этом один лично от Манон… До чего же трудно понять проявление ее болезни. Даже просто принять тот факт, что она больна. Подумать только, когда бедняжка проснется, все для нее снова начнется с нуля. И вечно все то же одиночество, все та же пугающая пустота. Не знать, какой сегодня день, что случилось накануне, что будет завтра. Идет ли где-то война. Умирают ли еще люди от голода. Не знать, какими событиями полнится История после того, как ее собственная остановилась… Привычным движением Манон откроет свой «N-Tech», просмотрит фотографии: Люси, дом с привидениями, десятичные знаки числа «пи», прослушает аудиозаписи и перечитает заметки. И что в результате? Ей покажется, что она выслушала чей-то рассказ? Или она просто запомнит голые факты, ничем не связанные между собой, без всяких отсылок. Вроде того, что «Берлин – это столица Германии»?

Люси не оставит Манон, она обещала.

Дождь умиротворяюще постукивал в рольставни. Сложив руки на груди, она дышала медленно и размеренно. Но уснуть не могла.

Потом перед ее мысленным взором стали мелькать какие-то образы, вспышки разрушительной силы. Последовательности цифр. Блеск скальпеля. Череп с лоскутами заскорузлой кожи. В ушах звучал скрип мела по доске. Плач. Ее собственный. Странные запахи. Ячейки, похожие на соты. Ужасы на уровне бессознательного. Трупы, кровь, морг. Мрак, ничего, кроме мрака…

Если бы только шрам у нее под волосами мог исчезнуть, как затягиваются старые ранки на руках…

Люси приподняла голову, на лбу – испарина, подушка вся влажная. Слева небольшой шкаф с тонированными стеклами. Его содержимое. Начало всех ее страданий. И ее неспособности принять худшее. За это она себя ненавидела. Это же надо, уметь анализировать других, не понимая саму себя. Возможно, по этой причине она и захотела пойти в полицию. Гордость – для родителей, а для нее – выход. Отражать коварные атаки сознания силой оружия.

На сей раз сон оказался сильнее. И когда она засыпала, в ее мозгу в последний раз вспыхнуло это слово. Простое слово, которое она так долго таскала в своей плоти, которое изменило ее восприятие мира, отравило ее

юные годы. Это слово, как нож гильотины, возникло в больничном коридоре за углом палаты на заре ее шестнадцати лет. Одиннадцать букв, материализовавшихся сегодня в этом шкафу с тонированными стеклами.

Каннибализм.

17

Манон нежилась в обжигающе горячей ванне. Она прикрыла глаза и положила под голову влажное махровое полотенце, пропитанное душистым маслом. Часы над ванной показывали час, день, месяц и год. 10:25, среда, 25 апреля 2007 года. «N-Tech», лежащий на бортике мраморной раковины среди флаконов жидкого мыла, кремов и душистых масел, безостановочно повторял ночные разговоры.

Пугающие разговоры. Невообразимые.

История похищения, ее собственного похищения, рассказанная лейтенантом полиции с белокурыми локонами, Люси Энебель.

Манон в очередной раз озабоченно глянула на свои пострадавшие запястья и лодыжки, осмотрела повязку на руке. Последняя запись, длинный монолог, который она только что произнесла в гостиной, – она в нем указала час и место, – уточняла, что расследование началось. Десятки полицейских сразу же взялись за дело. У них была общая цель – выследить восставшего из мертвых Профессора. После четырех лет молчания он наконец пробудился. Манон знала, что уже давно ждет этого момента, пусть даже от нее ускользает течение времени и ее «вчера» относится к событиям трехлетней давности. К тому ограблению, о котором у нее не сохранилось никаких воспоминаний…

Расслабив мышцы, она медленно провела массажной рукавицей из конского волоса по груди, а потом по изрезанному животу. Две фразы, написанные в зеркальном отражении, которые она выучила наизусть. «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов» и «Найти могилу…». К чему эти надписи? О какой могиле идет речь? Какую тайну скрывают ее шрамы?

Аудиозапись рассказывала о Реме. Об охотничьем приюте. О бегстве во время грозы.

Как она могла оказаться в лесу, притом без органайзера, в пятидесяти километрах от Лилля? Неужели этот безумец похитил ее прямо из дома?

Манон внезапно стало не по себе, она посмотрела вокруг. Она одна в ванной комнате… Защитить ее некому. Кто угодно может проникнуть в квартиру… причинить ей зло и уйти…

Она чувствовала себя такой уязвимой… Встречалась ли она прежде со своим похитителем? Может, он целыми днями бродил поблизости? Прикасался ли он к ней? Манон сильно ударила кулаком по поверхности

воды. Она понимала, что этого ей никогда не узнать…

Постепенно она снова расслабилась. Последовательность аудиозаписей, покой, наполнявший ванную комнату, где из вмонтированных в стены колонок лились трели канареек, помогли ей сосредоточиться. Она мысленно набросала план прошлой ночи. Зрительная зона ее мозга создавала свои собственные пространственные представления – так бывает, когда, не глядя на экран, слушаешь звуковую дорожку фильма и домысливаешь то, что происходит. Или когда читаешь роман и представляешь себе персонажей такими, какими видишь их сам.

Ее похищение. Блуждание по Лиллю. Люси Энебель.

Люси Энебель… Имя звучит как-то знакомо. Вроде даже вызывает некий отклик в глубинах ее дальней памяти. Ее дальней памяти? Да нет, это невозможно. Она не знает эту женщину. Они никогда не встречались.

Манон глубже погрузилась в ванну, так что вода доходила до подбородка. Она знала, что благодаря прослушиванию и повторению цемент затвердеет и эта фреска запечатлеется в ее эпизодической памяти. И тогда она вспомнит основные события прошедшей ночи. Один вопрос не давал ей покоя: насколько это синтезированное прошлое, о котором она вспомнит, будет соответствовать реальности? Это не считая того времени и усилий, которые она потратит, чтобы все выучить, что лишит ее возможности включить в память другие события, как, например, то, что происходит сейчас, ее обычный день, короче, «нормальное» течение ее жизни. Собственное существование вырисовывалось перед ней исключительно на основе выбора или приоритетов.

Случались ли у нее периоды веселья? Горя? Вышли ли замуж какие-то ее «прежние» подружки, Лоранс, Коринна? Бывала ли она у них в гостях? Общалась ли она с ними хотя бы? А похороны, дни рождения, крестины? Все эти детали наверняка валялись где-нибудь в ячейке ее органайзера, в ее компьютере, занимали почетные места на стенах или прятались в ящиках письменного стола. Возможно, у нее даже есть фотографии или записи, которые ей не хватило смелости внести в запоминающее устройство. Ей ежедневно требовалось столько всего усвоить, а времени на это было так мало. Она все теряла. Даже математика, ее духовная плоть, постепенно выветривалась из ее головы. А ведь ей всегда так нравилось учиться, замыкаться от мира в учебе… Преобразование Фурье, уравнение Шрёдингера, теория больших чисел… А сегодня она не способна даже назвать день недели. Причина? Несколько поврежденных нейронов в мозгу, состоящем из миллиардов соединений…

«Если ты любишь воздух, бойся моего гнева», – сообщил «N-Tech».

Загадка, оставленная в доме с привидениями в Эме. Манон выпустила из рук массажную рукавицу. Как всегда у Профессора, подсказка должна содержаться в самой фразе. Знак, след, по которому надо пойти. Что-то очень серьезное, вроде анаграммы или ребуса. Заменить какие-то буквы? Она пообещала себе разобраться. «Благодаря» своей амнезии она могла упорствовать, бесконечное число раз совершать одно и то же действие.

Идти по пятам. Всегда идти по пятам. Никогда не останавливаться. В этом смысл ее жизни.

Вода остыла. 10:30. Сколько времени она провела в ванне? Манон тряхнула головой. Записать в органайзер нечего. За время отдыха никакого экстраординарного открытия. Очень скоро она забудет про эту ванну и про все, о чем думала, лежа в ней. Улетучится еще одна часть ее существования.

Манон ополоснулась под душем и отметила в своем органайзере, что только что закончила утренний туалет.

Перед ней лежат стопки одежды. Манон всегда подготавливала ее для себя в воскресенье вечером и раскладывала по ящикам, на которых были указаны дни недели. Система ротации, основанная на этикетках с описанием вещей, которые она затем выбирала в соответствии с прогнозом погоды, позволяла ей разнообразить свой внешний вид. Например, не надевать каждый вторник одно и то же синее платье с одной и той же белой блузкой. И таким образом избежать сходства с роботом.

Бумага, записки, самоклеящиеся листки, фотографии и ежедневники были повсюду. На стиральной машине, на зеркалах, в карманах, на стенах, ночных столиках, шкафах. Расписания, дела на день.

Так какой сегодня день? Манон снова глянула на часы. Среда… 25 апреля. А что с погодой? Взгляд на барометр. Гроза. Безумная влажность. В соответствующем отделении она нашла бежевый костюм, белую блузку и лодочки «Jimmy Choo». Изысканный наряд… Когда она его купила? Два месяца назад? Полгода? Год? Не вышел ли он из моды? Да нет, конечно. Манон всегда любила шик, даже когда училась в Высшей школе математики. В том совершенно унылом месте, где девицы похожи на длинноволосых парней. Она прежде была не такой. И сейчас другая. Даже слишком…

Манон аккуратно поправила на себе костюм, полюбовалась своей тонкой талией в фас, а потом в профиль. Она считала себя хорошенькой. Соблюдает ли она диету? По-прежнему ли бегает так же часто и быстро? Замечает ли, что стареет? Невозможно узнать, разве что порыться в органайзере… Там, где час за часом прочерчивается линия ее жизни. Но

тогда вопрос будет звучать фальшиво. К тому же ей надоело рыться в органайзере. Вечно этот «N-Tech».

Она слегка подушилась. Флакон резного стекла всегда стоял слева, третьим после щетки для волос и крема от морщин. Причесаться, нанести крем, подушиться.

Судя по тому, как она оделась, у нее какая-то встреча. Возможно, с представителем «MemoryNode». Манон наверняка уже посмотрела в ежедневнике расписание на сегодня. Так что если она до сих пор дома, значит утром нет ничего срочного, можно не спешить… В любом случае в нужное время органайзер подаст сигнал. Он сумеет «подсказать» ей, что делать. Поесть, покормить собаку, вынести мусор или сходить за почтой.

К двери ванной скотчем был прилеплен заламинированный листок с перечнем проверочных действий.

1. ВЕСЬ этот список составлен ТВОИМ почерком?

2. Ты выпустила воду, вымыла ванну?

3. Ты выключила все электроприборы?

4. Правильно ли ты оделась, причесалась, надушилась? Взгляни еще раз в зеркало.

5. Прикрепи «N-Tech» к поясу.

6. Можешь выходить. И хорошего дня!

«Спасибо», – ответила себе Манон, тщательно проверив исполнение каждого пункта.

На пороге гостиной она вздрогнула, позади нее возник Фредерик. Мятая рубашка, красные глаза, набухшие вены. Принадлежащий Манон лабрадор Мирта, с густой шерстью песочного цвета, принялся тереться о его ноги.

– Фредерик? Черт возьми, что ты здесь делаешь? Я пугаюсь, когда ты входишь без предупреждения!

– Ты мне это уже говорила перед тем, как принять ванну… И довожу до твоего сведения, что ты сама меня впустила… – Он зевнул и продолжил: – Ночью я глаз не сомкнул после всего, что с тобой случилось…

– Что ты хочешь сказать?

Фредерик вздохнул и погладил собаку. Молчать или рассказать? Впрочем, какая разница.

– Похищение, Профессор, полиция…

Эти ключевые слова – зарубки – активировали у Манон комплекс еще не закрепившихся воспоминаний. Она увидела неясный, словно нарисованный пунктиром, набросок прошедшей ночи. Как появившийся

вдалеке в тумане дорожный щит, который никогда не удается прочитать.

Фредерик поднял голову и пригладил волосы.

– Меня допрашивали полицейские. Про тебя. Как ты проводишь время, про твои связи. Они… попросили меня уговорить тебя дать мне… твой «N-Tech». Мы думаем, что тебя похитили прямо отсюда, из нашего дома. В полиции уверены, что у тебя в органайзере могут содержаться любопытные сведения о твоих знакомых или твоих встречах за последние несколько дней.

Манон невольно попятилась. Позади нее телефон, рядом с ним блокнот и ручка, старый телевизор без DVD-проигрывателя, стопка инструкций: стереосистема, программы для тренировки памяти, электронные шахматы. И книжный шкаф, где вместо книг стояли музыкальные диски. Шуберт, Вивальди, Форе, сонаты, симфонии, реквиемы, звуки которых проникали ей прямо в душу.

– Не может быть и речи! Они не имеют права! Никто не прикоснется к моему органайзеру! Это было бы… как насилие!

– Ты права, они не имеют права… Но…

– Не настаивай!

Фредерик сменил тему:

– Лучше бы тебе прилечь. Ты не спала всю ночь. Никакого «MemoryNode» и никаких выходов сегодня, договорились?

Не отвечая, Манон направилась в кухню. Фредерик пошел следом. Она открыла холодильник. Фрукты слева, овощи справа, йогурты поставлены по дате истечения срока годности. Здесь тоже сообщения, этикетки, отсеки, расписания приема пищи. Проблемы постоянно есть одно и то же не возникает. Она налила себе полный стакан апельсинового сока, куда машинально добавила сахар. Глюкоза – горючее для памяти… Затем проглотила таблетку витамина С.

– Нет, я сейчас не лягу, и прекрати диктовать, как мне жить, хорошо?

Она посмотрела в органайзере свое расписание на сегодня.

– В 15:00 встреча с журналистом из «Голоса Севера» для «MemoryNode», в 16:00 отдых в Свингедоу, потом в 17:00 работа в группе с доктором Ванденбюшем. Видишь? О каком сне ты говоришь? Мне надо двигаться вперед! Ты ведь знаешь, мы делаем успехи… Скажи, ведь знаешь?

Фредерик посмотрел в щелку между шторами и отметил, что белый «Пежо-306» в конце переулка с двумя полицейскими не сдвинулся с места.

– Но ты подвергаешь себя опасности! Он уже один раз похитил тебя – и сделает это снова! Я прослушал записанные разговоры! Тайны,

десятичные знаки числа «пи», на стенах… в доме с привидениями в Эме.

На несколько секунд он в задумчивости умолк.

– Ты… Ты не должна пытаться выучить их, забудь, сотри, ради чего причинять себе боль? Мы вылечим твою руку. Пусть исчезнут эти следы у тебя на запястьях, и… и забудь об этих ужасах… Прошу тебя!

Манон вновь сверилась с органайзером. Ключевые слова, краткое описание ночи. А потом положила его перед собой на стол, предварительно заблокировав доступ паролем.

– Почему ты вечно его блокируешь? – взорвался Фредерик. – Ты же мне доверяешь, тогда зачем блокируешь? Зачем все эти трюки?

Манон только частично ответила на его вопрос:

– Понимаешь, «N-Tech» – это моя жизнь. Если пропадет его содержимое, я потеряю все. Мне уже удалось запомнить кое-что из того, что случилось этой ночью, Фредерик. Почему ты так настаиваешь, чтобы я их забыла?

Он воздел руки к потолку:

– Да чтобы защитить тебя, черт побери! Что я, впрочем, и делаю с самого начала. Почему, как ты думаешь, мы переехали сюда, в Лилль? Как ты думаешь, почему я увез тебя подальше от мамы? Да только для того, чтобы ты была в безопасности и я мог заниматься тобой! Ты думаешь, что преследуешь Профессора, но ты ходишь по кругу! Ну как ты, со своей амнезией, предполагаешь продвигаться вперед?

– Прекрати!

– Я уверен, именно рекламная кампания привлекла этого психа и спровоцировала твое похищение! Твои портреты расклеены по всей Франции! Нам было так хорошо здесь, вдвоем… Как, по-твоему, после всей этой рекламной шумихи я смогу защищать тебя?

– Защищать меня? Выходит, ты вообще не понимаешь, какая у всего этого цель? Что именно натолкнуло меня на мысль настолько… вложиться в «MemoryNode»?

– Нет. А что тут понимать?

«N-Tech» подал подряд три сигнала: два длинных и один короткий. Простой порядок, вроде азбуки Морзе, который установила Манон, – действие, связанное с каждой комбинацией звуков. Конкретно это означало: «Покормить Мирту». Манон сходила за сухим кормом и насыпала его в миску, на дне которой было маркером написано: «11:30 и 19:00». Пакет был почти пуст. В электронном списке покупок Манон отметила ячейку «корм для Мирты».

Она закончила и повернулась к Фредерику, опустив вдоль тела руки со

сжатыми кулаками.

– Что тут понимать? Хочешь, чтобы я тебе объяснила? Эта программа, эти рекламные изображения – именно то, чего мне хотелось больше всего на свете! И вот наконец я этого добилась!

Фредерик подпрыгнул на месте, словно кошка:

– Неправда! Не говори мне, что вся воля, которую ты проявляешь, чтобы двигаться вперед, направлена на…

Манон закричала:

– Да! Я специально выставила себя на всеобщее обозрение! Потому что хочу, чтобы он высунул нос! Я хочу, чтобы он вернулся!

Фредерик ошеломленно смотрел на сестру. Он никак не мог смириться с мыслью о том, что они с доктором Ванденбюшем позволили одурачить себя, что Манон, несмотря на болезнь, все это время упорно преследовала свою безумную и самоубийственную цель.

Наконец он опомнился и постарался перекричать Манон:

– Неужели ты думаешь, что сможешь в одиночку противостоять ему? Но это же глупо! Он похитил тебя, он мог тебя убить!

Манон решительно вышла из кухни, миновала гостиную, длинный коридор и направилась к тяжелой металлической бронированной двери. Заглянув в «N-Tech», она набрала четырехзначный цифровой код, дверь открылась.

Письменный стол, стул, компьютер, четыре стены…

Четыре бетонные стены без окон, от пола до потолка оклеенные листами бумаги: белыми, зелеными, оранжевыми, красными. В зависимости от важности факта. Сложная сеть сведений, полная раскладка жизни на бумажках и постоянная озабоченность точным указанием времени. Часы над дверью отмечали секунды назойливым одуряющим тиканьем.

На левой стене, где уже не осталось ни одного свободного сантиметра, – прошлое. Участки, отведенные для социальных, политических, семейных, профессиональных событий. Цунами 26 сентября 2004 года, взрывы в Лондоне 7 июля 2005 года, Джордж У. Буш – президент США. Здесь можно было прочесть о создании, а затем об усовершенствовании программы «MemoryNode» начиная с 2005 года. Имена, адреса вперемешку с фотографиями, датами, событиями личной жизни. И всюду почерк Манон. Иногда цифры чередовались с латинскими словами. Быстрый способ зашифровать свои записи, сделать их непонятными для других. За год до того, как Манон начала систематически пользоваться органайзером, амнезия вынудила ее письменно излагать

некоторые эпизоды личной жизни. Медицинские проблемы, неврологические заключения…

На противоположной стене – будущее. Горизонтальная, хронологическая ось делила ее надвое. Сегодня, завтра, нынешняя неделя, следующая, текущий месяц, текущий год. Листки, которые она могла снимать и заменять другими, как детали пазла. Единственный для нее способ постичь будущее – при помощи заменяемых бумажек.

Третья стена была посвящена математике. Повсюду формулы, уравнения, цифры. Не утратить приобретенные знания, тренировать процедурную память – ту, что умеет считать, вычислять, играть в шахматы или плавать по волнам Интернета. И в углу – сейф с цифровым кодом.

Последняя стена была отведена Профессору. Зашифрованные записи, схемы, утыканная булавками карта Франции, фотографии жертв. Среди них – труп ее сестры.

Тщательно разработанная громоздкая система, относящаяся к эпохе до появления «N-Tech». Однако Манон продолжала ее корректировать и обновлять, хотя в этом не было особой необходимости. Просто она любила это место и пользовалась любой возможностью здесь оказаться.

Под столом кипы тетрадей, содержащих куски ее жизни. Теперь они были систематизированы наподобие канцелярских папок. Ее прошлое сводилось к словам на белых страницах.

Манон включила компьютер. Синхронизировав органайзер с центральным процессором, она скопировала на красный листок последнюю загадку Профессора: «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева» – и прикрепила его кнопкой в четко определенном месте, с правого края своей настенной памяти.

Молодая женщина обернулась к оставшейся открытой двери. В проеме стоял Фредерик.

– Нет! Не входи сюда! – сказала она. – Это только мое! Мой мозг! Я должна поразмыслить над тем, что со мной произошло!

Однако Фредерик, с раздосадованным видом, все же вошел в комнату.

– Ты, похоже, хочешь, чтобы я выставила тебя вон и заперлась! – продолжала Манон.

– Ты мне это каждый раз говоришь… Твой мир, твой внутренний мир и так далее и тому подобное… Ты что, думаешь, я не знаю всех этих твоих записочек? Всех этих клочков бумаги? Черт возьми, Манон, да я прихожу сюда почти ежедневно! И помогаю тебе все организовать! Подготовить каждый твой завтрашний день!

Манон не слушала его, ей не терпелось остаться одной.

– Профессор наконец-то очнулся. Я уверена, что могу обнаружить слабое место. Все дело в спиралях.

– Опять эти спирали! Но эти твои спирали так никогда ни к чему не привели! Разве что к шрамам! Ты что, не понимаешь, что сегодня ночью ты могла вообще там остаться?! Что он рыщет по нашему городу! И если ты не будешь осторожна, он может убить тебя, когда захочет!

Манон разозлилась:

– Но пока он этого не сделал. Он не убил меня. Почему – понятия не имею. А вот в чем я твердо уверена, это в том, что он вернется ко мне. И я его буду ждать! Да, буду ждать!

Фредерик в ярости подскочил к ней:

– Ты его будешь ждать? Но без своего органайзера ты не способна вспомнить, что ты только что ела! Тебя кто угодно облапошит, а ты еще намерена бороться с мясником, который за четыре года убил семерых и играет в прятки с полицией!

Манон обхватила голову руками. Все вокруг перестало для нее существовать.

– У меня было решение, я уверена…

Она расстегнула блузку и притронулась к татуировке на плече в виде раковины:

– Спираль наутилуса, могила, Монахи… Все это здесь, на моем теле… Как на карте со спрятанным кладом…

– Черт возьми! Только это уже не игра!

Манон забарабанила по клавиатуре, а потом добавила:

– Полицейские наконец-то вернулись к этому делу. Комплексная группа. Десятки и десятки полицейских. Они помогут мне, я помогу им. Эта… – На экране появилась фотография. – …Люси Энебель… Именно она была мне нужна. Она мне обещала. Да, она мне обещала. На сей раз, поверь мне, Профессор от нас не уйдет. Я убью его за то, что он сделал с Кариной. Собственными руками убью.

Фредерик рванул «N-Tech» с подставки и поднял его над головой, словно собирался разбить.

– Ну, попробуй, – усмехнулась Манон. – Я регулярно переношу его содержимое на сервер, защищенный паролем. Никто не сможет уничтожить или подделать мою память! Никогда!

Он швырнул на место прибор и вышел из комнаты, сорвав со стены только что прикрепленный Манон листок с загадкой Профессора.

– Все это убьет тебя, – выкрикнул он с порога. – Я не смогу бесконечно следить за тобой!

И он хлопнул тяжелой металлической дверью, которая тут же автоматически заблокировалась.

Оставшись одна, Манон снова терпеливо переписала послание, прикрепила его красной кнопкой на то же место и уселась на пол в центре комнаты. Она неотрывно смотрела на фотографии шести предыдущих жертв. Франсуа Дюваль… Жюли Фернандо… Каролина Тюрдан… Жан-Поль Грюнфельд… Жак Тайран… И ее сестра… Карина… Снова и снова погружаться в жестокость преступлений. Какой же густой должна быть тьма, где не затухал огонь ее ненависти.

Неподвижно сидя на полу, Манон слушала записи, заучивала их. С экрана компьютера на нее смотрело лицо Люси Энебель.

В полдень звякнул «N-Tech». Она открыла его, взглянула на экран и нахмурилась. Речь шла не о каком-то заурядном, будничном деле, а о встроенном в систему запрограммированном будильнике, который внезапно включился. Информация, датированная 1 марта 2007 года, введенная почти два месяца назад. Два месяца?

Манон набрала код. Появилось сообщение: «Посмотри на шкафу в спальне. Возьми оружие и придумай, как сделать, чтобы оно все время было при тебе. Все время».

Заинтригованная, она поднялась. Только она одна могла составить это сообщение. Но для чего она ввела его так, чтобы напоминание появилось именно сейчас? И к чему было его прятать?

Она вышла из комнаты, направилась в спальню, залезла на стул и ощупью поискала на шкафу.

Ее рука наткнулась на что-то кожаное. Ремень. А теперь что-то холодное. Сердце буквально выпрыгивало из груди.

«Беретта 92S», парабеллум калибра девять миллиметров.

Манон дрожа слезла со стула.

Откуда ей известны все характеристики оружия? И вообще, откуда она могла его взять?

Достав пистолет из кобуры, она крепко сжала его в ладони. Стертый серийный номер. Прикосновение металла показалось ей знакомым. Она закрыла один глаз, вытянула руку, уверенным движением взвела, а потом отпустила курок. Пистолет был заряжен, пятнадцать пуль. Теперь она может стрелять. И знает как. Но ведь она в жизни не держала в руках оружия!

«Возьми оружие и придумай, как сделать, чтобы оно все время было при тебе. Все время».

Манон приподняла пиджак, потом блузку и засунула пистолет за пояс.

«Беретта» прижалась к ее левому боку.

«Боже мой, – подумала она, поправляя на себе элегантную одежду. – Кто ты, Манон Муане?»

18

Люси никак не удавалось проснуться. Душ, кофе – ничего не помогало. Окончательно ее встряхнуло только слово «вскрытие», оставленное на автоответчике. 11:42, она не слышала звонка! Катастрофа!

Люси стремительно влезла в чистую одежду – джинсы, футболка, свитер, – схватила свой «зиг-зауэр» и поспешила к машине. Гроза стихла, но нанесла большой ущерб. Разбитые стекла, выкорчеванные деревья, сорванная кровля. Небо по-прежнему было свинцовым.

Люси позвонила Мод и попросила няню передать трубку малышкам. Ей хотелось сказать дочкам что-нибудь нежное и услышать их голоса. Пообещать, что сегодня вечером, когда она вернется с работы, они втроем поиграют. Разъединившись, она ощутила укол в сердце.

Не прошло и четырех часов с тех пор, как Люси легла, и вот она уже снова в подземном гараже клиники Роже Салангро. На сей раз в Институте судебно-медицинской экспертизы. В мрачном царстве белого изразца, нержавеющей стали и резервуаров с кусками человеческих тел. Она ненавидела ходить сюда. Даже если где-то внутри ее, очень глубоко в мозгу, всякий раз открывалось крошечное окошко, через которое она непременно сюда попадала.

Вскрытие уже шло полным ходом. Тело было располосовано буквой V, от плеч до лобка, череп распилен, внутренние органы выложены на весы или подносы. Старая Рене Дюбрей превратилась в открытый сундук, грубо взломанный грабителем в зеленой маске и резиновых перчатках.

Люси кивнула Кашмареку и Сальвини, офицеру криминального отдела полиции. Она сразу узнала молодого судмедэксперта, Люка Виллара, хотя он и работал, стоя к ней спиной. Зато четвертого мужчину, в свитере с высоким воротником, до самого подбородка, и с грубым, обветренным лицом, она явно видела впервые.

– Похоже, я немного опоздала, – проговорила Люси, накладывая под ноздрями ментоловый крем.

– Пожалуй, это не ваш стиль – пропускать вскрытие, – обернувшись, заметил Виллар. – Думаю, если бы вы должны были платить за вход, то все равно приходили бы. Или я ошибаюсь?

Люси покраснела:

– Не стоит преувеличивать. Я просто делаю свою работу, только и всего.

Виллар только что окончил медицинский факультет имени Анри Варанбура, в трехстах метрах от клиники Салангро. Он проучился там пять лет, а потом еще пять специализировался в судебной медицине. Нахальный, немного бабник, но очень знающий свое дело. Он один был в форменной одежде: операционный халат, бахилы, цельный комбинезон, две пары перчаток, причем одна пара – антипорезные.

– Жаль, самое интересное вы пропустили, – насмешливо добавил он.

Кашмарек торопливо представил друг другу Люси и незнакомца с квадратным подбородком:

– Лейтенант Тюрен прибыл к нам из Парижа. Он в свое время работал на деле Профессора. И прекрасно знает Манон Муане. Она присоединилась к расследованию после убийства сестры. И помогла расшифровать математический бред Профессора.

– Выходит, следствие снова будут вести парижане? – спросила Люси, поприветствовав коллегу.

– Если речь действительно идет о Профессоре, в чем теперь почти не приходится сомневаться, тогда да.

Голос у приезжего был такой же резкий, как и черты лица, и, пожалуй, слишком высокий, скорей контртенор, нежели баритон. Он продолжал:

– Расследование ведет лилльский филиал, но вся информация сходится к нам. Я прибыл вам в помощь и как координатор, поскольку хорошо знаком с делом Профессора…

Люси чувствовала себя неловко рядом с этим участковым полицейским, плохо выбритым, резким в движениях. Однако встала рядом с ним, чтобы видеть труп. И тут же ощутила какое-то нездоровое влечение. Психоаналитик назвал бы это стремлением к патологическому. Она ненавидела психоаналитиков. Как и патологическое. И все же… Невозможно оторваться, прямо проклятие какое-то.

Люси непроизвольно прикоснулась к своему затылку. Нащупала длинный дугообразный шрам. И тут же вспомнила похожие на соты ячейки, мерзкие запахи, низкий давящий потолок, бесформенные части тела в стеклянных банках… Это видение навсегда запечатлелось в ее мозгу.

– Что мы имеем? – резко спросила она, не отрывая взгляда от вскрытого тела на столе.

Судебный врач в дизайнерских очках без оправы повернулся к капитану.

– Если позволите, я кратко объясню еще раз, – предложил он.

– Прошу вас.

– Отлично. Я думаю, смерть наступила вчера, двадцать четвертого

апреля, между десятью и тринадцатью часами. Трупное окоченение еще сохранилось, хотя уже началось легкое разложение. Мое предположение подтверждается температурой трупа и концентрацией калия в стекловидном теле.

– По меньшей мере за пятнадцать часов до 4:00, окончания срока оставленного в охотничьем приюте ультиматума, – подсчитала Люси. – Выходит, к тому времени, как мы обнаружили Манон Муане, он уже давно убил старуху Дюбрей.

– Возможно, – перебил ее Тюрен. – Поговорим об этом позже. Продолжайте, доктор.

– Начнем сверху, если не возражаете. Что касается скальпа, я бы сам не смог сделать лучше. Точный надрез в затылочной области, в таком случае вся волосистая часть кожи легко стягивается, схваченная сзади одним движением, направленным к передней части, как снимают носок с ноги. Техника не изменилась. Этот способ практиковали еще скифы, за шесть-семь веков до нашей эры.

Он указал на раздувшееся лицо.

– Рассмотрим последовательность пыток, которым подверг старуху ее палач. Слизистая глаз слегка синюшная, так же как язык, который вдобавок испещрен мелкими рваными ранами. Подобные раны мы видим на палатальном своде и гортани. Их же мы обнаружили на участке пищеварительной системы от пищевода до желудка. Они вызвали внутренние кровотечения, которые уже сами по себе могли бы убить ее.

Стоя напротив Сальвини, Люси склонилась над столом с впитывающим покрытием, откуда еще сочилась жидкость, по цвету напоминающая тутовые ягоды, и внимательно оглядела разверстое тело. Грудная клетка походила на две большие застывшие губы, ребра были чудовищно искромсаны пилой. Человеческое существо, низведенное до состояния анатомического пейзажа.

Виллар отодвинулся и ткнул телескопической указкой в содержимое тазов, стоящих позади Люси:

– Взгляните-ка на селезенку. Совершенно гипертрофированная, в восемь раз превосходит нормальный объем. Печень гиперемированная, фиолетово-красная, а поджелудочная геморрагическая, другого оттенка красного, более темного.

Другие тазы, другие органы. Набор элементов для зловещей игры «Собери Дюбрей».

– Почки тоже пострадали. Двусторонний застой крови.

Капитан Кашмарек непрестанно потирал подбородок кончиками

пальцев. Вид у него был одновременно серьезный и безучастный. Сальвини выглядел невозмутимым. А вот Тюрен отошел в дальний угол помещения и оперся спиной о кафельную стену, наподобие рок-певца Дика Риверса, позирующего для фотографии в рок-журнал. Он дышал ровно, его острый взгляд был прикован к Люси. Она чувствовала, что этот прибывший из столицы незнакомец разглядывает, оценивает ее.

– Отравление? – предположила она.

– Ну да, отравление, – подхватил Тюрен, опередив ответ судмедэксперта. – Четыре года назад я уже видел такую картину… – Прикрыв глаза, он продолжал: – В данном случае это стрихнин.

Виллар не любил, когда его оттесняли. Он сухо заметил:

– Это еще следует подтвердить! Я отправил пробы жидкого содержимого желудка в токсикологическую лабораторию. Спектроэлектрохимический анализ и хроматограмма придадут вашей гипотезе юридическую силу. – Сняв очки, чтобы протереть стекла, он обратился к Люси: – Я также послал им образцы крови, мочи и – в связи с отсутствием волосяного покрова – волоски с тела. Чтобы они проверили на предмет наркотиков или содержания каких-то медицинских препаратов…

– Тогда, четыре года назад, речь шла об отравлении крысиным ядом, – припомнила Люси, смерив взглядом парижского коллегу.

– Средства массовой информации исказили факты… Это точно был стрихнин.

– А точнее, что это был за стрихнин?

На сей раз быстрее всех отреагировал Виллар:

– Вы когда-нибудь читали Агату Кристи?

– Не в моем вкусе.

– А следовало бы. Очень модный яд в пятидесятые годы, тогда его легко было достать. Стрихнин относится к группе родентицидов, его используют для уничтожения мелких грызунов, называемых паразитами или вредителями. Для информации: он переносится красными кровяными тельцами, а покинув кровяную систему, оседает в почках и печени. Там он преобразуется и поражает нервную систему. В больших дозах смертелен. Через двадцать минут начинаются понос, рвота, мышечные судороги, затем конвульсии и асфиксия. Разумеется, умирающий до конца пребывает в сознании, иначе этот яд не представлял бы такого интереса для палача. – Он стянул с рук обе пары перчаток. – И, предвидя ваш вопрос, отвечу: да, этот яд можно раздобыть. Его продажа была запрещена недавно, использование стрихнина теперь контролируется фитосанитарными органами, однако есть достаточно много обходных путей. Аптеки,

лаборатории, Интернет, заграница или попросту наши добрые старые фермы, где в сараях все еще хранятся его невообразимые запасы.

– Неужели стрихнин вызвал подобные повреждения? – спросила Люси. – Ведь язык и губы чудовищно искалечены…

Виллар отрицательно покачал головой и указал пальцем в сторону какой-то чашки:

– Да, странно. Действительно, это преступление отличается от остальных и наводит на мысль о том, что мы имеем дело с настоящим психом. Я обнаружил большое количество черно-серого вещества в пищеварительной системе, в частности в желудке. Поначалу я подумал, что разнообразные более или менее крупные внутренние раны получены от взаимодействия с кремнем.

Врач подцепил пинцетом кусочек вещества.

Люси подошла поближе. Ее примеру последовали Кашмарек и Сальвини с абсолютно непроницаемым лицом. Капитан размышлял о последствиях этой первой чудовищной ночи. Серийный убийца вернулся. Теперь вместе с Тем, кто охотится на рыжеволосых девушек, их стало двое. Похоже, эта новость наделает шуму в Министерстве внутренних дел. И превратит жизнь его бригады в сущий ад.

– Но в желудке я обнаружил вот этот кусок, большего размера, чем остальные, – продолжал судмедэксперт.

Люси нахмурилась:

– Похоже на…

– Спираль. Какую-то окаменелость. Я собираюсь отправить снимки своему другу Пьеру Боловски в лабораторию палеонтологии и стратиграфии Лилльского университета. У него есть разрешение работать с криминалистами. Во всяком случае, эти осколки разрушили все внутренние органы тела, как если бы старуха проглотила бритвенные лезвия. Боюсь даже представить себе ее страдания. Вдобавок, если ее рвало, разрушительное действие этих острых осколков еще усилилось… Положите в стиральную машину белье вперемешку с ножами, запустите ее – и получите тот же результат.

– На плече Манон Муане я заметила татуировку. Ракушка в форме спирали… Такой же, как эта.

Люси повернулась к Тюрену. Все так же прислонившись спиной к стене, он подбрасывал и ловил потухшую сигарету.

– Есть здесь какая-то связь? – спросила она его.

– Возможно… Когда вы появились, я как раз хотел разобраться с этими ракушками. Это было серьезной частью расследования. Мы полагаем, что

Профессор писал… давайте говорить в настоящем времени… пишет свою задачу на школьной доске и заставляет своих жертв постоянно заглатывать раздробленные ракушки наутилуса, до тех пор пока эти несчастные не убьют себя, пытаясь решить его дьявольские загадки. Можете себе представить, насколько легко размышлять логически, когда вам методично надрезают язык и гортань и ежесекундно угрожают вас прикончить. Затем, когда «игра» ему надоедает, он добивает жертву при помощи стрихнина, прежде чем заполучить скальп – как сувенир для утоления своих извращенных фантазий.

Кашмарек быстро провел ладонью по стриженным под ежик волосам.

– Вы говорили про раковины… наутилусов?

– Так точно. Достаточно редкий головоногий моллюск, обитающий в глубинах Тихого океана более пятисот миллионов лет.

Тюрен наконец соизволил оторваться от стены и подойти к столу. Надев перчатку, он взял двумя пальцами какой-то фрагмент:

– Можно подумать, что по возвращении он не нашел наутилусов… и потому довольствовался подобными моллюсками… – Парижанин вызывающе обратился к Люси: – Я слышал рассказы о ваших подвигах, когда вы были еще простым бригадиром[14]. Об этой «комнате мертвых». О вашей… способности анализировать. Мы в то время не располагали профайлерами… Поделились бы вы со мной своими соображениями на этот счет… мне интересно.

– Старшим… Я была старшим бригадиром, – сухо ответила Люси. – А в настоящий момент, в силу недостаточной информации об этом расследовании, у меня нет никаких особенных соображений. Во всяком случае, ничего, что могло бы вас заинтересовать.

– Тогда, похоже, следует ввести вас в курс, и побыстрее. Потому что вы очень скоро поймете, что Профессор не такой убийца, как другие. Он… скажем, стоит особняком.

– В таком случае это для меня.

Теперь гроза бушевала не за окнами, а в помещении. Кашмарек усмирил свою небольшую команду, переключив внимание присутствующих на молодого судмедэксперта, который почти заскучал среди вынутых из трупа внутренних органов.

– Что-нибудь еще, доктор?

– Пока нет. Я положу органы на место, а потом составлю свидетельство о смерти. А ближе к вечеру факсом отправлю свое заключение прокурору. И сообщу вам, когда у меня будут какие-то новости от токсикологов и палеонтолога.

Выходя, Люси не удержалась и бросила последний взгляд на труп. Там, возле черепной коробки, лежал мозг. Та самая беловатая субстанция, которая обрекла на муки детей Дюбрей. Но почему?

Выйдя на воздух, под тяжелое серое небо, Тюрен предложил сигарету капитану и Салвини. Люси отказалась.

– Спортсменка? – бросил парижанин, убирая пачку во внутренний карман кожаной куртки-косухи.

– В полиции всем бы следовало быть спортсменами, точно?

Когда он чиркал зажигалкой, его рука слегка подрагивала. Желтые от никотина пальцы, наверное, могли бы в кромешной тьме освещать дорогу.

– Когда я работал в полиции нравов, бегал как сумасшедший. Но с тех пор, как перешел в уголовку… Кроссовки вот уже восемь лет не надевал. Улица – вот настоящий спорт!

Люси отошла под козырек подъезда. Откуда взялся этот тип, ведь он же был отстранен? А возвращение Профессора очистило его от пыли, освежило. Обернувшись, она заметила, что Тюрен разглядывает ее задницу. И даже не потрудился отвести взгляд.

Кашмарек глубоко затянулся, а потом предложил:

– Скоро 13:00. Съездим-ка в лавку, чтобы перетереть со всеми группами. А вы заодно расскажете нам, с кем мы имеем дело.

– Как пожелаете.

По словам прокурора, пресса уже в курсе, а вскоре и телевидение подключится. Похоже, журналюги уже обзавелись фотографиями дома в Эме. Со всеми этими цифрами… Десятичными знаками числа «пи».

– Где они могли раздобыть их? – ошеломленно спросила Люси.

– В Интернете, – ответил Сальвини. – Вот уже несколько недель молодежь лазает в тот дом, чтобы сфотографировать цифры. А потом они помещают снимки у себя в блогах. Многие сайты буквально кишат этими фотками. Прощай конфиденциальность.

– Это грозит диким беспорядком, – заметил Тюрен.

Кашмарек растоптал каблуком сигарету и спросил:

– Поедете с нами?

Тюрен отрицательно покачал головой:

– *Sorry*, шеф, но я бы предпочел общество хорошенькой женщины… Я поеду с мадемуазель Энебель. – Он обратился к Люси: – Вы расскажете мне, как нынче дела у Манон Муане… А потом мы подробнее поговорим об этой программе, «MemoryNode»…

– Я знаю об этом не намного больше, чем вы. И не называйте меня «мадемуазель». Я это ненавижу.

Прежде чем направиться к своей машине, капитан спросил:

– А кстати, почему наутилус?

Тюрен обернулся:

– Что?

– Эти ракушки наутилуса, которые измельчал Профессор… Почему именно редчайший моллюск, которого можно обнаружить только в Тихом океане? Почему не устрицы, не ракушки мидий или попросту заостренные камешки?

Тюрен тоже раздавил каблуком сапога окурок.

– На эту мысль нас навела Манон Муане. Мы думали, что жертвы – мужчины, женщины, брюнетки, блондинки, маленькие, высокие – не имеют между собой ничего общего, потому что очень удалены друг от друга географически и незнакомы между собой. И разных профессий. Руководитель проекта, учитель физики, продавщица и так далее.

– Ну и какая же связь между жертвами?

– Теперь мы знаем, что она есть, но, к сожалению, пока не догадываемся, какая именно!

– Очень оригинально! – сыронизировал Сальвини. – Знать, что между жертвами, как будто выбранными случайно, есть связь, и не понимать, какая именно! Это выше моего понимания.

– В этом деле все необычно, вы скоро и сами заметите. Недостающее звено, вне всяких сомнений, и есть ключ. Остается только найти его.

Люси вся обратилась в слух. Кашмарек принялся стучать себя по лбу.

– Черт возьми, но какая может быть связь с моллюском, возраст которого исчисляется многими миллионами лет?

– Вы любите математику? – спросил Тюрен.

– Думаю, единственная причина, почему я пошла в полицию, – это чтобы больше никогда о ней не слышать.

– Тогда, боюсь, вы будете разочарованы. Про золотое сечение слышали когда-нибудь?

19

Удобно устроившийся в полотняном кресле в глубине своего кабинетика Ромэн Ардэр чуть было не подавился рисом с карри. По радио в экстренном выпуске дневных новостей рассказывали об убийстве, совершенном в Нор-Па-де-Кале. Средства массовой информации предполагали, что Профессор, гнусный убийца, который свирепствовал в начале двухтысячных, вернулся.

Невозможно!

Ардэр выбросил еду в мусорную корзину, достал фляжку с ромом и жадно отхлебнул.

Висящий на стене гигантский постер с изображением взрывающегося в небе «звездного печенья» завертелся у него перед глазами.

Ардэр рассвирепел, лицо покрылось красными пятнами. Кроваво-красными.

Еще накануне фотографии сияющей Манон Муане в парижском метро подействовали на него как рвотный порошок. А теперь еще этот репортаж по национальному радио! Так называемый дом с привидениями, десятичные знаки числа «пи»! Старая ведьма, отравленная в тот момент, когда она силилась решить задачу на школьной доске!

Математика, могущественная как никогда.

Может ли это быть случайностью? Ардэр скрипнул зубами. Нет! Никакой случайности!

Тогда что?

Что-то происходило. Что-то невообразимое. Это убийство, без сомнения, имело фирменный знак Профессора.

Директор «Тысячи и одной звезды» бросился к портативному компьютеру, чтобы срочно напечатать сообщение. Прежде чем отправить почту, он зашифровал письмо надежным алгоритмом RSA[15], применив свой личный пароль: *«Eadem mutate resurgo»* – «Изменяясь, я воскресаю, подобная себе».

Капли пота подсыхали на клавиатуре.

Необходимо немедленно встретиться с остальными. И попытаться разобраться в этом бардаке.

Не может же все вот так закончиться. Его предприятие. Его жизнь.

В следующие мгновения он уже открыл веб-навигатор, торопливо вошел на сайт ежегодного телефонного справочника «Белые страницы»

и напечатал: «Манон Муане», пометив в рубрике «департамент»: «Кальвадос». Ничего. Он расширил поиск по всем регионам Франции. Опять ничего. Он запустил ту же операцию, набрав: «Фредерик Муане». Результат оказался более утешительным.

«59000, Лилль, тупик Вашэ, 3».

Ардэр испытал некоторое облегчение. Эта дрянь не могла находиться слишком далеко от своего тупого братца.

Минуя Париж, он к ночи доберется до севера.

Он схватил ракету с крылышками и сжал ее в кулаке. Сквозь пальцы просыпался серый порошок.

Манон Муане стала слишком опасной.

Ее следовало уничтожить, пока не поздно.

Окончательно заткнуть ей рот.

20

Кабинет. Шестеро мужчин. Белокурая кудрявая женщина.

Октябрь 2001-го. Предместье Лиона. Первое убийство. Франсуа Дюваль, руководитель научно-исследовательского центра, поздно вечером покидает здание своей компании по производству микропроцессоров, «Микротек». Он никогда не меняет своего маршрута: часть по городу, часть по предместью. Домой он не вернется, а два дня спустя его обнаружат в подлежащем сносу амбаре. Кожа с головы содрана, ноги связаны, отравление стрихнином, а желудок наполнен острыми осколками ракушек, которые идентифицируют как наутилус. Возле него, рядом со школьной доской, на листке бумаги красивая логическая задачка, напечатанная на компьютере. Сформулирована просто, но требует сложного решения. Задача Эйнштейна[16], которую способны решить лишь два процента жителей земного шара. Совершенно очевидно, что, испытывая мучения от проглоченных ракушек и страх смерти, трудно попасть в эти два процента.

Эрве Тюрен прочистил горло и раскашлялся. Слишком много курит. Сидящие напротив Люси Энебель, капитан Кашмарек, Грё, Сальвини и два старших капрала лилльского уголовного розыска терпеливо ждали.

– И будто в насмешку, на следующий день после обнаружения тела мы получили забавное объявление, опубликованное за месяц до убийства в местной лионской газете: «В 1997 году словарь „Robert“ сообщал следующее: „Один из рудников «Микротек» смоет через котика. Он промолчит об импорте расхлябанного белоруса. Профитроль“».

Собравшиеся ошарашенно молчали.

– Вам это ни о чем не говорит, так ведь? Использованную технику называют «Т+7», она является результатом литературной игры, придуманной группой писателей, именовавших себя «УЛИПО»[17]. Каждый глагол, прилагательное или существительное начального сообщения перемещается на семь элементов в используемом словаре, в данном случае «Robert» 1997 года. Чтобы зашифровать, к примеру, слово «профессор», ищут в словаре седьмое по счету имя нарицательное и попадают на слово «профитроль». Таким образом, оригинал звучит как «Один из руководителей „Микротек“ умрет через месяц. Он станет первым в длинном списке. Профессор».

– Миленько, – с досадой заметил Кашмарек.

– Ага, можно и так сказать. Тем самым обрисовывается методика того,

кто называет себя Профессором: он объявляет личность своей жертвы, скрывая ее в сообщении, которое может находиться в любой точке Франции, на любой бумажонке или другом носителе, записанное каким угодно способом. И он приводит в действие свои паскудные предупреждения. В случае, который занимает нас сегодня, речь идет о номере страховки, скрытом в числе «пи». Обратите внимание, что каждый раз присутствует связь с математикой или логикой.

Покусывая кончик ручки, Люси внимательно рассматривала парижанина. Ей пришлось признать, что этот проныра довольно ловко справляется. Говорил он легко, профессионально, целиком владел подробностями расследования. Она задумалась, как глубоко удалось ему внедриться в это дело. Люси дополнила его информацию:

– Профессор оставил также и другое послание, в доме с привидениями. «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Манон предполагает, что здесь мы тоже имеем дело с одной из его сумасшедших загадок.

– Мм, в силу своего состояния Манон не может предполагать что-то умное.

– Вы…

– Короче, в шести совершенных преступлениях нам не удалось обнаружить ни малейшего следа, за который можно было бы зацепиться. Отпечатки, кровь, сперма, ворсинки или волосы принадлежат только самим жертвам или их близким, и никому другому. Он с невероятной тщательностью обрабатывает место преступления жавелевой водой. Возможно, он лыс, не имеет ни бороды, ни усов. Возможно, надевает хирургическую шапочку, перчатки, бахилы. Нам об этом ничего не известно. После себя он оставляет всегда одно и то же. Школьную доску, мел и веревку – все это легко можно купить в любом супермаркете. Все доски одинаковые, с красной кромкой. С одной стороны поверхность просто черная, с другой – в желтую клетку. Мел всегда только голубой. Бумага, на которой написана задача, принадлежит к одной партии. Что же касается стрихнина, в то время он был в свободной продаже.

Кивнув в сторону криминалиста, Тюрен обратился к нему:

– В этот раз вам удалось обнаружить какие-то более интересные детали?

Сальвини отрицательно покачал головой:

– Группы все еще на месте, но в данный момент, честно говоря, нет ничего определенного. Дом в Эме загрязнен сотнями самых разных отпечатков. Скваттеры, любопытные, ищущие острых ощущений

подростки… Хуже, чем в супермаркете… Похоже, времени потребуется много. Однако наши коллеги взяли образцы краски и ворсинки кисти. Если повезет, это нам что-нибудь даст. Мы также обратились к графологу относительно цифр, которые на первый взгляд написаны левой рукой. И уже довольно давно, потому что краска покрылась тонким слоем пыли, а фотографии целый месяц ходят в Интернете…

– Значит, левша… Было бы круто, если бы это подтвердилось.

– Что касается охотничьей хижины, там тоже трудно выдвигать определенные предположения. Много отпечатков, звериная шерсть, потеки грязи, какие-то волосы, среди них, возможно, волосы Манон Муане. Вдобавок погодные условия работают против нас. Ветер и дождь уничтожили все следы поблизости от места преступления, что затрудняет работу наших собак. Вы, лейтенант Энебель, просили уточнить, действительно ли ветка, спровоцировавшая аварию, была сорвана ураганом. Ответ положительный. Да. Так что здесь нет преступного умысла.

Люси молча кивнула.

– Что же касается этих тысяч спичек, – продолжал Сальвини, – мы сейчас проверяем, выпущены ли они одним производителем. Но априори ясно, что в них нет ничего необычного.

– Мы обойдем окрестные магазины, чтобы узнать, не покупал ли кто-нибудь спички в большом количестве, – перебил его Кашмарек. – Проблема в том, что мы точно не знаем, где искать. В Лилле, Валансьене, Аррасе… Или в Марселе.

– Это всегда было и нашей главной проблемой, – признал Тюрен. – Где именно искать…

– При необходимости мы задействуем различные региональные комиссариаты и жандармерии.

– Надеюсь, справимся сами…

Все снова повернулись к Сальвини, тот продолжал:

– В доме Дюбрей пол вымыт жавелевой водой. Недалеко от входа мы обнаружили ведро и тряпку, очевидно принадлежавшие жертве. Пока система обработки информации по установленным преступлениям[18] молчит. Несколько седых волос, один тип отпечатков, возможно принадлежащих самой Дюбрей. Думаю, к ней в дом никогда никто не приходил…

– Однако она сама открыла дверь своему убийце, – заметила Люси.

Сальвини кивнул:

– Очень точное наблюдение, ничего не сломано, вы правы, подчеркнув

это. Мы также анализируем пыль, собранную на месте. Продолжаем прочесывать местность, – возможно, работы там еще на много часов, а то и дней.

Тюрен прикурил сигарету.

– О’кей… Вижу, что вы продвинулись не больше, чем мы четыре года назад…

– Не забывайте, что сегодня всего лишь второй день расследования.

– Да-да. Ладно, не стану распространяться относительно других убийств, вы всё увидите в копиях дел, которые вам отправили. Речь там идет о Жюли Фернандо, руководителе проекта «Полупроводники Альто», тридцати семи лет, убитой в пригороде Парижа. Каролине Тюрдан, сорока трех лет, продавщице магазина готового платья из Родеза. Жан-Поле Грюнфельде, тридцати четырех лет, преподавателе физики, тело которого было обнаружено в Пуатье. Жаке Тайране, пятидесяти одного года, театральном продюсере, убитом в Мане. И наконец, сестре Манон Муане, Карине Маркет, тридцати пяти лет, убитой в Кане. Вместе со своим братом она возглавляла семейное предприятие по производству упаковки. Последнее преступление несколько отличалось от остальных. Карина Маркет *post mortem* была изнасилована, насильник использовал презерватив.

Люси удивленно подняла брови. Эта деталь расследования ускользнула от прессы. Тюрен обратился непосредственно к ней:

– Ну да, неосознанные стремления Профессора изменились. Или, возможно, ему захотелось получить новый опыт. Что делает еще более непонятным том факт, что после этого убийства он затих.

– До сегодняшнего дня.

– Ну да, до сегодняшнего дня…

Тюрен взял деревянную указку и ткнул ею на карте Франции в те города, где пролилась кровь.

– Он убивает повсюду, мужчин, женщин, любого возраста, без заметного физического сходства между ними. Социально-профессиональные категории разнятся. Нет никакого временно́го ориентира, никакой бросающейся в глаза регулярности. Две первые жертвы были убиты с интервалом в четыре месяца, в следующий раз он действовал спустя семь месяцев, потом четыре, потом пять, потом три, что, надо сказать, следует считать активной деятельностью на протяжении приблизительно двух лет…

– Он прекращает убивать, а Охотник спустя три месяца подхватывает эстафету, – подметил Кашмарек. – Разумеется, то, что я сейчас скажу,

глупо. Но делались ли кем-то попытки установить связь между нашими двумя серийными убийцами? Не может ли быть, что это один и тот же человек?

Тюрен энергично затряс головой:

– Не сомневайтесь, после изнасилования *post mortem* Карины Маркет мы именно об этом и задумались. В то время я много работал в контакте с нантской полицией. Вывод? Разные убийцы. В их образе действия нет ничего общего. Охотник нападает исключительно в окрестностях Нанта. Он держит в неволе молодых женщин, обладающих определенным внешним сходством: это одинокие, рыжие, хорошенькие, возраст между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. Он лишает их свободы на длительное время, развлекается, истязая их нанесением самых невообразимых ожогов, а потом насилует, еще живых. Их каждый раз, без исключения, находят в воде. Никаких загадок, никакой математики, никакой инсценировки, ничего! Только извращение, животная похоть. Последнее убийство он совершил два месяца назад. Согласитесь, что все это отдаляет его на расстояние в световые годы от «утонченности», если можно так выразиться, нашего Профессора.

Люси потерла ладонью подбородок. Приходилось признать правоту Тюрена. Разумеется, серийные убийцы могут менять свой *modus operandi*, но они никогда не делают это столь радикально.

Прежде чем продолжить, Тюрен помолчал, прикрыв глаза.

– Возвращаясь к нашему делу. Все лица, так или иначе связанные с жертвами, как на семейном, так и на профессиональном уровне, вне подозрений.

– Например, Фредерик Муане?

– Вот именно, Энебель. Более трехсот пятидесяти человек могут подтвердить, что в момент кончины своей сестры Фредерик Муане делал доклад о повторной переработке в Соединенных Штатах. А Манон Муане была с ним. Она тоже ездила в Нью-Йорк, чтобы участвовать в симпозиуме, имеющем отношение к ее математическим исследованиям. Как вам такое алиби?

– Идеальное.

– О’кей. Итак, чтобы закончить с жертвами: между ними нет абсолютно *ничего* общего. Они не знакомы друг с другом ни близко, ни отдаленно, не посещали одну и ту же школу или бар с проститутками, не ездили вместе греть свои задницы на курортах Средиземноморского клуба. Ничего, ничего, ничего!

Кашмарек крутил в пальцах шариковую ручку.

– И больше ничего за шесть лет следствия?

– Да, почти ничего… Нелегко спустя четыре года поймать убийцу, который больше не действует и растворился в толпе. Скажем, в каком-то смысле его возвращение будет для нас… благоприятным фактором.

Тюрен подошел к столу и оперся на него обеими руками, так он надежнее владел аудиторией.

– Займемся сегодняшним преступлением. Расскажите мне об этой Дюбрей. Вы говорили, бывшая истязательница детей?

Капитан подхватил:

– В семидесятых годах прошлого века Дюбрей вместе с мужем неделями истязала своих же собственных детей. Они прижигали их сигаретами, избивали кулаками и ремнем, вырывали ногти, наносили жестокие резаные раны. И вдруг однажды, когда ее не было дома, муж окончательно добил детей выстрелом в голову, а потом совершил самоубийство… Она «только» участвовала в истязаниях. Во время суда над ней всех поразила полная ее безучастность по отношению к этой ужасной развязке. И никакого раскаяния. При этом ничего из области психиатрического в ее деле. После выхода из тюрьмы она поселилась в Роэ, и там ее прозвали Озерный Дьявол.

– Я вижу, у вас тут выродков не меньше, чем у нас… Итак, на сей раз Профессор обрушился на «публичную» личность и мизансцена выполнена более тщательно. Однако в остальном все сделано абсолютно идентично. Использованная веревка, напечатанный на листке бумаги текст, школьная доска с красной кромкой, голубой мел, образ действий. И все же нам придется подождать результатов сравнительных анализов относительно подтверждения пунктов, полученных в SALVAC[19], и тех, которыми мы уже располагаем…

– Сравнение как раз сейчас проводится, – уточнил Кашмарек.

– Отлично. Итак, что мы сегодня узнали о нашем озорнике? Что он левша, потому что в первый раз он оставил след – свою подпись в вашем так называемом доме с привидениями. Что он напал на достаточно атипичную жертву – на садистку, почти восьмидесятилетнюю старую каргу. Для начала мы должны понять почему.

Кашмарек добавил:

– Еще один момент сильно расходится с его привычным образом действий. Моллюск, которого он заставил ее проглотить. И это не наутилус.

Тюрен затянулся и, прикрыв глаза, медленно выпустил дым.

– Действительно, и этот аспект, по правде говоря, достаточно серьезно смущает. Для тех, кто не в курсе: Профессор впервые заставляет свою

жертву проглотить не раковины наутилуса, а что-то другое. На первый взгляд это тоже разновидность моллюска… Однако наутилусы – это очень шикарно. Они водятся только в западной части Тихого океана.

– Или в магазинах товаров для рыбаков, верно? – перебила его Люси, размахивая рукой, чтобы дать понять, что дым ее раздражает.

Похоже, об этом Тюрен не подумал.

– Проведенные анализы, в частности касающиеся содержания карбоната кальция в ракушках, доказывают нам, что все наутилусы происходят из одного региона мира. Или из одного магазина, как вы говорите. Но вы же понимаете, что все эти лавки мы уже прочесали частым гребнем. Разумеется, без всякого успеха.

Люси откинулась на стуле и спросила:

– Имея в виду подобные отклонения, могли бы мы выдвинуть гипотезу, что на этот раз речь идет не о Профессоре, а только об имитаторе? Об «Ученике», который считает Профессора своим наставником и теперь пытается превзойти его, выстраивая еще более разработанные мизансцены?

Тюрен громко расхохотался:

– Вы дурака валяете или что? Отдельные аспекты, как, например, стрихнин или ракушки наутилуса, никогда не предавались огласке! И тем не менее все совпадает! Нельзя без подготовки, вот так, с бухты-барахты, превратиться в серийного убийцу. Это дерьмо убивает не для того, чтобы копировать, а чтобы утолить свои извращенные фантазии!

– Я все это знаю, – возразила Люси. – Но я также знаю, что, кроме исключительных случаев, серийный убийца не способен бездействовать столь длительный период.

– Мм… Похоже, вы позабыли дело Фурнире, например. Шесть похищений и убийств с 1987 по 1990 год, затем десятилетний уход в подполье, чтобы вновь взяться за свое в 2000-м. Как вы это объясните?

– Фурнире действовал втихаря, он избавлялся от тел, закапывал их. А вот Профессор поступает наоборот. Он стремится к публичности, ищет контактов со средствами массовой информации, хочет, чтобы о нем говорили, испытывает явную необходимость продемонстрировать свое превосходство над жертвами, над всеми нами… При помощи математики, загадок, мест, которые он выбирает. С чего бы это вдруг на вершине славы он все внезапно взял да и прекратил? Нет-нет, что-то тут не так. Надо будет хорошенько проверить тех, кто недавно вышел из заключения или после долгой болезни выписался из больницы.

– Да что вы? Из какой же именно больницы?

Кашмарек попытался изменить ход разговора и обратился к Тюрену:

– Может быть, вы наконец объясните нам, почему он выбирал наутилусов?

– Ах, ну да! Очень тонкий момент! Вся суть проблемы, разумеется. Поначалу мы полагали, что Профессор выбирает свои жертвы случайно, без какой-либо причины. А Манон Муане переубедила нас. Увидев, что мы проиграли, она принялась рассуждать и однажды предложила нам очень интересную гипотезу. Она рассказала о логарифмической спирали…

– О чем?

Тюрен обнажил в улыбке частокол желтых зубов.

– Тогда я отреагировал так же, как вы. После первой встречи с Манон Муане вскоре после убийства ее сестры я вернулся домой с дикой головной болью. У меня было жуткое ощущение, будто моя черепная коробка набита кашей из цифр.

Присутствующие зашевелились, но вскоре серьезность одержала верх.

– Ракушка наутилуса представляет собой поразительное математическое явление. Достаточно поделить длину ее спирали на диаметр, и мы получим золотое число, или золотое сечение. То есть отношение меньшей части к большей равно отношению большей части к целому. Исторически это число всегда выражало приведенное в равновесие совершенство. Для художников это соотношение является божественной пропорцией, для древних греков за ним скрывались боги, египтяне использовали его при строительстве Царской камеры в Великой пирамиде. В XVIII веке с его помощью математик Фибоначчи вывел алгебраическую последовательность.

– Спасибо за экскурс в историю, – перебила его Люси.

Тюрен гордо проигнорировал ее слова.

– То, что Профессор выбрал это число, очень важно. Оно отражает то, к чему он стремится в своих действиях: совершенство. Он убежден, что, применяя математическую логику при совершении преступлений, он исключает случайность и не может допустить грубой ошибки.

– Однако все это очень расплывчато, – заметил Кашмарек, почесав макушку.

– Знаю-знаю, но Муане сумела меня в этом уверить, и ее соображения чертовски убедительны. Чтобы понять, просто подумайте об этих знаменитых спиралях. Мы находим их повсюду в природе. Форма галактик, артишоков, сосновых шишек или расположение семян в подсолнухе. Независимо от масштаба или области распространения, в бесконечно малом и бесконечно большом. Некоторые ученые – и Муане из их числа – полагают, что присутствие спирали или фракталов[20] в нашей Вселенной

неслучайно. Что столь совершенные объекты со столь необыкновенными математическими характеристиками не могут существовать по воле случая. Что они вписаны в очень сложные функции, как, например, судьбы каждого из нас или, более широко, жизнь на Земле. Функция, которая управляет законами всей Вселенной.

Присутствующие растерянно молчали. Люси что-то записала в блокнот. Тюрен выглядел столь же возбужденным, сколь и небрежно одетым, но дело свое знал отлично.

– Все еще не просекли? – продолжал он. – Неудивительно, ведь это не так просто. Тогда вспомните номер страховки, обнаруженный в числе «пи»! Разве личность Дюбрей не была испокон века, задолго до ее рождения, за много лет до того, как появились эти чертовы номера страховок, вписана в эту неизменность? Это символическая логика, я знаю, но наш мечтатель твердо в нее верит. А спираль наутилуса присутствует здесь для того, чтобы сообщить нам, что в сознании нашего убийцы нет места случайности. Профессор следует точно намеченному маршруту, который известен лишь ему. Он движется по некоему математическому пути, который непременно соединяет между собой все его жертвы. И эти четыре года выжидания представляют, возможно, часть преступного замысла. А мы должны помешать его осуществлению. – Он сложил в стопку листы бумаги на столе и добавил: – Вот где надо копать! А не у выхода из тюрем и больниц. Это было бы слишком просто, слишком… примитивно. В любом случае, господа, *мадемуазель*, добро пожаловать в искаженное сознание Профессора.

Грё приглаживал усы, Кашмарек напряженно соображал. Загипнотизированная словами Тюрена, Люси машинально перелистывала блокнот. Приподняв голову от своих записей, она предложила:

– Давайте ненадолго забудем о математике, которая, похоже, зачаровала вас. Кроме…

– Не более, чем вас. Но когда я веду расследование, я делаю это досконально.

– Хмм… Помимо всей этой тарабарщины, есть ли у нас все-таки какое-то представление о его психологическом профиле? О его реальной личности?

Лейтенант в потертой косухе ответил:

– В противоположность Охотнику он перемещается. Можно предположить, что профессия, если таковая имеется, требует от него передвижений. Поверенный, торговый представитель, лектор… Он скрупулезно изучает свои жертвы. Он в курсе их привычек, их расписания,

их окружения. Он знает, где и когда нанести удар, чтобы остаться незамеченным. Что подразумевает проживание на одном месте определенное время, возможно недели, прежде чем приступить к делу. Тогда мы изучили все: бронирование, отели, видеокамеры пунктов транзитной оплаты и паркингов… Тщетно…

– Вообще ничего?

– Ничего. Психологи, причастные к расследованию, полагают, что он должен испытывать фрустрацию, чувство недооценки. Вот почему, как вы подчеркиваете, он ощущает потребность идеализировать свои поступки, и вот почему он предъявляет своим жертвам загадку в их последние минуты жизни. В этот момент он одерживает верх и осознает свое превосходство, потому что владеет решением. Он учитель, а остальные – его ученики. Его жертвы лежат на полу, униженные, со связанными ногами. Он властвует над ними и истязает их психологически и физически – используя осколки особо редких ракушек. Это вносит в его преступление элемент «изысканности», высококлассности. И если мы хотим увидеть изменения в его поступках, то факт посмертного изнасилования Карины Маркет представляется доказательством его жажды обладать еще большей властью. Именно обладать.

– Унизить. Убить. Изнасиловать… – произнесла Люси.

– Ну да… Он асоциален, скрытен, подавлен, все это должно читаться в его поведении. В его случае принадлежность к математике, возможно, представляет знак его изоляции и терпения. Вы, наверное, слышали миф о математике, долгие годы отрезанном от мира, который тем не менее трудился не покладая рук? По всей вероятности, наш убийца – холостяк, потому что, даже если не брать в расчет его постоянные перемещения, подготовка преступлений требует много времени и сил. Это хамелеон. И путешественник. Мы полагаем, что он сам ездит собирать свои ракушки очень далеко отсюда, уже вынашивая свои гнусные замыслы. Он сам отправился на поиски совершенной спирали… И несомненно, именно в этот момент негодяй наслаждался сильнее всего! – Он потряс стопкой бумаг. – Все здесь. Есть над чем скоротать ночку.

В мыслях Люси возникали странные образы.

– Итак, – произнесла она, – Профессор окончательно присваивает себе свои жертвы, снимая скальп. Это продлевает его безумные фантазии. Быть может, когда он не у дел, он надевает эти скальпы на головы стоящих в ряд манекенов и наслаждается воспоминанием об убийствах. Таким образом он может выжидать по три-четыре месяца. А то и больше.

– Ну и воображение у вас, лейтенант! Насчет манекенов не знаю, но

совершенно очевидно, что скальп обозначает родовое превосходство и вдобавок обладает коннотацией фетиша. Скажем так: он, как немалое число подобных ему чокнутых, оставляет себе сувенир.

Люси машинально принялась выводить в блокноте какие-то каракули. Тюрен разглядывал ее. Хорошенький носик, прелестные глазки, очаровательная попка. Короче, вполне соблазнительна.

– И все же есть что-то явное, что меня беспокоит, – добавила она.

Тюрен вздохнул. Эта дура неутомима. Интересно, и в постели тоже? Он ответил:

– Я вас слушаю…

– После смерти сестры Манон Муане стала помогать вам. Ее невролог рассказал мне, что она была настойчива, пунктуальна, что полностью посвятила себя поиску убийцы. Настолько, что даже отказалась от многообещающей карьеры и своих уравнений.

– Совершенно верно. Прекрасный пример самоотверженности.

– Итак, она вас направляет посредством математики, помогает вам проникнуть во внутренний мир Профессора и замечает некое слабое место в этой истории с наутилусами и спиралями. Обнаруживает «тайную цель» убийцы. Или, возможно, его ошибку…

– Ну да, и помогает нам в решении предложенных им загадок. Она ведет нас к источникам, к группам фанатиков, к которым может принадлежать и Профессор.

– Короче, благодаря Манон Муане и этой истории со спиралями вы выбираете другие пути расследования, поскольку теперь убеждены, что жертвы как-то связаны между собой. Или я ошибаюсь?

– Нет-нет, именно так. Профессор, безусловно, был уверен, что никто не поймет значения ракушек. Это был его фокус. Его фирменный знак.

– Что-то вроде вызова, брошенного полиции. Он считал себя сильнее вас.

– Он нас недооценил.

– Хотя он всегда рискует. Как бы там ни было, через несколько месяцев после открытия Манон на нее совершено дерзкое нападение. Если бы не вмешательство соседей, ее уже не было бы в живых. Ограбление… Вас… не удивляет такое невезение?

Тюрен нервно схватил очередную сигарету, хотя предыдущая еще тлела у него в зубах.

– Манон прекратила работать с нами задолго до нападения. Получив в свое распоряжение все факты расследования, она стала действовать в одиночку, втихаря. Она бросила нас.

– Почему?

Тюрен пожал плечами. Ему с трудом удавалось отделаться от внезапно возникшего желания придушить эту девчонку из полиции.

– Вот вы у нее и спросите, ладно?

– Как скажете.

После минутного молчания, когда все шумно зашевелились, Тюрен снова заговорил. Похоже, он испытывал необходимость оправдаться.

– Ограбление расследовал центральный комиссариат Кана. И у наших местных коллег не было никакого основания связывать его с тем фактом, что сестра Манон стала жертвой серийного убийцы. Не забывайте, что действительно были похищены ценные вещи и что в течение года грабители наведались в пять вилл в том же квартале! В Париже о нападении на Манон узнали позже, только когда я попытался снова связаться с ней, чтобы прояснить некоторые детали. Но… брат уже увез ее в Лилль.

– И вы что, правда верите, что это обычное ограбление?

Его голос зазвучал по-прежнему твердо:

– Разумеется, верю, черт возьми! Это никак не связано с Профессором! Если бы он хотел убрать ее, то сделал бы это с блеском, а не пытался бы прикрыться этим ограблением! Прежде чем нести подобную чушь, почитайте дело! Вы, похоже, хотите видеть связи там, где их нет!

Люси, не моргнув, выдержала взгляд Тюрена. Но про себя решила, что он прав. Прежде всего, он находится в гораздо лучшем положении, чем она, чтобы судить.

– Извините… Но последний вопрос, – все же осмелилась она, грызя видавшую виды ручку.

– Слушай, Энебель, тебе и правда следовало бы изучить дело, прежде чем делать свои выводы, – проворчал Кашмарек, взглянув на часы. – Меня ждет прокурор, да и у всех нас работы по горло.

– Я извинилась, капитан! И я не про расследование, а про события сегодняшней ночи. Думаю, это может вас заинтересовать.

Раздались вздохи. Тюрену все это уже смертельно надоело.

– Ладно, давай. Только по-быстрому.

– О’кей. Во-первых, охотничья хижина, где держали Манон. А там сообщение: «Возвращайся позлить Других», отсылающее к выражению, которое Манон употребляла, когда была подростком. Поначалу я решила, что Профессор вынудил ее открыть ему эту сторону ее личной жизни, когда держал ее там. Он заставляет ее исповедаться, потом записывает фразу, которая, по его идее, приведет нас в Эм.

– И правда. Продолжай…

– В Эме десятичные знаки числа «пи» были записаны несколько недель назад, вы согласны?

– Да.

– Выходит, прежде чем похитить Манон, он подготовил место в Эме. Он точно знал, что, пока он удерживает Манон, ему удастся записать загадку «Возвращайся позлить Других», которая позволит нам добраться до дома с привидениями, а значит, до Дюбрей. Он уже знал смысл этой фразы.

Люси выдержала паузу и сделала вывод:

– Итак, он проник в личную жизнь Манон задолго до ее похищения. Он входил, а возможно, и сейчас входит в число лиц, с которыми она пересекается тем или иным способом. Возможно, она ему доверяла. Он мог познакомиться с Манон до ее амнезии или после… Но одно несомненно: он ее знает, а она знает его… Ну, то есть не она… а скорее ее органайзер.

21

Немного раньше, днем, Люси предупредила доктора Ванденбюша, что хотела бы присутствовать на его рабочем сеансе в клинике Свингедоу. В ожидании начала расследования и возвращения различных экспертов это было, наверное, хорошей возможностью понять мир, в котором живет Манон, ее мир забвения. А главное, увидеть людей, с которыми она, математик, общалась с начала своего лечения в этом научном центре.

Затянутый в белый халат, с бейджем на груди, невролог поджидал Люси в выкрашенном ярко-красной краской вестибюле клиники. Тщательно причесанный, свежевыбритый, надушенный, на этот раз он выглядел настоящим профи. Трудно было узнать в нем человека, поднятого с постели посреди ночи.

– Я постарался поскорее выполнить вашу просьбу, – сказал он, тепло пожимая ей руку. – Вот список персонала и членов группы, находящейся в постоянном контакте с Манон. Я также добавил расписание, по которому Манон работает с нами и с торговыми представителями «N-Tech». Понедельник, среда и суббота.

– Указали ли вы имена этих торговых представителей?

– Разумеется, вы же меня просили. А я всегда выполняю свои обещания.

– Спасибо, доктор.

Ванденбюш протянул ей бейдж. Малышка по-прежнему не накрашена, но выглядит гораздо более соблазнительно, чем накануне.

– Зовите меня Шарль, если хотите… Бейджи здесь очень нужны, понимаете… Ваша… – Он указал на ее разбитую бровь.

– А, ерунда! Не вписалась в дверь…

– Понятно… Пойдемте со мной: пока Манон не проснулась, хочу продемонстрировать вам некоторые очень… любопытные случаи. Они помогут вам понять, как функционирует наша память, и худо-бедно разобраться в невероятном механизме мозга.

Люси взглянула на часы. 16:51.

– Разве Манон спит здесь, в клинике?

– Сиесты помогают ей закрепить пережитое за день. Медленный сон после засыпания способствует запоминанию фактов и эпизодов. Тех разговоров, которые она записывает, например, или заметок, которые она непрерывно делает.

– Да-да, понимаю! Вы ей бесконечно прокручиваете их, пока она спит.

– Нет, не во время сна. Это прописная истина. Мы, разумеется, не можем выучить иностранный язык во сне, надев наушники! Работа по заучиванию происходит раньше, сон здесь нужен именно для закрепления. Кстати, небольшой совет, если у вас есть дети…

Люси представила себе дочек…

– У меня четырехлетние близнецы. Клара и Жюльетта.

– Когда они подрастут, пусть всегда пересказывают вам выученные уроки вечером, перед сном. А не утром или днем. Остальное сделает магия сна.

Они шли через на редкость цветасто оформленные помещения. Ярко-синие стулья, желтые балясины, ослепительно-красный плиточный пол. Словно гигантская конструкция из лего, не имеющая ничего общего с привычным представлением о больницах.

– Я говорил вам о медленном, ортодоксальном сне, но парадоксальный сон, быстрый[21], тоже играет первостепенную роль в получении знаний. Он, помимо всего прочего, обеспечивает сохранность автоматических действий в процедурной памяти, например умение пользоваться прибором «N-Tech». Вопреки общепринятому мнению, сон является периодом очень интенсивной мозговой активности. Мы учимся кататься на велосипеде, не только сидя на нем, но и во сне! Поразительно, не правда ли?

Довольный своими объяснениями, врач сунул руки в карманы халата.

– Итак… После пробуждения Манон наконец будет знать, что с ней произошло вчера?

– Не спешите. Все будет очень расплывчато и довольно беспорядочно. Ей требуется немного больше времени, повторений, дополнительного сна. И у нее в памяти сохранятся только основные пункты.

– Но все же это хороший шаг вперед… Скажите, пожалуйста, э-э-э… Шарль. Мне бы хотелось знать, возможно ли, что в один прекрасный день Манон сможет вспомнить смысл надрезов на своем животе? Не верите ли вы в вероятность того, что нам удастся получить какой-то результат… не знаю… при помощи гипноза, например?

Прежде чем ответить, Ванденбюш едва заметно улыбнулся.

– Гипноз применяется для того, чтобы выявить все, что фиксирует мозг, даже бессознательно. Манон же больше ничего не фиксирует без напряженных усилий, а два белых пятнышка, обнаруженные при магнитно-резонансном обследовании на уровне ее гиппокампов, напоминают нам, что у нее нет посттравматического прошлого и ни одного элемента, позволяющего ей узнать будущее. Попросту говоря, в ней не сохранились

эти данные. А потому совершенно невозможно заставить их всплыть!

Они шли по коридору. Серые стрелки на зеленом ковровом покрытии указывали направление к переговорной. Доктор продолжал:

– Манон не первая среди моих пациентов, кто нанес себе увечья. К несчастью, это довольно типично. Для таких пациентов собственная плоть зачастую становится единственным способом выразить свою внутреннюю боль. Это сигнал бедствия. Однако они очень редко прибегают к посторонней помощи, как Манон… ведь речь идет о чрезвычайно личном поступке.

– Вы знаете, почему брат ее искалечил?

– Не больше, чем знал вчера. Фредерик мне ничего не говорил, я сам догадался, потому что раны нанесены левшой, а Фредерик левша. Думаю, сам он ничего бы мне не сказал. Кстати, мне показалось, что он весьма смущен этим обстоятельством и не хочет распространяться на этот счет.

Люси подумала о цифрах на стенах и загадке на полу в доме с привидениями в Эме. Их тоже написал левша.

– Возвращаясь к нашей теме, – продолжал Ванденбюш, – нанесение этих надрезов, вероятно, было очень болезненно для Манон. И если ее мозг забыл о перенесенных страданиях, то ее тело непременно о них помнит.

– Я не совсем понимаю…

– Мы не имеем внятного научного объяснения, но *soma*[22] тоже обладает памятью, мадемуазель Энебель. Вспомните, например, фантомную часть тела, ампутированную ногу, которая по-прежнему болит, хотя ее уже нет. И не только это. Как объяснить рефлексы новорожденных? Что это, если не генетическая память? Умение сосать, дышать или даже кричать.

Люси инстинктивно отступила. Память тела… Шрам у нее на затылке… Такой ощутимый…

– Но если вы скептик, вы быстро все поймете после опыта, в котором я вам сейчас предложу поучаствовать, – добавил специалист, заметив волнение своей собеседницы.

Они остановились перед запертой на ключ палатой номер 209.

– Михаэль Дерво поступил неделю назад. У него синдром Корсакова, патология, связанная со злоупотреблением алкоголем и провоцирующая поражения на уровне сосцевидных отростков, гиппокампов и таламуса.

– Никогда об этом не слышала.

– И все же… Это одна из основных причин антероградной амнезии. Михаэль уже через тридцать секунд не способен вспомнить о только что происшедшем и даже не осознает, что страдает потерей памяти. Для него

все нормально, он совершенно не понимает, что болен. Прямым следствием его заболевания является подверженность конфабуляции, то есть огромную пустоту времени он заполняет ложными воспоминаниями. Мне бы хотелось, чтобы вы вошли, чтобы представились врачом и пожали ему руку, одновременно кольнув его вот этой булавкой.

– Чтобы я его уколола?

– Да, но не слишком сильно, конечно… А потом выходите.

Люси взяла булавку и в нерешительности остановилась перед дверью.

– Вы ничем не рискуете! – подбодрил ее невролог. – В данном случае мы не имеем дело с буйнопомешанным! К тому же я буду здесь, позади вас, просто оставьте дверь открытой.

Заинтригованная, Люси повернула ключ в замке и с замиранием сердца вошла в палату. Михаэль, сложив руки за спиной, смотрел в окно. Это был «нормальный» молодой человек, какие постоянно встречаются нам на улице. Ни дрожи, ни отрешенности, ни даже кругов под глазами. Одет скорее хорошо.

Он обернулся:

– А, доктор! – и сощурился, разглядывая бейдж. – Энебель! Вы насчет рубашек, которые я у вас просил…

Люси протянула ему руку и ответила:

– Э-э-э-э… Пока не знаю… Я вернулась, чтобы спросить, какого цвета вы хотите.

Он пожал протянутую руку и тут же отдернул свою:

– Ай! Черт возьми! Что вы делаете?

Люси попятилась:

– Я принесла вам рубашки…

– Какие еще рубашки? Эй, отвечайте!

Она захлопнула дверь.

– Великолепно, – похвалил ее Ванденбюш. – Вы прекрасно выходите из положения. Подождем пару секунд…

Люси не просто отдалась игре, она переживала новый опыт с нездоровым любопытством. Понять нарушение функционирования этой странной штуки там, в черепной коробке… Какие доли мозга превращают людей в шизофреников, сумасшедших, извращенцев, разных дюбрей? Как нейроны, химические сигналы, чисто электрические соединения создают сознание, память, очеловечивающий круг чувств? Сколько неисправных миллиметров в этих сотнях километров складок и извилин порождают чудовищ? А она, что с ней произошло, чтобы…

– Входите…

Люси с любопытством повиновалась. Теперь Михаэль рылся в мусорном ведре. Когда Люси вошла, он взглянул на нее. Несколько секунд молодая женщина пребывала в полной растерянности. Он вообще не узнавал ее, хотя она только что вышла! Манон, только в десятикратном размере.

– Не знаете, куда я мог деть ключи от машины? – спросил он, вороша простыни на кровати. – Уже столько времени ищу их! Они пропали, и все остальное тоже!

– Вы… вы узнаете меня?

– Кто вы? Понятия не имею! Доктор, медсестра, мне плевать! Сколько зову, ни один кретин не пришел помочь мне! А я просто хочу, чтобы мне вернули ключи! Черт побери, неужели это так трудно?

Люси подошла и снова протянула ему руку.

Он повторил в точности те же движения, что в первый раз, но за мгновение до того, как их ладони соприкоснулись, словно инстинктивно отдернул руку. Затем смущенно сунул ее в карман.

– Почему вы не здороваетесь со мной? – удивилась Люси.

– Я… Понятия не имею… Я… Мы знакомы?

Когда Люси вернулась к Ванденбюшу, тот пояснил:

– Память тела… Та, что связана с нашей имплицитной памятью… Та, что провоцирует выделение пота, усиливает сердцебиение при возникновении уже пережитой ситуации, воспоминания о которой не обязательно сохранились. Это его тело помнит, что вы его обидели, а не его память.

– Поразительно…

– Даже наиболее тяжелые пациенты сохраняют эту память. А мы таким образом можем подвести их к выполнению определенных действий, например научиться использовать электронные органайзеры или компьютеры. Единственная проблема заключается в том, что эта память бессознательная и ее нельзя вызвать по желанию.

Ванденбюш щелкнул пальцами.

– Я убежден, что Манон «знает», что означают ее шрамы, даже если она не в состоянии вернуть их смысл в собственное сознание. Только стимулирующее событие, то, что мы называем эффектом приманки или индексированным отзывом, помогло бы все восстановить. Это может быть жест, слово, ситуация, которую ей придется заново пережить. Возьмите, к примеру, прустовскую *мадленку*, пробудившую у автора воспоминания о детстве с кучей точных деталей, которых он не мог бы восстановить без этого печенья. Благодаря такой приманке, все выйдет на поверхность,

Манон, возможно, вспомнит, почему у нее возникла потребность изувечить себя. Вся проблема заключается в том, чтобы суметь найти нужный пусковой механизм и применить его. А это…

Они снова шли по коридору. Люси пребывала в задумчивости, беда Михаэля глубоко взволновала ее.

– Что станет с вашим пациентом Михаэлем?

Ванденбюш пожал плечами. У него на этот счет не было иллюзий.

– Кроме нашей клиники, во Франции почти нет учреждений, где бы принимали больных с синдромом Корсакова. Если вы не страдаете Альцгеймером или другой «модной» болезнью, вас не существует ни для государства, ни для отдела социального страхования. Если ему немного повезет, он останется у нас надолго и примет участие в программе «MemoryNode». Но я скорей пессимист. Существует примерно двадцать три этапа, которые необходимо пройти, чтобы получить приглашение на встречу при помощи «N-Tech». Двадцать три – это слишком много для Михаэля… Если ничего не изменится, тогда… он отправится в психиатрическую больницу. Или в какой-нибудь специализированный центр, например в Бельгии.

– Ужасно.

– Вот именно. Мы – обочина общества, дорогой лейтенант, зона складирования неликвида. К тому же психиатрия, к несчастью, слишком часто представляет собой способ незаметно избавиться от всего этого. Попросту убийство души при помощи химической смирительной рубашки.

Люси прислушалась. Над ней, где-то наверху…

– Канарейки, – пояснил Ванденбюш, заметив растущий интерес молодой женщины к его рассказам. – Их пение обладает успокаивающим эффектом. Я лично настоял, чтобы его транслировали. Известно ли вам, что они меняют мелодии каждую весну – и так до конца жизни?

– Не знала…

– Это простое признание основано на новом течении мысли, невозможном еще десять лет назад. Оно наталкивает на предположение о том, что мозг взрослого человека продолжает производить нейроны, хотя прежде считалось, что их количество достигает максимума при рождении и начинает уменьшаться после определенного возраста. Слышали, наверное, истории про двадцать лет, когда все в организме начинает рушиться… Это новые и обнадеживающие пути для исследования болезни Альцгеймера и памяти вообще.

Им повстречался пациент, который на ходу с безумной скоростью заполнял клетки судоку.

– Доктор Ванденбюш, – сказал он. – В этом месяце я встречаю вас в этом коридоре уже шестьдесят седьмой раз, двадцатый раз именно на этой плитке номер двенадцать, если считать от входа. Стоит отметить, верно?

– Тогда шампанского, – отшутился Ванденбюш, галантно придержав Люси под локоток, чтобы пропустить его.

Когда тот удалился, Люси спросила:

– Еще одна диковина клиники?

– Дамьен страдает гипермнезией, то есть он обладает резко обостренной памятью. Полная противоположность Михаэлю. Его память не имеет пределов, он запоминает все. Он способен повторить списки слов, даже лишенных смысла, спустя месяцы и даже годы. Он едва взглянул на вас, но если через три недели я спрошу, как вы были одеты в среду 25 апреля 2007 года, он сможет мне ответить.

Врач оглянулся и продолжил:

– Я видел, как он ждал в конце коридора, а потом бросился к нам, чтобы встретиться точно на этом месте… Чтобы сумма числительных, которые он нам сообщил, равнялась девяноста девяти… Дамьен одержим этим числом, и никто не знает почему. Даже он сам.

– Впечатляет. Кажется, что-то подобное рассказывают про Моцарта. У него будто бы была сумасшедшая память.

– Ах, Моцарт… К несчастью для Дамьена, это не совсем его случай. Но вы абсолютно правы, Моцарт был наделен необычайной памятью. Что, кстати, позволяло ему бессовестно присваивать себе чужую музыку. Слышали такой анекдот? 11 апреля 1770 года ему четырнадцать лет, и он слушает в Сикстинской капелле самое «засекреченное» произведение Ватикана, «Miserere» Аллегри[23]. Произведение исполнялось два раза в год, а партитура его охранялась строже, чем любое сокровище. Спустя несколько часов, преспокойно усевшись за стол, Моцарт целиком записал его без единой неправильной ноты. Слышал же он его всего один раз.

– Нет, я не знала… Извините меня, Шарль, но я не совсем понимаю, что Дамьен здесь делает. Ведь у него нет проблем с памятью, скорей наоборот!

– Проблема в том, что все эти ненужные детали, которые он запоминает, занимают сто процентов его внимания. Поэтому ему не удается уловить общий смысл разговоров или того, что происходит вокруг. Разве у вас самой мозги не забиты старыми кодами кредитных карт или ничего не значащими пустяками?

– Да, тут вы правы! Когда я была маленькая, у нас была собака, Опал. Мелкая дворняжка с клеймом, нанести его стоило гораздо дороже, чем сама

собачка. Я выучила наизусть номер, RFT745, и до сих пор его не забыла, хотя мне никак не удается запомнить новый телефон нашей бригады.

– Вот вам и конкретный пример плохого фильтрования, нарушения функции… Мы до сих пор не поняли, как мозг отбирает, что следует сохранять всего несколько часов, несколько дней или всю жизнь… Поэтому Дамьен теряется во всех своих бесполезных воспоминаниях… Кора головного мозга существует для того, чтобы выучивать, но главное – чтобы забывать! Это составляет равновесие. А вот Дамьен никогда ничего не забывает.

Они снова шли в том направлении, которое указывали большие серые стрелки.

– Наш мозг – это невероятный, непревзойденный механизм. Люди приходят в восторг, например, от шахматистов, их способности на память знать сотни дебютов. А известно ли вам, что механизмы, запущенные для того, чтобы видеть или передвигаться, производят еще гораздо большее впечатление? Доказательство: роботы не умеют этого делать или делают очень плохо, зато они превосходно играют в шахматы!

– Возможно, это объясняется тем, что мы все способны передвигаться, хотя никто об этом не задумывается… Это почти… врожденное умение…

– Не врожденное, уж вы мне поверьте! Достаточно, чтобы мельчайшая частица серого вещества перестала нормально функционировать, и мы тут же получаем предельные случаи. Например, я наблюдаю одного пациента, который «не видит» левой части своего тела. Дефект проприоцепции, восприятия себя. Того, что обычно называют шестым чувством.

– Я думала, что шестое чувство приписывают только женщинам, – с улыбкой заметила Люси.

– Нет-нет. Шестое чувство – это умение с закрытыми глазами коснуться указательным пальцем своего носа, а не ткнуть мимо. Осознавать свое тело. Попробуйте, и вы увидите.

Люси закрыла глаза. Палец коснулся точно кончика носа. Работает. Великолепно развитое шестое чувство.

– Так вот, возвращаясь к моему пациенту. Для него недуг имеет драматические последствия. Его пугает собственная левая рука, он воспринимает ее как чужую. Он постоянно бьет себя по левому бедру и вопит: «Убирайся! Убирайся!» Он ест только с правой стороны тарелки… Аналогично, причесывается он тоже только с правой стороны… Конечно, чтобы поверить во все это, его нужно видеть, однако геминеглект[24] существует… Потом еще есть Кароль, у которой повреждено мозолистое тело, белая субстанция, соединяющая два полушария мозга. Если мозг дает

ей команду завинтить болт, левая рука завинтит правильно, а правая развинтит, в полной уверенности, что завинчивает. А Жорж! Ну да, Жорж! Он…

Ванденбюш продолжал рассказывать: болезнь Уиппла, вирус герпеса, области Брока и Вернике, а Люси принялась вспоминать свое пребывание в больнице. Она тогда была еще подростком. Все врачи, собравшиеся вокруг нее и склонившиеся над ее мозгом… Результат операции – длинный шрам у нее на затылке. Она все изменила. Внезапно Люси едва слышно прошептала:

– Химера…

Невролог прервал свой монолог:

– Простите, что?

– Хи… Химера… Вам это что-нибудь говорит?

– Кроме мифологического чудовища?

– Кроме мифологического чудовища…

Не сбавляя шага, он отрицательно покачал головой. В тот момент, когда она уже собиралась посвятить его в свои открытия, которые доставили ей столько неприятностей, создали такое непонимание среди окружающих, Ванденбюш воскликнул:

– Манон!.. Проснулась и уже устроилась! Какая пунктуальность! – Он остановился и обернулся к Люси. – Эта Химера. Вы о чем?

– Да не важно…

– Ладно… – Он поднял указательный палец. – Ах да, последнее! Пожалуйста, отвечайте быстро. В какие цвета выкрашен вестибюль?

Вопрос застал Люси врасплох.

– Синий, желтый, красный, дико *fashion*[25]. А что?

– Феноменальная зрительная память. Полагаю, это помогает вам в работе, в частности, когда надо зафиксировать место преступления. Короче, оставим это… Если через год я спрошу вас, что вы делали 25 апреля 2007 года, вы, возможно, не вспомните. Но если я дам вам приманку, булавку в руке, например… Михаэль Дерво, «MemoryNode», Манон, клиника, пение канареек… Вы даже обо мне вспомните! Автобиографическая память. Всегда, через год, даже через десять лет, вы без проблем сумеете вернуться сюда, вы будете знать, что надо идти по зеленому ковровому покрытию в направлении, указанном серыми стрелками, чтобы попасть в зал «MemoryNode». Процедурная память. Вы также будете знать, что такое гиппокамп. Семантическая память. И наконец, вы можете назвать мне три числа, отмеченные Дамьеном?

– Уф… Он назвал количество раз, которые он повстречал вас… А в

сумме получилось девяносто девять…

– Шестьдесят седьмая встреча в коридоре, двадцатая на одной и той же плитке – номер двенадцать, если считать от входа. Эти детали не имели для вас никакого значения и исчезли из вашей рабочей памяти… Естественный фильтр забывания, поддерживающий равновесие… Вот… Надеюсь, вы поняли роль каждой из ваших памятей.

Люси кивнула и бросила взгляд в сторону переговорной. Ничего особенного. Стулья, стол, белый экран и органайзеры «N-Tech». И все. А она-то ожидала увидеть обилие технологий, множество картинок, огромные сканеры…

– Да, согласен, такая простота поражает, – прошептал Ванденбюш. – Но не забывайте, что сегодня нет лучшего средства усовершенствовать память, чем лист бумаги и карандаш. Мои самые пожилые пациенты не способны включить компьютер. Они даже не знают о его существовании.

Когда Люси и невролог вошли в зал, Манон уже сидела там вместе с другими. Лейтенант полиции внимательно всмотрелась в полтора десятка лиц, повернувшихся к ней. Мужчины и женщины всех возрастов. У некоторых отсутствующие взгляды, другие – явно заинтригованы. Невролог знаком подозвал Манон, она подошла, не сводя глаз с бейджей. Ванденбюш… Его лицо ни о чем ей не говорило, но она выучила, она «знала», что он представитель компании «MemoryNode». А эта Люси Энебель… Звучит и написано знакомо…

– Мы ведь уже встречались? – спросила она, блеснув глазами.

Люси инстинктивно прикрыла ладонью зашитую бровь.

– Верно, мы провели вместе некоторое время. Я…

– Лейтенант полиции, – опередила ее Манон. – Да-да! Подождите! У меня для вас кое-что есть! Я… Я вам еще не звонила? Скажите?

Люси достала мобильник. Сообщение.

– Звонили! Наверное, я была за рулем и не услышала.

Манон полистала органайзер и увлекла Люси подальше от остальных, в глубину помещения. Энебель тут же вновь ощутила близость, даже теплоту, что связывала их во время той адской грозы. Одновременно близкие и далекие.

– Сверяясь со всеми своими заметками, записями и тем, что я слышала в средствах массовой информации, я попыталась восстановить путь Профессора. И сделала вывод, что еще до того, как похитить меня, он знал наше детское выражение и был в курсе того, что мы лазили в дом с привидениями в Эме! Чтобы «позлить Других»!

Похоже, бесконечные повторения и дневной сон были не напрасны.

– Я знаю, – ответила восхищенная Люси. – Я тоже об этом думала во время рабочего совещания, на котором только что побывала. Профессор получил эту информацию, потому что он с вами так или иначе знаком.

– Это представляется логичным, но я поразмыслила и не нашла, как это возможно. Нет, не может быть.

– Вы живете в тупике Старого Лилля, очень пустынном. У нас нет свидетелей, нам сложно узнать, что произошло. Сегодня утром мои коллеги опросили ваших соседей относительно времени, когда вы обычно выходите на пробежку. Никто ничего не заметил. А по словам вашего брата, в квартире ничего не было ни перевернуто, ни украдено. Возможно… вы добровольно последовали за похитителем, потому что знакомы с ним… Потому что его фотография есть в вашем органайзере.

Манон отрицательно покачала головой и незаметно потрогала левый бок. Ее рука нащупала металлический предмет, похожий на… оружие?

– Что-то не так? – забеспокоилась Люси.

Манон скрестила руки на груди, неловко пытаясь скрыть волнение.

– Нет-нет, ничего… Просто… Все эти события… Мое… Мое похищение…

Она потерла правое запястье.

– О чем мы говорили?

– О том, что ваш похититель, безусловно, появлялся в вашем окружении. В течение этих четырех лет он, возможно, воспользовался вашей амнезией, чтобы сблизиться с вами. Он мог выждать, чтобы вы составили воспоминания о нем как о человеке, которому вы доверяете, а потом, воспользовавшись этим, обмануть вас. Возможно, он здесь, совсем близко. Манон, мне нужен ваш органайзер.

Молодая женщина впилась пальцами в прибор и в тревоге обернулась к остальной группе:

– Нет-нет, я не могу вам его дать. Это очень личное.

Люси заметила мужчину с узкой бородкой, который настойчиво смотрел в их сторону. Она перешла на шепот:

– Я не прошу вас показать мне все, только то, что меня интересует. Вы непременно должны назвать мне всех людей, которых знаете. Вы ведь всегда их фотографируете, правда?

Манон кивнула.

– И вы можете мне их показать?

– Если хотите. Но… подождите…

Манон включила записывающее устройство, прикрыла глаза и кратко изложила все, о чем только что говорила с Люси. Отсутствие свидетелей,

предположение, что она уже встречалась с Профессором. Она оглядела присутствующих, выключила микрофон и, еще раз бросив взгляд на бейдж, спросила Люси:

– Так чего вы хотели?

– Фотографии ваших знакомых у вас в органайзере.

– Для чего?

– Манон! Я только что вам объяснила!

После минутного сомнения девушка, страдающая амнезией, сказала:

– Но знаете, их же там страшно много. Как только кто-то вступает в контакт со мной, я его сразу фотографирую.

Затем она открыла папку «Фотографии» и принялась листать портреты, сопровождаемые коротким описанием. Врачи, друзья, родные, доставщик пиццы, почтальон, сантехник, пациенты «MemoryNode». Там обнаружился и Ален Шрайв, мужчина с узкой бородкой. Десятки и десятки лиц.

– Минуточку! Вернитесь назад! – воскликнула Люси.

Манон повиновалась.

– Эрве Тюрен?.. «Никогда больше не работать с этим извращенцем». Но почему?

Манон пожала плечами и, поджав губы, обхватила аппарат обеими руками:

– Личная жизнь… Вас это не касается… Я… Я никому не показываю эти фотографии. Вы его знаете?

Люси постаралась говорить спокойно:

– Сегодня он снова подключился к расследованию. Здесь, в Лилле.

– Он вернулся в Лилль? Зачем?

– Он лучше всего знаком с делом Профессора. И производит впечатление компетентного человека. Я ошибаюсь?

Манон опустила голову. Немного поразмыслив, она ответила:

– Нет-нет… Он великолепен… И настойчив…

– Вы с ним хорошо знакомы?

Манон вздохнула:

– До… ограбления мы… сотрудничали… Я делилась с ним своими соображениями, своими выводами относительно математических проблем, а он взамен сообщал мне важные детали расследования. Мы вместе… много путешествовали… по тем городам, где были совершены убийства…

В ее голосе чувствовалась горечь. Что означало это «мы вместе много путешествовали»? Люси не отступала:

– В органайзере вы написали «извращенец». Почему?

Манон закрыла папку «Фотографии» и вернулась в главное меню.

– Сейчас начнется сеанс, мадам, – проговорила она, поднимая голову. – Мне придется вернуться в группу.

Люси осторожно погладила Манон по руке, чтобы привлечь ее внимание:

– Я заметила, как Тюрен смотрит на женщин. Он неподобающим образом обошелся с вами?

Манон хотела уйти, но на этот раз Люси проявила настойчивость и крепко удерживала ее за руку:

– Отвечайте, Манон! Он вас домогался?

Манон повысила голос:

– Разве вас это касается? Неужели из-за того, что я лишилась памяти, у меня не может быть личной жизни? Мое прошлое неприкосновенно! Можете это понять? Отвечайте!

Люси ослабила хватку. Все головы повернулись к ним.

– Вы правы, простите меня… Но… мне необходим список ваших знакомых… У вас есть моя визитная карточка с электронной почтой…

– Я вам его отправлю сразу после сеанса! Вот видите, я записываю! А теперь оставьте меня в покое!

Записав, что ей следует сделать, Манон обратила внимание на то, что она не отметила, что выполнила одно задание. Просмотрев соответствующую страницу, она вернулась к Люси и сказала:

– Ах, я должна была позвонить вам…

Это было сказано совсем другим тоном, гораздо более спокойным. Будто она уже позабыла о своем приступе ярости.

– Вы позвонили. И оставили сообщение, которое я не успела прослушать.

– Когда я вас… – Манон с опаской глянула на бровь Люси, – ударила, было, как мне сказали, примерно 5:30 утра? Я так записала в органайзере.

– О да, я прекрасно помню! Уж не знаю, за кого вы меня приняли, но стукнули крепко, это правда!

Манон увлекла Люси в сторонку. Теперь она почти шептала:

– Мне очень жаль, я…

– Бросьте. Вы не виноваты. Ну, то есть не совсем…

– Скажите, сколько времени Дюбрей уже была мертва к тому времени?

– Больше пятнадцати часов. Судмедэксперт считает, что она была убита накануне около полудня.

Манон не удалось скрыть своего удивления. Она скрупулезно зафиксировала информацию в органайзере, а потом принялась пробегать

глазами электронные страницы:

– Эти места, которые относятся к нашему делу… Рем, Эм, Роэ… так вот, они образуют равносторонний треугольник. Все три стороны абсолютно равны. Возьмите карту дорог и проверьте! Проверьте! Ровно пятьдесят километров между лесной хижиной возле Рема и Эмом, между Эмом и Роэ, а также между Роэ и лесом!

– Да, ну и что?

– А то, что речь идет об основной математической фигуре! Три места, которые априори не имеют ничего общего, но связаны с научной точностью!

Она переместила палочку по экрану и открыла другую информацию.

– Затем еще эти десятичные знаки числа «пи», точность которых я хотела проверить. Я откопала в Интернете программу, способную обнаружить любую часть последовательности первого миллиарда десятичных знаков. Я действительно нашла номер карточки социального страхования Дюбрей, Профессор не обманул нас. Последовательность 112042004 в числе «пи». Вы, если хотите, тоже можете проверить. Все точно, не сомневайтесь!

Люси была поражена упорством Манон.

– Разумеется, я вам верю.

Девушка вдруг сделалась отсутствующей, словно погрузилась в свои мысли.

– Манон? – Люси помахала рукой у нее перед глазами.

– Да-да… Именно эта загадка… «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Я не понимаю…

– Конечно. Но я по-прежнему не улавливаю, что вы хотите доказать этими историями про треугольник и число «пи».

Прежде чем ответить, Манон бросила быстрый взгляд на экран:

– Но ведь это просто! Он не ввел нас в заблуждение с числом «пи». Вишенка на торте: он в своем пороке дошел до того, чтобы построить равносторонний треугольник. А с другой стороны, он впервые за всю «карьеру» не выполняет своего ультиматума. Он объявляет, что совершит убийство в четыре часа ночи, а делает это накануне около полудня?

– Продолжайте, очень интересно.

Манон была возбуждена, она чувствовала, что помогает расследованию. Она заговорщицки взглянула на Люси:

– Я здесь все записала. Смотрите. Вчера я должна была бегать с 9:30 до 10:15, но я этого не делала. У меня была встреча в банке в 11 часов, я туда не пошла. И ни на какие другие встречи тоже. Получается, он уже

похитил меня.

– Ваш брат сказал мне, что видел, как вы собирались на пробежку. Было 9:10, в это время он обычно уходит на работу. Значит, вероятно, вы были похищены из дома между 9:10 и 9:30, потому что не прихватили органайзер, хотя всегда берете его с собой, даже на пробежку. Вы уже надели спортивный костюм, в котором мы вас нашли. Все сходится.

– Что могло произойти в течение всего вчерашнего дня? Не знаю. Хронологически выходит, что он запирает меня в хижине, отправляется убивать Дюбрей, возвращается в хижину и освобождает меня. Но я не понимаю, почему он так поступил, почему спустя столько лет он впервые не сдержал своего слова… Он спокойно мог убить Дюбрей в четыре часа, как и заявил. Освободив меня вечером, он прекрасно знал, что мы не сможем вовремя прибыть в Роэ. Признаюсь, меня это… беспокоит каждый раз, как я открываю свои записи…

Манон соображала со скоростью компьютера. Но ей недоставало чутья сыщика, знания уголовной практики. Люси почувствовала растущий прилив сил. В конце концов, они вдвоем, пожалуй, составляют активную передовую группу.

– Знаете что, Манон? Я думаю, он поставил этот ультиматум, чтобы завладеть нашим вниманием, но на самом деле ему было необходимо показаться где-то накануне вечером – после того, как он вас освободил.

– Чтобы обеспечить себе алиби?

– Не совсем… Его психологический профиль доказывает, что он знаком с нашими технологиями, он должен был подозревать, что мы достаточно точно установим время смерти. Но все же он хотел, чтобы его отсутствие этой ночью осталось незамеченным. Особенно с 21:00 до 4 часов утра. Родные, друзья, коллеги по работе… Этой ночью Профессор должен был появиться в другом месте. Там, где его отсутствие показалось бы странным.

Озадаченная Манон тряхнула головой. С чего начался этот разговор? Оставляя Люси с ее мыслями, она, прежде чем уйти, сказала:

– В любом случае, несмотря на весь ужас преступления, эта Рене Дюбрей… Я очень рада, что она умерла… Она была недостойна жить… После того, что сделала с собственными детьми…

В глубине своей полицейской души Люси была вынуждена признать, что и она того же мнения.

Если бы в ходе какой-нибудь операции ей пришлось собственными руками убить Дюбрей, она бы наверняка это сделала.

Ну, не она… Химера бы сделала. Без всякой жалости…

22

Человек без труда проник в коридор разделенного на четыре квартиры дома, расположенного в конце узкого тупика, откуда даже невозможно было различить цвет неба. Двое полицейских, сидевших в машине на улице Леонара Данеля, проверив документы, разумеется, его пропустили. Его фамилия окажется в их ведомости, но это не страшно.

Мирта лениво полаяла под дверью, но хозяйка ее не услышала. После многочисленных встреч в течение дня теперь она встала под душ, чтобы как следует взбодриться, прежде чем усесться за работу перед компьютером. Надо обдумать, записать, классифицировать сведения.

Положив ладони на хромированные поручни, втянув голову в плечи, она прикрыла глаза и, отказавшись от затеи в сотый раз копаться в своем отрывочном сознании, позволила волне блаженства поглотить ее. Иногда надо освободиться, забыть о своей амнезии. А об этом-то как раз забыть труднее всего.

Приложив ухо к входной двери квартиры, человек различил гул льющейся воды. Ну и ну! Почему бы не…

Ему понадобилось меньше десяти секунд, чтобы изменить свои планы.

Следовало кое-что попробовать. Очень интересно.

Опытным взглядом он изучил замок. Наверняка замок с предохранителем. Он натянул резиновые перчатки, достал алмазную отмычку и вставил ее в личинку. Реакция на скобление… Теперь найти направление вращения, которое вызовет открывание. Ощутить сопротивление, когда эксцентрик ротора натолкнется на пружину ригеля. И повернуть…

Спустя две минуты он уже очутился в прихожей. Полицейским приказано не покидать машины, так что они ему не помешают. А вот ее брат… В данный момент он попросту отсутствует.

Человек бесшумно захлопнул за собой дверь и накинул засов. Его сердечный ритм ускорился. Возбуждение, пожар желаний…

– А-а, собачка… Хорошая собачка…

Мирта обнюхала незнакомую ладонь, позволила погладить по груди и вернулась в кухню.

Чужак спокойно двинулся дальше. Он бросил быстрый взгляд налево, в спальню. На дальней стене висел большой постер с портретом Манон. Он подошел и рукой в перчатке коснулся этого чистого опала. Она была так

прекрасна… так желанна… Прошло уже столько времени…

Стиснув зубы, он выдвинул ящик. Раздался скрип. Он замер, убедился, что гидравлический доводчик не ослаб. Перед ним пары носков, разложенные по цветам и сезонам. Чувствуя, как пульсирует кровь в висках, он открыл отделение нижнего белья и добрался до трусиков, тоже разложенных в строгом порядке. Рукой в перчатке вытащил снизу черные с кружевом. Маленькая дрянь… Он обожал кружево, так бы его и съел. Он долго и жадно нюхал трусики, прежде чем спрятать в карман. Личный сувенир.

Кроме раскиданных почти повсюду листов бумаги, листков отрывного календаря и самоклеящихся бумажек для записей, он обнаружил на ночном столике результаты последних тестов памяти Манон. MMS[26], показатель когнитивной эффективности, шкала Маттиса… Он пролистал их. Заметный прогресс, а все благодаря повторению. Результаты заметно повышаются. Но Манон абсолютно не способна запомнить только что полученную информацию. Стоит хоть немного отвлечься, и – хоп! – все исчезло. Включая лица. Прозопагнозия, к величайшему счастью. Это слабое место стоит использовать.

Он продолжил осмотр квартиры. Его внимание привлекла металлическая дверь с кодовым замком в конце коридора. Для чего она в этой квартире? Что Манон может скрывать там, внутри? Он бросился в кухню, разыскал там пакет муки, высыпал горстку себе в ладонь и, вернувшись, сдул ее на кнопки кода. Обозначились четыре цифры: 1, 4, 3, 7. Оставалось лишь испробовать все комбинации. Спустя минуту он уже проник в бункер.

Свет зажегся автоматически. Никаких окон.

Безумный беспорядок, пещера странных записей, по большей части нечитаемых. Он застыл перед математическими формулами, дедукциями, причудливыми текстами на латыни. Потом повернулся к фотографиям. Манон не утратила жажду продолжать преследование. Фотографии ее сестры Карины после того, как та побывала в опытных руках Профессора. Шедевр из плоти и крови. Он знал эту картину, созданную из ободранных губ, вывороченных глазных яблок, пальцев, впившихся в голубой мел. У него дома тоже хранилось несколько экземпляров. Вместе с фотографиями еще пяти жертв. Дьявольская привилегия.

Но самое интересное было не здесь. Он вышел, стер следы муки и направился к ванной комнате.

Он шел медленно, бесшумно. Ему бы хотелось до бесконечности растянуть каждую секунду. Насладиться ожиданием, прежде чем

приступить к действию.

Он кончиками пальцев толкнул дверь. Его уже горящее желанием тело обдало паром. Вода шумно плескалась по стенкам кабины. За стеклом струящиеся движения женского тела. Он перешагнул через ворох валяющейся на полу одежды, подошел ближе и прижался лбом к стеклу.

Она стояла к нему спиной.

Что за восхитительный изгиб. Именно такой он рисовал ее себе все эти мучительные годы. Навязчивое видение его кошмаров.

Манон, Манон, здесь, прямо за этой прозрачной преградой, разделяющей их тела. Она нужна ему, сейчас, сию минуту. Сжать ее груди, мять их, перемолоть в кровь. Это так просто! Он снял куртку, бросил ее на пол и засунул пистолет в задний карман джинсов. Оружия не надо.

Он резко отодвинул створку душа, его пальцы ощупью нашли кран и выключили воду. Манон даже не успела повернуться к нему лицом, он ладонью зажал ей рот. Придавил к кафельной стенке, крепко стиснул рукой ее горло, лишая возможности шевельнуться. Ударить невозможно.

– Привет, детка…

Этот голос… Она бы узнала его из тысячи.

Пот заливал его лоб, рубашка насквозь промокла. Все его мышцы дрожали, как натянутые струны. Он весь горел. Решительным движением, стиснув челюсти, он повалил Манон на пол, прижался к ней и изо всех сил стал тереться о ее тело. Звук скользящих по кафелю тел становился все громче.

Ему оставалось только расстегнуть ширинку, вот, сейчас… и он наконец овладеет ею…

Манон продолжала отбиваться. Ей удалось с приглушенным воем впиться зубами в его ладонь. Мужчина зарычал, когда его жертва выплюнула в сливное отверстие кусок розового мяса.

Обессилев от боли, он поднялся, включил на полную мощность горячую воду и захлопнул дверцу душа.

– Я скоро вернусь, детка. – Он скривился, зажимая здоровой рукой кровоточащую ладонь. – И тогда уж ты сдохнешь. Дрянь.

Манон взвыла. Горячая вода обожгла кожу. Ее плечи и бедра горели. Ощущение было такое, словно ее ударило электрическим разрядом в тысячи вольт. Она обеими руками повернула вправо до упора кран у себя над головой. Вода стала ледяной. Она снова взвыла. Наконец ей удалось выключить душ. Секунд двадцать она стояла, задыхаясь от боли, пока последние струйки воды исчезали в водовороте, а пар обводил ее лицо маской забвения.

Как ей удалось так сильно обжечься? И откуда у нее во рту привкус крови? В бессильной ярости она стала рвать на себе волосы, проклиная пожиравший ее недуг, который делал ее такой хрупкой и уязвимой, как хрустальный бокал, зажатый в кулаке.

23

Люси попросила няню Мод побыть с девочками дольше, чем обычно. Эти дополнительные часы совсем опустошат ее банковский счет, но тем хуже. Скоро получка, а в довершение всего страсть к работе вот-вот должна была окончательно вытеснить материнский инстинкт.

Ей непременно надо встретиться с палеонтологом Пьером Боловски, который хотел сообщить ей какую-то информацию о фрагментах ископаемых, обнаруженных в пищеварительной системе Рене Дюбрей. А сразу после этого нанести короткий визит Фредерику Муане. Ее не покидали мысли о надрезах на животе Манон.

Прежде чем отправиться в Вильнев-д’Аск, она позвонила капитану, попросила, чтобы тот открыл в электронной почте фотографии, где просматривается «N-Tech» Манон. Он тут же назначил группу сотрудников на эту работу. Проверить личности и занятия ста сорока человек, от кассирши в супермаркете до дантиста. Можно ожидать чего угодно!

Находящийся в самом центре Вильнев-д’Аск университет «Лилль-1» представлял собой окруженный расходящимися в сторону Парижа, Гента и Брюсселя крупными магистралями город в городе. Величественный ансамбль учебных корпусов, общежитий и спортивных сооружений вмещал в себя студентов, исследователей и преподавателей. Здесь изучали все: строение вещества, электротехнику, химию, биологию, механику и многое другое.

Люси некоторое время поблуждала в поисках корпуса с диким названием SN5 59855, где располагалась лаборатория палеонтологии и стратиграфии.

Пьер Боловски, невысокий и сгорбленный, принял ее среди микроскопов, фотографий скал, огромных ламинированных карт с изображением складок, изолиний, геологических трещин. После кратких приветствий ученый положил на стеклянный прилавок блестящую оранжевую окаменелость размером с абрикос, в форме безукоризненной спирали.

– Вот точная копия того, что ваша жертва была вынуждена проглотить, – пояснил он, встав с противоположной стороны стола. – *Hysteroceras orbigny*, ископаемый моллюск, аммонит, содержащий пирит. Триста граммов железного купороса, также называемого пиритом. Подробный химический состав вы увидите в отчете, который моя

секретарша сейчас отправляет вашему капитану.

Лежащий перед Люси аммонит был разрезан надвое. Можно было видеть внутренние перегородки, в которых головоногий моллюск жил и перемещался долгие годы, пока не выстроил эту совершенную логарифмическую спираль. Люси задумалась. Как тупая козявка могла осилить подобное сооружение, в котором таилось золотое число «пи»?

Никакой случайности, *dixit* Тюрен. Тогда что? Эта удивительная сложная математическая функция, которая управляет Вселенной? Полный абсурд.

– Существует ли связь между аммонитом и наутилусом? – рискнула Люси спросить, вытаскивая свой вечный блокнот.

Пьер Боловски взял моллюска и, повертев его в пальцах, внимательно осмотрел со всех сторон, словно любуясь гранями алмаза.

– Пожалуй, да. Аммониты вымерли вместе с динозаврами во время кризиса третичного мелового периода, шестьдесят пять миллионов лет назад. Наутилус их самый ближайший родственник. В подтверждение этого его называют живым ископаемым.

– Можно?

– Разумеется. Только осторожно, не пораньтесь, продольный разрез очень острый.

Люси взяла в руки аммонит. Ее поразила невероятная красота камер, гармония завитка. Она держала в руках математически совершенный предмет, существовавший задолго до возникновения самой математики. Предмет, в течение тысячелетий замкнутый в камне, чтобы наконец предстать перед глазами мира. Но также он стал страшным орудием убийства, десятками лезвий, разорвавших внутренности семидесятилетней женщины. Это противоречило всякой логике…

– А… у вас есть какие-то соображения относительно места, где он мог его раздобыть?

– Есть ли у меня какие-то соображения? Ну разумеется! Я готов установить место с точностью до десятка метров!

– Да нет, вы шутите!

Палеонтолог указал на висящую у него за спиной фотографию ослепительно-белой скалы, где горделиво позировали люди, вооруженные кирками и обутые в резиновые сапоги. Сам он стоял в центре.

– Ваш аммонит принадлежит к ярусу, который называют раннеальбским. Он появился в меловой период. Эти ярусы в некотором смысле представляют разрез нашей планеты во времени. Скажем, как круги на древесном спиле. Каждому ярусу свойственны свои собственные

аммониты. Содержащие пирит, фосфат или мел… Единственные места, где можно видеть выход альбского яруса на поверхность, – это Фолкстон в Англии, департаменты Дром и Об во Франции и… догадайтесь, где еще?

– Мне кажется, много окаменелостей собирают на побережье. Возле Булони, да?

– В Виссане, на мысе Блан-Не. Речь идет об излюбленном геологами и палеонтологами всей Франции, а значит, Европы обнажении породы! Фрагменты вашей окаменелости происходят точно из места залегания так называемых мергелистых глин. Оно расположено между деревушкой Струан и Малым мысом Блан-Не. Огромное преимущество для гуляющих заключается в том, что ярус доступен с галечного пляжа у подножия скалы. Так что кто угодно, при наличии зубила, может отковырять аммонит от скалы. Впрочем, для науки это катастрофа. – Ученый показал другую фотографию, с заграждениями и щитами. – Вот почему теперь работы по добыче и раскопкам запрещены. И это к лучшему.

– Запрещены, но по-прежнему возможны?

– При условии, что вас не поймают, да… Полиция на этот счет очень строга, штрафы так и сыплются.

Люси записала: «Проверить в мэрии Виссана личности предполагаемых нарушителей». Мыс Блан-Не располагался в сотне километров от Лилля.

– Выходит, окаменелость могла быть добыта там… в мергелистых глинах… А случайно… совершенно случайно, нельзя ли узнать когда?

Боловски сложил ладони под подбородком:

– Вы хотите слишком многого, лейтенант!

Улыбнувшись, Люси ответила:

– Я просто спросила, на всякий случай… А вдруг…

Боловски тоже обнажил в подобии улыбки зубы, напоминающие древнейшие окаменелости.

– Вы хотите многого, однако я вам сейчас скажу…

Довольный произведенным эффектом, он достал из герметической коробочки обнаруженные в теле Дюбрей фрагменты.

– Ваш убийца всего лишь заурядный любитель, расхититель скал! Мы, специалисты, всегда исследуем ископаемые пириты с применением щавелевой кислоты, являющейся антикоррозийным средством, и промываем их в дистиллированной воде, чтобы избежать образования оксалата кальция, от которого они неизбежно выбеливаются. Их даже можно покрыть лаком, для большей сохранности. Как, например, тот, что я вам показал.

Он осторожно выудил из коробки крупный фрагмент.

– Ископаемое, оставленное убийцей, полностью окислилось и побелело. Судя по плотности оксида железа, я бы сказал, примерно полгода назад.

Люси зачарованно смотрела на куски окаменелости, в которых палеонтолог сумел прочитать такую информацию. Этот расколотый хрустальный шарик рассказал, что Профессор еще в конце осени спустился к подножию мыса Блан-Не, чтобы подготовить убийство.

И все это время он совершенствовал свой план…

– У меня для вас есть еще кое-что, – добавил кудесник камня. – Один пустячок, который вас мог бы заинтересовать…

Казалось, он наслаждается выражением удивления, которое ему удавалось вызывать на лице хорошенькой сотрудницы полиции.

– Вам известно имя убийцы? – пошутила Люси.

– Почти…

– Как это – почти?

– Пирит – минерал очень твердый, его не так-то просто поцарапать. Хотя можно. Когда аммонит откалывают от скалы, действовать следует зубилом и молотком… У вас есть оружие, лейтенант Энебель?

– Да, конечно. А какая связь?..

– Известно ли вам, что специалисты по баллистике, исследуя извлеченную пулю, по мельчайшим царапинам, оставленным на ней бороздками ствола, могут узнать, из какого оружия она была выпущена?.. Эти царапины являются, если можно так выразиться, «отпечатком пальцев» револьвера.

Люси понимала, к чему он клонит. Криминалистам иногда удавалось идентифицировать грабителя всего лишь по слепку следа от лома, оставленного на двери, сравнив его с найденным у подозреваемого орудием. Потому что каждый лом имеет свой уникальный отпечаток, подпись.

– Браво, мсье Боловски!

– Да-да, окаменелостям есть что рассказать, лейтенант. Они заключают в себе не только прошлое, но и все, что прикасается к ним. Этот кусок несет на себе отметину зубила, оторвавшего его от скалы. Размер, зазубрины, неровности. Интересующее нас зубило имеет приблизительно три сантиметра в ширину. Найдите орудие, обследуйте его под микроскопом, сравните с отпечатком, оставленным на этом фрагменте пирита, – и, если повезет, убийца у вас в руках…

24

Безрезультатно покружив по мостовым Старого Лилля в поисках парковки, Люси отказалась от своей затеи и поставила машину на стоянке Оперного театра. Пожалуй, далековато, но она испытывала потребность пройтись и поразмышлять.

Закутавшись в куртку, молодая сотрудница полиции подвела краткий итог последних часов своего расследования. Новая информация свидетельствовала о том, что Профессор по меньшей мере в течение шести месяцев перемещался по региону, что он левша и что уже очень давно подготовил свое нападение на Рене Дюбрей. Следовательно, он хорошо знаком с местностью, знает, как и где действовать, чтобы остаться незамеченным, и в довершение всего забавляется, подкидывая полиции свои заковыристые загадки.

Нахмурившись, Люси прошла по улице Де-ла-Монне, миновала разделенный на две половины дом знакомого ей по работе таксидермиста Леона и свернула на улицу Экермуаз. Ей с трудом удавалось разбираться в тонкостях расследования. Слишком много вопросов ее мучило. Почему Профессор выбрал семидесятилетнюю садистку Дюбрей, спокойно окопавшуюся в своей крысиной норе? Какая связь может существовать между этой извращенкой и шестью другими, ничем не примечательными людьми, убитыми четырьмя годами раньше? Чем объясняется его тягостное молчание между шестью первыми и седьмым убийствами? И к чему до такой степени замешивать в это дело Манон Муане?

Наиболее смущающей деталью в этом лабиринте было то, что убийца близко знал Манон, что она, возможно не оказывая сопротивления, позволила увести себя из дому в день похищения. Может, он догадался, что она никогда не прекращала преследовать его? В охотничьей хижине на нее не нападали, ее не насиловали, не пичкали наркотиками. Только удерживали. Если Профессор опасается Манон, возвращения ее памяти, эффекта программы «MemoryNode», этих рекламных щитов по всей Франции, почему он не избавился от нее? Или же он осознал, что в конечном счете эта математичка не представляет никакой опасности? Просто черная дыра, лишенная всяких воспоминаний.

В настоящий момент Люси топталась на месте. Этим она была похожа на потерявшую память пациентку Ванденбюша. Но одно было несомненно: все сходится к Манон. Требовалось найти ответы. Обратиться к ее живой

памяти. Расспросить ее брата, красивого брюнета со светло-карими глазами.

Люси коротко поприветствовала двоих коллег, томящихся в «Пежо-306», а затем вошла в зловещий тупик Вашэ. Толкнув тяжелую деревянную дверь, она оказалась в центральном коридоре дома Фредерика, горделивой постройки в испано-фламандском стиле. В глубине были свалены стремянки, гипсокартонные перегородки, мешки известки. Люси поправила плащ, сняла резинку, стягивающую волосы, и встряхнула ими. С чего вдруг это внезапное желание прихорошиться?

На мгновение она остановилась перед дверью, где возле звонка были выведены инициалы «М. М.». Что сейчас делает Манон? Люси сомневалась, следует ли нанести ей краткий визит, потому что пришлось бы заново все объяснять. Кто она такая, обстоятельства их знакомства… Снова описывать весь ужас, оживлять его… Торопясь скорее увидеть дочек, Люси не отважилась на это.

И снова сосредоточилась на своей цели: Фредерик.

Глава фирмы предстал перед ней с обнаженным торсом, в узких черных льняных брюках и с двумя галстуками в руке. От него исходил приятный аромат мускуса.

– Опять полиция? – проворчал он, бросив быстрый взгляд на бровь Люси. – Ваш коллега уже заходил. Такой нервный, худой, с лисьими глазками.

– Эрве Тюрен?

– Вижу, я хорошо его описал… Послушайте, я уже ответил на его вопросы и достаточно выслушал на сегодня. Если позволите… я тороплюсь… Завтра с утра меня ждут в Генеральном офисе «Эйр Франс». Поезд отходит с вокзала Лилль-Европа в 21:03. Я ночую в Париже.

– И все же я настаиваю. Мне необходимы кое-какие сведения о Манон.

– Ну в точности как тот, с лисьими глазками! Вы не можете как-то договариваться между собой, прежде чем приходить сюда порознь?

– Мой вопрос касается шрамов на животе вашей сестры. Меня бы удивило, если бы мой коллега затронул эту тему.

Крайне раздраженный, Муане вздохнул и сухо ответил:

– В таком случае мне нечего вам сказать. Эти надрезы не касаются никого, кроме нее.

Он собирался захлопнуть дверь, но Люси просунула ногу в щель.

– Но вы же сами сделали одну из надписей. Вы добровольно покалечили сестру. А это, видите ли, меня касается.

Он отступил от двери и раздраженно процедил:

– Входите…

Прямые линии, дорогие хромированные детали, дизайнерские изгибы, эталон современного стиля.

– А вот я более традиционна в оформлении интерьера, – прокомментировала Люси. – Скорей, старая мебель и отдающий концы телевизор… Для холостяка у вас довольно хороший вкус.

– Я должен считать это комплиментом или вызовом?

Фредерик снова принялся укладывать чемодан. Костюм, белые сорочки, носки. Все было тщательно выглажено, сложено и размещено.

– И то и другое, – с улыбкой ответила Люси. – Вернемся к шрамам…

Он надел безукоризненно отглаженную сорочку фирмы «Ив Сен-Лоран» со странной оловянной брошью под воротником в виде паутины, которую застегнул с поразительной быстротой. Пальцы у него были тонкие и ловкие.

– Первые надрезы Манон нанесла себе, когда только потеряла память. После ограбления моя жизнь превратилась в ад. Сестра не понимала, что с ней случилось. Она была совершенно дезориентирована… искалечена… не способна ни с чем справиться и что-то организовать. У нее возникли серьезные проблемы ориентации и восприятия пространства из-за поврежденных гиппокампов. Тогда еще не существовало программ реадаптации для людей, страдающих потерей памяти, вроде «MemoryNode». Манон могла рассчитывать только на поддержку логопеда и на меня, потому что… наша мать ушла…

– Покончила с собой, верно?

– Вижу, у вас имеются свои источники. Она вскрыла себе вены в специализированном учреждении, где содержалась по причине депрессии. Полагаю, вы знаете…

– Да, – подтвердила Люси, доставая блокнот.

– После смерти Карины, а потом и матери я все бросил. Продал наше семейное предприятие по производству упаковки и перебрался сюда, где Манон выросла, чтобы она могла наконец ухватиться за счастливые воспоминания. Я хотел сменить обстановку, точнее, попросту увезти ее из мира смерти. И я почти все свое время стал посвящать ей.

Фредерик застыл, он был явно взволнован. На его лице читались минувшие страдания.

– Поначалу Манон, не способная восстановить ни малейшего воспоминания, непрерывно писала. На стенах, на мебели, в тетрадях… Разумеется, это был способ выплеснуть все, что накипело у нее в мозгу и что ей не удавалось ухватить… Как сигнал бедствия…

Он указал рукой в сторону квартиры Манон:

– Однажды я зашел к ней и застал ее в ванной. Она полосовала свое тело, стоя перед зеркалом. Казалось, к тому же она пытается придушить себя… это было очень странно. Она хватала себя за горло, кашляла… я подумал, что… что на нее снова напали. Я так и вижу ее движение: нож, который вонзается в ее плоть, а другая рука сжимает шею. Нож был кухонный! Представляете себе это зрелище?

Он закрыл глаза. Казалось, он заново переживает ту сцену.

– Когда я обнаружил ее, вид крови и ее агония напугали меня. Я бросился и выхватил нож у нее из рук. Она не хотела отдавать его… так… так появился длинный надрез после слов «Найти гробницу…». Потом я отвез ее в клинику, чтобы разобраться. По мнению специалистов, она снова пережила сцену своего удушения, даже если не сохранила осознанного воспоминания о нем. Конфабуляция, говоря их терминами, то есть сфабрикованное воспоминание.

Люси подошла к «макинтошу» последней модели и провела пальцами по хромированной клавиатуре.

– А что означает эта фраза? Она должна быть страшно важной, раз Манон решилась покалечить себя, чтобы быть уверенной, что никогда ее не забудет.

– Вам это покажется удивительным, но ни Манон, ни я этого не знаем. Когда я прервал ее, она совершенно потеряла нить своих размышлений. Самым неотложным было позаботиться о ней, и я тут же отвез ее в клинику.

Люси вспомнила слова невролога.

– Память тела! – воскликнула она.

– Что за память тела?

– Доктор Ванденбюш рассказал мне о памяти тела. Тот факт, что она заново пережила сцену своего удушения, возможно, пробудил в ней воспоминание о какой-то могиле! Воспоминание, которое она срочно захотела записать на себе! Возможно, какую-то информацию, которую грабитель сообщил ей, когда душил! Важную информацию!

– Вздор! Память тела – это всего лишь теория Ванденбюша, она не была доказана! И какое отношение ко всей этой истории имеет грабитель?

Люси глянула на оловянную брошь и сказала:

– Не знаю… Но если бы речь не шла о памяти тела, я полагаю, Манон должна была бы сделать какие-то записи, касающиеся этой могилы… Вписать свои соображения в «N-Tech» или зафиксировать на компьютере…

Поджав губы, Фредерик отрицательно покачал головой:

– Увы. Мы так никогда ничего и не нашли, а должен вам признаться, мы искали. Тогда у Манон еще не было ее аппарата, и она не умела использовать потенциал запоминания при помощи повторения. Она попросту исписывала груду бумаги, оставляла тонны и тонны тетрадок со своими соображениями, которые потом перепечатывала на компьютере. Так что совершенно невозможно установить порядок важности ее записей, отличить самое необходимое от бросового. А их столько!

– Выходит, вырезая эту фразу на своем теле, Манон хотела придать ей важность номер один. Но к несчастью, вы вмешались именно в тот момент, в ту самую секунду…

– В вашем тоне я слышу какую-то иронию.

Люси подняла голову от блокнота:

– Расскажите мне про «MemoryNode».

Фредерик бросил взгляд на часы. Он выпрямился, застегнул чемодан и пошел налить себе виски.

– Выпьете стаканчик? В конечном итоге у меня еще есть время. До вокзала всего двадцать минут ходьбы.

– При исполнении – никогда, спасибо.

– В таком случае, черт побери, когда вы не при исполнении? Прошлую ночь вы провели, бегая по грязи, ваша… бровь сильно изуродована, вам бы следовало отдыхать, а вы еще вечером пришли меня допрашивать! – Голос его заметно смягчился. Он добавил: – Без грязи вы, пожалуй, не такая… простушка.

– Ну да, простушка…

Люси предпочла бы не краснеть. Она прокашлялась и тут же продолжила опрос:

– Так что насчет «MemoryNode»?

От глотка янтарной жидкости напряжение Фредерика окончательно исчезло.

– Это программа, предназначенная для больных, страдающих потерей антероградной памяти. Она основана на процедурной памяти, которая почти всегда остается функциональной.

– Это та, что позволяет заучить жесты, автоматические движения, верно?

– Вижу, вы быстро вникаете.

– С вашей сестрой у меня нет другого выхода. Она невероятная женщина.

Он согласно кивнул:

– Благодаря этой процедурной памяти, Манон смогла использовать «N-

Tech», разработанный специально для больных, страдающих амнезией, с функциями и программами, заметно упрощающими им повседневную жизнь. Прибор не ходит вместо них за покупками, но подсказывает, что они должны купить и когда. Кроме технологии, существует второй аспект, и, очевидно, наиболее важный, который «MemoryNode» широко развивает: восстанавливаемость мозга.

– То есть?

– Мозг, лейтенант, находится в постоянном развитии, он непрерывно движется, секунда за секундой, реорганизуется, создает и уничтожает соединения, подобно действующей центральной станции. Для восполнения дефицита некоторых функций он обладает этой невообразимой способностью использовать и дополнительно развивать другие, не затронутые болезнью зоны. Моя сестра могла бы бесконечно рассказывать вам о Дэниеле Таммете, ученом-математике, аутисте, способном в уме перемножать гигантские числа, не считая их, а ассоциируя с каждой цифрой определенный звук, образ или цвет, идущий из зрительной зоны его мозга. Когда он перемножает два образа, у него возникает третий, дающий ему ответ на действие. Подобный образ функционирования мозга выходит за границы нашего воображения.

– Вы здорово в этом разбираетесь.

– Мне хотелось понять, чем страдает моя сестра, как она будет меняться с возрастом, что с ней случится в будущем. Все было так расплывчато, так непонятно. Вы и представить себе не можете, каких усилий мне это стоило.

Он элегантным жестом поднес к губам стакан с виски.

– Благодаря упражнениям, стимуляции, мониторингу, осуществляемому профессором Ванденбюшем, полностью атрофированные гиппокампы моей сестры – особенно левый – слегка увеличились в размерах и приобрели определенную эластичность, работая в сохранных смежных участках мозга. Ненамного, разумеется, но достаточно для того, чтобы канал между ее рабочей и долгосрочной памятью приоткрылся. Но канал этот слишком узок и быстро забивается, как горлышко песочных часов. Именно поэтому Манон приходится сортировать то, что она хочет выучить, и повторять это десятки и десятки раз.

– Да, я видела, как она это делает.

– Благодаря «MemoryNode» она хотя бы создает себе минимум прошлого, оставляет на песке, по которому идет, хоть какой-то след. Достаточно глубокий, чтобы у нее возникло впечатление, что она живет…

Но вот что мне не нравится в программе, так это то, что они воспользовались моей сестрой, чтобы сделать себе рекламу. Это… недопустимо!

Он снова глотнул виски. До отъезда еще час. Рядом с этой молодой женщиной секунды, казалось, растягиваются.

– Присядьте, пожалуйста, лейтенант. Прошу вас.

Она едва заметно кивнула. Чертовски соблазнительна.

– Так странно называть вас лейтенантом. Мне легче представить вас гольфисткой.

Усаживаясь в удобное кресло, Люси расхохоталась:

– Такое мне говорят впервые! А как выглядит гольфистка?

– Изящная, стройная, взгляд устремлен вперед. Пламя сосредоточенности в глубине глаз…

– Кстати, мы с вами играем не на одном поле, не на одной *fairway*[27]. Возвращаясь к Манон…

– Возвращаясь к Манон, – со вздохом повторил он.

Люси зажала ладони между коленями.

– Значит, если я вас правильно понимаю, она учится использовать аппарат «N-Tech» и благодаря «MemoryNode» запоминать, путем повторения и развития мозговой пластичности. И не чувствует больше необходимости увечить себя, потому что все проходит через ее «N-Tech», который гарантирует ей подлинность этих данных? Точно?

– Точно.

– Имеете ли вы доступ к содержимому ее прибора?

– Нет, и я думаю, вам это уже известно. Манон защищает его паролем, который часто меняет. Она – опытный математик и умеет обезопасить информацию и сделать ее недоступной. В любом случае, когда она хочет защитить какие-то данные, она их шифрует.

– А как ей удается запомнить пароль?

– У нее есть сейф, он находится в *panic room*, там она…

– Где?

– Убежище. Комната, которую она превратила в бункер, она там прячется, когда плохо себя чувствует, когда… преследует Профессора. Короче говоря, в этой комнате находятся тысячи ее записей, компьютер, телефон, а главное – сейф. В нем хранится список паролей, которые она регулярно меняет и заучивает.

– А как же она открывает свой сейф?

– При помощи секретного кода.

– Эта штука похитрее загадки про курицу и яйцо. Код, дающий доступ

к другим кодам. А вы знаете эти пароли?

– Ни одного.

– Почему? Она что, вам не доверяет?

– Дело тут не в доверии, это касается ее жизни, ее личной жизни. Если бы это было возможно, разве вы дали бы мне ключ от ваших мыслей? От ваших интимных тайн, от ваших фантазий?

Люси поджала губы. Фредерик с улыбкой продолжал:

– Молчите… Хмм… Я заметил, что вы многое держите в себе, какие-то сокровища, которые не хотите раскрывать… Это представляет собой часть равновесия каждого из нас. Так что, согласитесь, вполне логично, что Манон защищается, даже по отношению к собственному брату.

– И все же в определенный момент она наделила вас правом «написать» новое послание на ее теле. Это «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». А ведь там тоже шла речь о ее личной жизни. В клинике я совсем недолго видела вас вместе, но почувствовала, что она как будто испытывает к вам некоторое недоверие. Что же могло измениться?

Фредерик глубоко вздохнул:

– Ничего. Манон утратила способность ощущать искреннее доверие. Достаточно мне рассердиться на нее, как она тут же записывает в своем «N-Tech»: «Не доверять больше Фредерику». Или даже: «Фредерик желает мне зла».

Люси не заметила ни малейшего трепета, ни малейшего изменения в его голосе. Он продолжал:

– Манон должна записывать все: что ей нравится, а главное – что не нравится. В прошлом году мы с ней ходили на выставку современного художника Диригена. И теперь у нее в приборе вы можете прочесть: «Ненавижу Диригена». Она ненавидит его, но не знает, что ненавидит. И если она ничего не запишет, то вернется на эту выставку один, два, десять раз и испытает то же разочарование. Понимаете? И еще: даже если ей придет в голову справиться в «N-Tech», она должна будет сообразить также заглянуть в соответствующее меню, чтобы убедиться, записана ли там данная информация. В этом серьезная проблема прибора: человек не знает, что он хранит в нем, и если хранит, то почему. Это как если бы вы где-нибудь у себя на теле поставили крестик, чтобы вернуть другу книгу, а вечером у себя дома должны были бы не только вспомнить, что нужно посмотреть на этот крестик, но вдобавок еще и понять, что он означает! В конечном счете этот крестик может оказаться абсолютно бесполезным.

Он пожал плечами:

– Манон теперь целиком зависит от своего приборчика. Она

испытывает только искусственные чувства, которые сама же фабрикует при помощи нелепых замечаний под фотографией. Она превратилась в настоящую жертву технологий.

– Как и все мы, – вздохнула Люси.

Она вспомнила слова, написанные в «N-Tech» под фотографией Тюрена: «Никогда больше не работать с этим извращенцем». И то, как Манон охарактеризовала ее по одному лишь ощущению: «Надежность. Суровость. Увлеченность». Всего три слова. Довольно посредственное, совершенно безликое представление о ее личности.

– А расскажите-ка мне о том послании, что вы вырезали на ее животе: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов».

Откинувшись назад, Фредерик почти утонул в глубоком кресле. Все-таки очень красивый мужчина…

– Чудовищная история. Это произошло в самом начале существования «MemoryNode», в 2005 году. Манон только училась обращаться с аппаратом «N-Tech», она принципиально пользовалась компьютером и клеящимися бумажками, которые до сих пор лепит на стены своего кабинета. Помните ту страшную грозу, которая тогда случилась? Вроде вчерашней, когда срывало крыши?

– О, разумеется, помню. Мама рассказывала, что в Дюнкерке ветром перевернуло суда, стоявшие в порту, молния ударила в дозорную башню.

– Здесь тоже было нечто подобное. Молния попала в антенну на нашей крыше. В дом влетел огненный шар. Он вращался здесь больше минуты, опустошая все на своем пути.

Фредерик поднялся и поискал в ящике старый выпуск ежедневной газеты «Голос Севера». В нем в подробностях был описан этот эпизод и даже приведены фотографии их разоренного дома.

– Мы никогда в жизни такого не видели! Все едва не сгорело, стекла в окнах полопались. Дождь и ветер разгуливали по всему дому. Все электроприборы перегорели! Слава богу, пожарные в последний момент успели предотвратить катастрофу.

Прежде чем высказать свое предположение, Люси скорчила скорбную гримасу:

– И разумеется, компьютер Манон сгорел.

– Хуже. Три четверти бумажек из ее кабинета унеслись с порывами ветра или сгорели. Остальное промокло и не подлежало восстановлению. Проникнув в квартиру сестры, я обнаружил ее забившейся в угол, дрожащей, с мятым клочком бумаги в руке. Там было написано: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». Манон в страхе

скрючилась, свернулась клубком, словно защищала своим телом какое-то сокровище! Вы бы ее видели! В руке у нее был скальпель, она снова собиралась исполосовать себя. Я уверен, она обнаружила какие-то детали, связанные с Профессором. Я понял, что ничто не помешает ей записать эту фразу на своем теле… и, когда она попросила меня сделать это, я… я ей помог… Я сам искалечил ее… Собственными руками…

– Вы бы могли вырвать бумагу и скальпель из ее рук и отвлечь ее, чтобы она забыла!

– Верно. Но я просто выполнил ее волю. Возможно, она напала на след, который приближал ее к Профессору. Ей было необходимо, чтобы это послание существовало, и существовало в надежном месте… На надежном носителе…

– Странная история… Признаюсь, мне с трудом верится.

– И все же это правда. К чему мне вам лгать? Никакого смысла. Я готов на все ради сестры. И ради того, чтобы поймать негодяя, убившего Карину и всех остальных невинных людей.

Люси сложила газету и вернула ее Фредерику. В его словах она почувствовала искренность, и ей пришлось признать, что он ее тронул. В конце концов, что она знала о горе? Потерять сестру, мать и остаться с другой сестрой, неспособной вырваться из настоящего…

Она указала на экран компьютера, где плясал сложный график:

– Если не ошибаюсь, вы тоже изучали математику?

Фредерик плеснул себе виски.

– Как все в нашей семье. Моя сестра посвятила ей свою молодость. А вот я действительно, получив аттестат зрелости, четыре года изучал эту дисциплину, скорей со страстью, нежели со здравым смыслом, так что забросил все остальные предметы и сосредоточился только на этой науке четкости и совершенства. Увы, знаете, чтобы «преуспеть», лучше быть везде средним, даже в тех дисциплинах, которые проходят мимо вас. Вы должны следовать по рельсам, проложенным другими.

Он на несколько секунд умолк, словно погрузился в свое прошлое.

– С моей неуверенностью относительно других предметов и самой системой образования, которая была мне отвратительна, я был…

– Изгнан?

– Скажем, отстранен. «Изгнан» – как-то немного… унизительно… и может ранить мое самолюбие.

– Но результат-то один.

Фредерик проглотил ее замечание.

– Тем не менее сегодня я добился того, чего добился, даже без

диплома. Должен признаться вам в моем горьком разочаровании во французской системе образования, но бог с ней, это тема другого разговора. К тому же в конечном счете фирмой управляют без помощи уравнений. Я забросил математику, я ее… забыл…

В его словах Люси послышалось сожаление.

– Я безмерно восхищаюсь Манон. Ее… карьерой. Мне бы хотелось приблизиться к математике, лелеять ее так же долго, так же мощно, как это делала она. Но теперь все в прошлом. Все предано забвению. Вот так-то.

– А ваша старшая сестра? Карина, вы восхищались ею так же, как Манон?

– Не стану скрывать, у нас были серьезные разногласия по поводу направления работы нашего предприятия. Разделять власть нелегко. Карина была настоящая черная вдова, жаждущая утоления своих амбиций. Она без колебаний давила каблуком тех, кто вставал на ее пути.

– Вас послушать, вы не испытывали к ней нежных чувств.

– Не совсем так. Я ненавижу, когда мне диктуют, как себя вести, управляют моим выбором.

Он взболтнул виски в стакане и посмотрел, как по стенкам стекают янтарные слезы.

– Я ненавидел Карину и никогда ни от кого этого не скрывал. И все же ее смерть стала страшным ударом для всех нас. Можете думать что угодно, но я очень страдал.

Он отвечал живо и казался совершенно откровенным. Люси воспользовалась этим и продолжала в том же направлении. Она нащупывала границы.

– И что же, можно предположить, что после смерти сестры вы завладели ее долей и стали стопроцентным владельцем семейного бизнеса? Должно быть, это очень приличная сумма?

– Разумеется. Это позволило мне забросить все, чтобы заняться Манон, купить этот дом, а уж потом в поте лица создавать новую фирму. Вы видите в этом какую-то проблему?

– Вовсе нет…

Люси хотелось бы ответить с большей уверенностью. Она осознавала, как сильно он ее волнует. Следует взять себя в руки, не дать себя загипнотизировать.

– Ах да, вот еще что… Относительно хода вчерашних событий…

– Послушайте, я…

– Когда утром в 9:10 вы расстались с Манон, вы сразу отправились на работу?

– Да, я вам уже говорил об этом в клинике. Я пришел в офис в 9:30. Ваш Тюрен задал мне тот же самый вопрос. Успокойте меня, вы же не подозреваете меня в похищении собственной сестры?

– Нет-нет, просто мои коллеги в обязательном порядке должны досконально изучить расписание окружения жертв.

– А, понятно.

– Затем, по словам ваших сотрудников, вы отсутствовали с… 11:50 и снова появились в 14:10… Верно?

– Верно. Я ходил обедать, а потом за покупками, как обычно во вторник днем. В этот день в больших магазинах всегда мало народу. Потом, сидя в машине, я долго разговаривал по телефону с коммерческим директором «Эйр Франс». Больше получаса. Можете проверить.

– Почему сидя в машине?

– Потому что я находился там, когда он позвонил, вот и все.

– Где вы обедали?

– В торговом центре V2, в Вильнев-д’Аск. Сэндвич.

– Хорошо, сэндвич. А как вы оплачивали покупки?

– Наличными.

– Ну естественно… Выходит, никто не может подтвердить вашего присутствия там?

Фредерик взглянул на часы и поднялся. Вид у него был несколько раздосадованный.

– Извините меня, лейтенант, мне пора выходить.

– Я не закончила.

– Послушайте… Я возвращаюсь завтра вечером. Я знаю прекрасный ресторан возле бельгийской границы. Там подают потрясающий карбонад по-фламандски. Мы поговорим про Манон, и вы зададите мне любые вопросы. Я расскажу вам обо всем, что купил, укажу точное место, где ел сэндвич, и местоположение парковки, где состоялся мой телефонный разговор. Годится?

Люси не могла скрыть искорку, сверкнувшую в ее глазах. Она тоже поднялась:

– А вы решительны. Что же касается ужина, тут может возникнуть проблема: у меня четырехлетние близнецы, и…

– Не прикрывайтесь своими дочками, чтобы отказаться. Вы же как-то устроились прошлой ночью, правда? Ну, расслабьтесь немного, Люси…

Люси… Он назвал ее Люси…

– Жду вашего звонка. Потому что, полагаю, вы знаете номер моего мобильника?

– Это моя работа, – обрадовавшись в глубине души, возразила она.

– А, ну да… Работа…

Он проводил ее до двери. В коридоре Люси указала на лежащую вдоль стены стремянку и спросила:

– А давно ли вы начали ремонт?

Удивленный Фредерик высунулся в коридор:

– Около полугода назад. А что?

– Нет, ничего. Просто так… До скорого…

– До завтра…

Поднимаясь по узким улочкам, Люси не могла избавиться от воспоминания об этом неистовом взгляде, этих завораживающих флюидах, этом сильном и надежном мужском присутствии. Свидание… В ресторане… С дьявольски красивым парнем.

Невероятно.

Странно, но в то же время она вспомнила Манон. Ее лицо. Интонации ее голоса. Ее загадочные шрамы.

Фредерик… Сосредоточиться на Фредерике. Зрелом и умном.

Чтобы почувствовать себя на седьмом небе, Люси недоставало самой малости. Проверить бы парочку мелких деталей.

Во-первых, ремонт, начатый в квартире полгода назад. По дате приблизительно совпадает со временем, когда ископаемое было отколото от скалы. «Найти зубило, чтобы идентифицировать убийцу», – сказал Пьер Боловски. Местного убийцу, из окружения Манон. Убийцу, сильного в математике. Как Фредерик. Простое совпадение? Да, наверняка.

Далее, его расписание. Фредерик последним видел Манон, как он утверждает, в 9:10. Но вполне возможно, что раньше. За час, два или три до этого времени, например, что позволило бы ему увезти Манон в Рем, а потом преспокойно явиться на работу. С другой стороны, он довольно долго отсутствовал днем. Люси проверит телефонный разговор с коммерческим директором, но Фредерик превосходно организован, он мог бы успеть убить Дюбрей и вернуться в офис. Единственная загвоздка заключалась в том, что, по словам сотрудников, вернувшись, Фредерик до часу ночи больше не покидал своего кабинета. В таком случае как он мог около девяти вечера освободить Манон? Или же… Он придумал что-то, что позволило ей освободиться самостоятельно? Усыпил ее каким-то веществом, чтобы она проснулась именно к этому часу? Нет, невозможно… Токсикологические анализы ничего не выявили. Никаких наркотиков в крови…

Люси посмеялась над своими подозрениями. Фредерик и глазом не

моргнув ответил на ее нападки. К тому же, что касается убийства его сестры, у него железное алиби – конференция в Штатах, – и он ничем не похож на психологический портрет Профессора. Тот, по словам Тюрена, тип асоциальный, фрустрированный, часто перемещающийся, с комплексом неполноценности. Фредерик его полная противоположность. Даже немного излишне самонадеянный.

Да, конечно, он левша. Как и Ванденбюш, как и миллионы других. Кстати, он же сам сказал: зачем ему похищать собственную сестру? Чтобы привлечь к себе внимание? В этом нет никакого смысла.

Усаживаясь в машину, Люси укорила себя за упрямство, так свойственное северянам. Потому что сознание приказывало ей вернуться и проверить… Насчет зубила… Для очистки совести…

Красавчик Фредерик скоро отлучится. Тогда достаточно будет только вернуться в тупик и отпереть отмычкой двери квартир, в которых идет ремонт.

Просто чтобы глянуть внутрь. А завтра со спокойной душой явиться на любовное свидание. Первое свидание с мужчиной после ее приезда в Лилль. После перехода через пустыню длиной в нескончаемые три года.

25

Возвращаясь в тот вечер домой, Люси на лестнице столкнулась с группой живущих по соседству студентов. Она поздоровалась. Никакого ответа. Они отводили глаза, поворачивались спиной, бормотали что-то нечленораздельное. Люси остановилась возле своей двери, слегка повернув голову в их сторону:

– У вас проблемы?

– Нет, мадам. Все путем…

Входя в квартиру, Люси явственно различила слово «ведьма». Оно словно бы отлетало от стен и металось между ними, как эхо. Молодая женщина резко обернулась:

– Кто это сказал?

Казалось, они удивлены.

– Что именно, мэм?

– *Кто это сказал?*

Они молча, с недоумением смотрели на нее. Она что, сходит с ума? Мало того что здоровье никуда, так теперь она еще и голоса слышит… Не сказав больше ни слова и опустив голову, Люси закрыла за собой дверь.

Ее дом. Две смежные спальни. Ни садика, ни балкона, одни бетонные стены. Прощайте, дюны за окном, как это было в добрые старые времена. Только смертельно тоскливая длинная асфальтированная дорога. Без ее малышек все кажется таким монотонным. К счастью, они есть и украшают ее жизнь. Видя, как они растут, она чувствовала прилив радости.

Едва она бросила ключи на низкий столик, как привычный рефлекс привлек ее глаза к экрану. «Meet4Love». Сообщение! Какой-то Натанаэль, новый электронный незнакомец. Хорошо пишет. Он характеризовал себя как нежного, внимательного – все они такие, – воспитывает сына шести лет, фотографию которого поместил вместо своей. Ну что же, довольно оригинально. Мальчишка – ну просто симпатяга. Брюнет, в глубине глаз скрыта таинственная мгла Востока. Интересно, отец обладает таким же шармом? Ну что же, попробуем, почему бы и нет?

Она оставила компьютер и пошла в спальню, чтобы переодеться во что-то более подходящее для мира теней. Черные вельветовые брюки и тонкий черный свитер. Вот-вот вернется Мод с девочками. По телефону они наметили новый план. Молодая няня поможет ей уложить малышек, потом останется на ужин и отпустит Люси быстренько смотаться в тупик

Вашэ. Тайная прогулка. И речи быть не может, чтобы информировать руководство. Проникновение в квартиру без ордера могло бы стоить ей карьеры. И даже больше…

Люси присела на кровать, обхватив голову руками. Еще один утомительный, даже чудовищный день. Вскрытие, фотографии трупов, полицейские разговоры и суматошные ночи впереди… Она дотронулась до сложенных под кроватью триллеров, вытащила один из них, «Звериная душа»[28]. Не лучшее чтение для матери двоих детей. Ей бы чего-нибудь повеселее. К чему вечно стремиться к крови, ужасам, мрачным описаниям?

Чувствовать мрак в себе. Хуже, чем болезнь. Она так от этого страдала.

Люси отбросила книгу в сторону. Нет, у нее нет с ними ничего общего! Эти безумцы бродят по пустынным дорогам и лесам в поисках очередных жертв. Это люди, пришедшие на Землю, чтобы причинять вред, разрушать, убивать. Она другая! Совсем другая! И все же…

Столько душевных страданий из-за ее… шкафа. Точнее, его содержимого.

Химера, ненасытная, одуряющая, разрушительная.

Вот куда завело ее детское любопытство. Последствия? Изуродованная жизнь подростка. До того, как началась жизнь чувств. А короче – до начала жизни. Если бы только можно было все стереть. Нажать на мозг в каком-то определенном месте – на гиппокампы, мозжечковые миндалины, что-то в этом роде – и переключиться на другую программу. Должно быть, пребывать в мире забвения иногда так приятно. В каком-то смысле Манон повезло. Больше никаких тревог…

Поддавшись меланхолическому настроению, Люси подошла к шкафу с тонированными стеклами. Из-за Химеры она потеряла Поля. Потом Пьера. Лейтенант с огненно-рыжей шевелюрой уверял, что не из-за этого, но… в глубине души она знала, что это повлияло на его отъезд в Марсель… наверное, он решил, что она отмороженная, если хранит содержимое своего шкафа, не способна избавиться от него, несмотря на многократные предупреждения. Неужели она и впредь будет терять тех, с кем сведет ее судьба? Почему бы не сжечь навсегда эти гнусности? Перерезать пуповину, надеть траур – и забыть… Это так просто.

Но нет… Шрамы никогда не исчезают… Они до конца навязчиво напоминают о себе. И пример Манон должен ей об этом напоминать. Тем более что ее-то шрамы на виду…

И снова, следуя незыблемому ритуалу, какая-то внутренняя сила толкнула ее разбередить свое горе.

Люси схватила кожаную сумочку и расстегнула ее.

Внезапно ее пальцы крепко сжали ключ.

Ей это не снится. Ключик положен иначе, головкой вверх. А ведь Люси всегда кладет его наоборот, головкой вниз. Каждый раз…

Кто-то к нему прикасался.

Энтони.

Люси вспомнила, как он отводил глаза, как поспешно сбежал, когда она вернулась домой. Потом еще эти шушуканья студентов… Ведьма…

Она бросилась на лестницу, раздавленная, изнемогая от отвращения. Следующий этаж. Она принялась колотить в дверь. Энтони открыл ей в одних трусах, голый до пояса. Люси втолкнула его в квартиру и ногой захлопнула за собой дверь.

– Ты рылся, да? Ты рылся в моих вещах! Ты открывал шкаф у меня в спальне!

Она изо всех сил молотила его кулаками в грудь. В конце концов он оказался вплотную прижатым к стене.

– Нет… Нет, это неправда… – бормотал он. – Я…

– И разболтал всем на свете! Черт побери! Но… Что на тебя нашло?

Энтони почти лишился чувств.

– Какое ты имел право… – продолжала готовая разрыдаться Люси. – Ты не имел права!

– Я… Простите меня… Я…

Люси без сил рухнула на стул. Но через несколько секунд опять вскочила. Голова просто раскалывается. Выходя, она снова накинулась на него:

– Это не то, что ты думаешь… Это…

Она не смогла больше вымолвить ни слова.

И исчезла в коридоре. Совершенно убитая.

26

– С паштетом или с ветчиной?

– С паштетом.

– Надоело здесь торчать! Когда они придут?

– Не раньше двух ночи.

– А сейчас еще нет десяти вечера… Вот черт!

Оливье откусил кусок сэндвича с ветчиной и настроил автомобильный радиоприемник на станцию «France Bleu Nord». Там говорили о вчерашней грозе, о том, что из Бретани надвигается новый, еще более разрушительный грозовой фронт, о президентских выборах, передавали кучу другой информации, которую он не слушал. Пустая болтовня. Лучше бы сидеть дома с женой и дочкой, чем торчать на дежурстве перед домом Муане в этом дрянном «Пежо-306».

Они вздрогнули, когда кто-то ударил кулаком по стеклу.

Какой-то неизвестно откуда взявшийся тип барабанил в окно:

– Из… извините меня!

Человек задыхался и постоянно озирался. Лоб у него был совершенно мокрый. В столь поздний час никто не шатался по этой темной и ничем не привлекательной улице Старого Лилля. Не особенно раздумывая, Оливье опустил стекло и нахмурился. Шарли, его напарник, выглянул у него из-за плеча, положив руку на перевязь. Но не на пистолет. Большая ошибка.

Краснохвостая стрела с тихим шипением пронеслась по салону и впилась прямо в сонную артерию Шарли. Оливье не успел отреагировать. Ни крикнуть, ни попытаться защититься. Вторая игла воткнулась ему в горло и мгновенно погрузила его в глубокий сон.

Ромэн Ардэр перевел дыхание и вытер лоб большим носовым платком. Отличная мысль – пробежать четыреста или пятьсот метров, чтобы выглядеть выдохшимся, отвлечь внимание полицейских, а заодно и ослабить их бдительность. Он мог бы убить их, но зачем? Они его не интересовали. Мощный анестетик вызовет легкую амнезию. Они ни о чем не вспомнят. Как будто просто уснули.

Предусмотрительно собрав свои стрелки, подняв стекло и закрыв дверцы, Ардэр поглубже натянул шапку, надел кожаные перчатки, поправил рюкзак и проверил у себя на поясе пистолет для подкожных впрыскиваний. Далекий уличный фонарь на мгновение выхватил из темноты его профиль. Он огляделся. Ни души, все металлические шторы на фасадах магазинов

опущены.

Он двинулся в тупик Вашэ. Высокие стены напоминали замерших чудовищ, выступы крыш выглядели зловещими персонажами страшных сказок. Темнота поспешно поглотила его черный плащ, шуршащий при ходьбе, как вороньи крылья. В глубине узкого прохода он толкнул дверь, ведущую в коридор между квартирами, и исчез в нем, держа в руке нож со стопором.

Остановившись перед правой дверью и светя себе крошечным фонариком, он прочел: М. М.

Он принялся медленно поворачивать свое оружие, блеск заостренного клинка отражался в его зрачках хищника.

В коридор проник порыв ветра. Холодное дыхание Костлявой.

Он бы по-другому разобрался с потаскухой, но… Необходимо действовать срочно, по наитию, без подготовки. К тому же она на самом-то деле не входила в категорию того, что он особо ценил…

Пройдя через квартиру Фредерика Муане, на этот раз он двинется прямо к цели.

Прощай, М. М. *Good bye*, Манон Муане.

27

Ужин с Мод обернулся полной катастрофой. Люси не удалось выдавить из себя ни слова. Ее одолевали мрачные воспоминания о студентах, об их вытаращенных глазах, их перешептывании. Как далеко разнеслись слухи о ее тайне, которую она так долго хранила? К чему приведет этот выплеск боли?

Свернув на улицу Леонара Данеля, она все еще оставалась в плену своих переживаний. Но вдруг ее взгляд стал тревожным, она одернула темно-синюю куртку.

– Привет, парни, – воскликнула она, постучав по стеклу «Пежо-306». – Не слишком вы…

Люси ощутила, как у нее на шее застучал пульс.

Никакой реакции. Она постучала сильнее, прижалась лбом к стеклу и увидела у одного из них небольшое пятнышко крови – чуть повыше воротника.

Схватившись обеими руками за ручку дверцы и стиснув зубы, она дернула изо всех сил. Безуспешно. Не стоит разбивать стекло. Разумнее не привлекать внимание нападавшего, который, возможно, еще находился поблизости.

Люси обернулась. Тупик. Темное и грозное ущелье. Она вошла в него: ее чувства обострены до предела, мышцы напряжены.

В коридоре Люси нащупала рукоятку «зиг-зауэра» – она приятно холодила ладонь.

В гнетущей тишине Люси пришли на ум картины недавних нападений. Казалось, каждая по́ра ее тела испускает страх. Опять одна. В мозгу молнией пронеслось: мои девочки. Что будет с ними, если с ней что-то случится?

Люси рассердилась на себя за подобные мысли. Сейчас не время! Она была полицейским до мозга костей. И должна действовать.

Позади нее с тяжелым вздохом хлопнула входная дверь.

Внезапно она услышала сдавленные крики. Потом шум борьбы. В квартире Манон.

Люси прижалась к стене рядом с дверью и повернула ручку. Заперто. Приставив ствол пистолета к замку, она выстрелила. Коридор осветился раскаленным порохом.

Внутри звук шагов. Второй предупредительный выстрел.

Люси ногой толкнула дверь. Прижав пистолет к щеке, заглянула в щель.

Манон лежала на полу в гостиной, сдавив пальцами горло, и без конца повторяла одно и то же: «берну-ли». Собака облизывала ее лицо. Рядом валялись «беретта» и раскрытый нож со стопором.

Манон удалось обезоружить нападавшего.

Она рывком села и мгновенно прицелилась в Люси. Глаза ее были налиты кровью, она сплевывала какую-то белую пену. Сейчас выстрелит.

– Я Люси Энебель! – крикнула молодая женщина, поднимая руки. – Вспомните! Люси! Люси!

Палец дрожит на спусковом крючке. Легкого движения, малейшего колебания достаточно, чтобы вылетела пуля и попала прямо в голову лейтенанта.

– Люси Энебель! – повторяла та. – Люси Энебель. Вы же знаете! Вы выучили!

В глазах Манон мелькнул огонек.

– Люси Энебель? Что тут… происходит? Мое… горло… Меня хотели… задушить…

В квартиру ворвался влажный сквозняк. За ним последовал щелчок открываемого окна в конце коридора. Люси бросилась к двери, крикнув Манон:

– Не прикасайтесь к ножу… Отпечатки! Я вернусь!

Тупик. В глубине какой-то силуэт, убегающий вправо, в сторону улицы.

В долю секунды из головы Люси вылетели все мысли. Она побежала, сжимая пальцами свое оружие, приноравливаясь к ритму погони. И слушая свое дыхание.

Узкое место, повороты под немыслимыми углами. Улица Руаяль, потом Негрие. Казалось, Старый Лилль сжимается, подобно мерзкому голодному пауку. Тень снова свернула. Улица Жана Мулена, потом Англетер, мрачная магистраль с магазинчиками, закрытыми стальными ставнями, по обеим ее сторонам. Люси старалась дышать коротко и равномерно. Сердце следовало ритму легких, вены наполнялись кровью, мышцы слушались. Она все прибавляла скорость. Пока болью не напомнила о себе голень.

Люси скривилась, но, подгоняемая злостью и яростью, продолжала преследование. Звук шагов впереди нее манил, придавал смелости. Беглец понемногу начал слабеть. Еще несколько метров, и можно будет остановиться и прицелиться. И ранить.

Невозможно понять, на кого он похож. Просто плащ, шапка, рюкзак, подковки на сапогах цокают по мостовой.

Снова поворот. Вдали двое или трое парней: вжались в стену. Грохот, что-то падает. На углу опрокинутые мусорные баки. Люси не задумываясь прыгнула, но, когда приземлилась, ее словно ударило молнией. Боль пронзила ногу до колена. И вынудила остановиться.

Она взвыла, обхватив напрягшуюся мышцу и устремив взгляд в сторону человека, уже исчезающего во мраке холодной лилльской ночи. Несмотря на пылающую ногу, Люси сделала еще несколько шагов. Тщетно.

– Вот дерьмо! – прокричала она в темноту. – Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Вне себя она повернула назад. Опять неудача. Определенно все сорвалось.

Она с трудом дохромала до тупика.

И вдруг возле полицейской машины возникло какое-то видение, галлюцинация.

Чей-то силуэт, склонившийся к окошку «Пежо-306». Похож на душителя.

Люси бросилась вперед и прижала ствол пистолета к затылку какого-то шатена:

– Не двигаться!

Тот поднял руки и медленно развернулся. Люси крепче обхватила рукоятку:

– Тюрен? Не может быть!

Парижский лейтенант в черной косухе… Она опустила свой «зиг». Позади нее разлетелись во все стороны осколки автомобильного стекла.

– Это еще что за бардак? – суровым тоном спросил он.

Люси нахмурилась, заметив на его левой ладони глубокую рану.

– Уже больше двадцати двух часов. Что вы здесь забыли?

– А вы?

Она бросила взгляд на его обувь. Сапоги.

– У вас лоб в испарине, – констатировала она. – Вы бежали?

– Я пешком добирался из отеля. Сделал два километра… С сигаретой… Это никак не канает…

– Повторяю свой вопрос. Что вы здесь забыли?

– Надо кое-что спросить у Манон… О ее брате… А вы?

– И мне…

Они несколько минут, стиснув зубы, мерили друг друга взглядами. Люси первая прервала молчание и указала на «пежо»:

– Как они?

– На первый взгляд просто уснули. Я вызвал подкрепление.

– Я только что преследовала типа, который попытался задушить Манон.

Тюрен вытаращил глаза. Люси не оставила ему времени для ответа:

– Ну да, удушение, тот же сценарий, что и три года назад. Я абсолютно убеждена, что преступник вернулся, чтобы исправить свою ошибку.

Люси укоризненно посмотрела на Тюрена:

– И вы по-прежнему станете утверждать, что тогдашнее ограбление было простым совпадением? Что оно никак не связано со всей этой историей?

Она развернулась и направилась в тупик. Тюрен последовал за ней.

– Вы хромаете, Энебель. Что-то не в порядке?

– Нет, все в порядке! А у вас? Что с рукой?

– Ничего серьезного. Просто порезался.

Они вошли в коридор. Потом в квартиру Манон. В гостиной никого.

– Манон?

Никакого ответа. Тюрен прижал указательный палец к губам, достал оружие и двинулся в кухню. Пусто.

Они дошли до конца коридора. Металлическая дверь. *Panic room*.

– Манон! – крикнула Люси, барабаня по стальной плите.

Тишина. Они бросились в спальню.

– Где же она, черт возьми?

Они обнаружили ее в ванной. Неподвижно лежащей на полу.

С «береттой» и ножом, валявшимися между ногами.

В рубашке, испачканной кровью.

28

Обмотав руку носовым платком, Люси взяла ствол, нож и положила их на край раковины. Манон лежала, скорчившись и прижав к груди махровое полотенце. Сидя на стуле, Тюрен взглядом обследовал место преступления.

– «Скорая» и подкрепление сейчас прибудут… – сказала Люси. – Манон, в конце концов вы убьете себя, если не перестанете вот так калечиться! Что вы записали на этот раз? Снова что-то невразумительное? Дайте мне хотя бы посмотреть вашу рану. Вам надо помочь!

– Нет! Я же вам сказала! Не подходите ко мне!

Вдруг она уставилась на парижского лейтенанта и в ужасе спросила:

– Эрве? Что ты здесь делаешь? Как ты вошел?

Ее глаза отмечали каждую деталь. Силиконовые перчатки, щетки, флаконы, расставленные в том порядке, который показался ей знакомым. Так это же ее ванная комната! Ее квартира! Вжавшись в кафельную стену, она внимательно разглядывала полицейского и вдруг бросила ему:

– Я больше не хочу тебя видеть! Никогда! Разве я неясно выразилась в последний раз?

– Честное слово, у тебя странное понятие времени, – развязным тоном ответил Тюрен. – Последний раз был больше трех лет назад… Да еще в четырех сотнях километров отсюда. Я тоже рад тебя видеть, хотя и при довольно-таки гнусных обстоятельствах.

Гнев, отчаяние, страх… Манон была на грани нервного срыва. Как всякий раз, когда она находилась в непонятной ситуации, которую ей не удавалось осознать. Она еще сильнее съежилась и обратилась к Люси:

– А вы кто такая? Его нынешняя подружка?

И вдруг с бессильным криком принялась рвать на себе волосы и закричала:

– Да что же здесь происходит? Ответьте мне! Прошу вас! Скажите!

Тюрен поднялся и подошел к ней:

– Давай-ка успокойся.

Манон дышала так прерывисто, что становилось страшно.

– Успокоиться? Мне успокоиться? Я прихожу в себя и вижу, что вся в крови, рядом валяются пистолет и нож! Я даже не знаю ни какой сегодня день, ни почему я здесь нахожусь! А ты хочешь, чтобы я успокоилась?

Он протянул к ней руки. Она испуганно прикрылась полотенцем. Люси сразу же вспомнила Михаэля, страдающего болезнью Корсакова. Тот

эпизод с булавкой, память тела. Совершенно очевидно, Манон остерегается его.

– Это Люси Энебель, – пояснил Тюрен. – Она лейтенант полиции и хочет тебе помочь. Она вместе со мной расследует…

– Люси Энебель?

Казалось, к Манон возвращаются силы.

– Профессор! Мое похищение! Смерть Дюбрей! Да, кажется, вспомнила! Да-да! Я… Я вспоминаю…

Тюрен оперся о край раковины.

– Кто-то только что пытался тебя убить. И этот кто-то, чтобы добраться до тебя, не задумываясь, вывел из строя двух полицейских, дежуривших у дома.

Манон мгновенно впала в панику:

– Фредериииик!

Люси присела возле нее и подсунула свою руку ей под голову. Манон, бессознательно испытывая недоверие, хотела было оттолкнуть ее, но потом передумала, словно в глубине души узнала это знакомое тепло.

– С вашим братом все в порядке, не волнуйтесь. Он уехал в Париж задолго до всей этой кутерьмы. У него завтра утром деловая встреча.

Молодой женщине все не удавалось успокоиться. Она принялась озираться вокруг себя.

– Ваш «N-Tech» в гостиной, – спокойно продолжала Люси, – и мобильный телефон тоже. Похоже, все работает, не волнуйтесь.

Манон посмотрела на нее умоляющим взглядом, который Люси теперь уже прекрасно знала.

– Дайте его мне! Пожалуйста!

Тюрен исчез и тут же вернулся с прибором. Она выхватила аппарат у него из рук, даже не подняв головы, прикрыв клавиатуру рукой, ввела пароль и включила функцию «Запись».

– Повторите! Повторите еще раз, что произошло! Пожалуйста, повторите!

Люси повиновалась. Пренебречь бедой этой хрупкой девушки, вспомнить о своей собственной… Ей пришлось взять себя в руки, чтобы не выдать волнения. Люси хотелось вернуться домой, обнять дочурок, почувствовать себя счастливой. Сжечь все хранящиеся в шкафу с тонированными стеклами документы, статьи, книги. Через два дня у нее день рождения… Она все уничтожит…

Когда Люси закончила свое краткое сообщение, раздался мягкий голос Тюрена:

– Днем я навел справки. Ты ходила на курсы в стрелковый клуб в Вильнев-д’Аск. Зачем?

Манон широко раскрыла глаза:

– Что? Курсы стрельбы?

Тюрен вздохнул:

– А эта «беретта» со спиленным серийным номером! Откуда она?

– У меня? «Беретта»? Ты сошел с ума? Ты только что сказал, что на меня напали! Это не моя…

Тюрен ткнул указательным пальцем в уголок кожаной кобуры, торчащий из-под махрового полотенца:

– Кобура сама оказалась у тебя на боку?

– Ничего не понимаю! Я не знала, что умею этим пользоваться! Ты должен мне верить! И вы, мадам! Вы тоже должны мне верить!

Тюрен сделал шаг вперед, но Люси встала между ними и шепнула:

– Откуда вы знаете про курсы стрельбы?

– Вы думаете, я зря терял время? Ее чеки…

– Ее чеки? По какому праву вы проверяли ее банковские счета?

– Она не способна сказать нам, что произошло пять минут назад, поэтому пришлось самому произвести эти изыскания, вместо нее.

Он отступил, подошел к Манон и, возвышаясь над ней во весь свой рост, продолжил словесную атаку:

– Полгода назад ты также записалась в клуб самообороны. Ты посещала его четыре раза в неделю, а потом, месяц назад, все прекратила! Четыре раза в неделю, и вдруг все! – Он присел на корточки, чтобы его лицо оказалось рядом с ней. – Сегодня на тебя напали, и странным образом ты отбилась, да еще и разоружила противника. Разумеется, благодаря этим курсам. Ты даже попыталась пристрелить его из своей пушки. Как будто тебя готовили, создали программу, в которой все это было предусмотрено. Твой замечательный покровитель даже снабдил тебя оружием! Расскажи нам то, чего мы не знаем.

Чуть не плача, Манон стала отрицательно качать головой:

– Не помню! Я ничего не помню!

Тюрен, разозлившись, резко выдохнул:

– Но ты могла бы выучить, что ходила на курсы! Ты могла бы выучить, что именно ты там штудировала! Должны же эти занятия быть зафиксированы где-то в твоем чертовом органайзере!

Манон провела раскрытой ладонью перед своим лицом, медленно сжала руку в кулак и принялась резко вращать им. И тут она осознала силу своего удара, ощутила, что владеет мастерством боя. Это казалось

невероятным, но она умела драться.

Удивительно быстрыми и точными, несмотря на свою нервозность, движениями она принялась искать в своем «N-Tech». Тюрен и Люси подошли поближе. У них на глазах девушка возвращалась на недели назад, в деталях просматривала каждый прожитый день. Фотографии, письменные заметки, аудиозаписи. Ничего, абсолютно ничего, связанного с тренировками. Только бесконечная череда встреч, разнообразных заметок. Ни курсов самообороны, ни уроков стрельбы. И вдруг в рубрике «Сигнал тревоги» она обнаружила напоминание, датированное первым марта и сработавшее сегодня днем: «Посмотри на шкафу в спальне. Возьми оружие. Придумай, как сделать, чтобы оно все время было при тебе. Все время».

– Ну так что? «Беретта» по-прежнему не твоя? – бросил Тюрен.

– Но… Но я вообще ничего не понимаю!

– По-видимому, кто-то манипулировал записями, – предположила Люси. – И вами тоже.

– Манипулировал мной? Нет, невозможно! Совершенно невозможно! Я бы это осознала. Я вношу туда только то, в чем совершенно уверена! Если мне велят записать то, что я не могу проверить, я этого не делаю!

– Как, например, когда ваш брат или Ванденбюш уверяют вас, что ваша мать вам звонила, а вы забыли?

Манон нахмурилась:

– Это другое дело. Прежде всего, им я доверяю. И зачем им лгать мне по такому простому и безобидному поводу?

– Хорошо, – ответила Люси. – А если бы вас заставляли вносить какие-то записи?

– Тогда этот человек должен был бы точно знать, как именно я фиксирую данные, в каком месте. Насильно? Я бы записывала такую информацию в особую папку… А если вы думаете, что это мог сделать кто-то вместо меня… Нет. Мой «N-Tech» автоматически запирается, как только я перестаю им пользоваться! Никто не знает моего пароля, я регулярно его меняю!

– Заглядывая в сейф, ведь так?

– Откуда вы…

– Мне рассказал ваш брат.

– Моя система защиты надежна на сто процентов, понимаете? Я крайне осторожна! Это точно!

– Манон… Вы страдаете амнезией, вы ни в чем не можете быть уверены…

– Да как вы смеете? – ответила она оскорбленно и тут же с криком набросилась на Тюрена: – А тебе что здесь надо, в моем доме?

Даже не удосужившись ответить, Тюрен вышел из ванной, знаком пригласив Люси следовать за ним.

– Я на секундочку, Манон. Мы тут, рядом. И на сей раз не делайте глупостей… – сказала Люси Энебель, прежде чем присоединиться к нему в спальне.

– Вы думаете так же, как я? – спросил он.

– Брат?

Он кивнул:

– Все ведет к нему… Он легко может завладеть «N-Tech» и добавить туда или убрать все, что захочет. Не знаю… Пока сестра отвлеклась. Или, как вы уже намекнули, она настолько ему доверяет, что принимает все его слова за чистую монету. – Тюрен скрестил руки на груди и добавил: – Автор послания на стене охотничьей хижины осведомлен о прошлом Манон, знает ее детские привычки… К тому же из показаний Фредерика Муане неясно, где он находился между полуднем и четырнадцатью часами, в тот самый момент, когда была убита старуха… Время обеда, согласен. Но он слишком долго отсутствовал.

Люси неуверенно согласилась.

– И все же это как-то чересчур… В чем мы его, по сути, подозреваем? В убийстве Дюбрей? В том, что он и Профессор – одно лицо? Это совершенно невозможно.

– Не в том, что он убил Дюбрей, не в том, что он – Профессор, а в том, что он тем или иным образом замешан в этом дерьме. Манон была похищена прямо из дома… Не сопротивлялась… Потом ее освободили всего несколько часов спустя… Ею манипулировали… Возможно, «заставив» ее посещать курсы стрельбы, самообороны, а потом все удалили из ее органайзера.

На сей раз они говорили на одном языке. Люси продолжила мысль Тюрена:

– Может быть, Фредерик предвидел, что, едва начнется рекламная кампания «N-Tech» и «MemoryNode» и Манон появится в средствах массовой информации, Профессор, возможно, снова отреагирует. И поэтому он обеспечил ее оружием – чтобы она могла защищаться…

Люси умолкла, а потом возразила сама себе:

– По правде говоря, это мог бы быть и Ванденбюш, и любой другой. На самом деле – все, с кем она встречалась с тех пор, как использует этот прибор. Пациенты «MemoryNode», торговые представители «N-Tech»… Да

хотя бы вы сами… Достаточно только завоевать ее доверие…

Парижский лейтенант не обратил внимания на последнюю колкость. Ссутулившись, он присел на стол в гостиной.

– Опять начинается эта чертова тягомотина… Всего один день расследования, и вот мы уже снова буксуем, как четыре года назад… Манон – центральная точка нашего дела, и всегда ею была. Именно по этой причине ее пытаются убить.

– И защитить.

– И защитить…

Позади них послышался какой-то шум. В дверях стояла Манон. Ее била сильная дрожь. Она приподняла махровое полотенце.

Новая рана, кровавые буквы.

Девушка кончиком пальца указала на знаки, вырезанные на ее коже рядом со старым шрамом.

Снова написаны зеркально. Буквы БЕРНУЛЛИ.

«Найти могилу Бернулли».

– Когда? Скажите, когда я это написала? – воскликнула Манон. – Ну скажите!

– Пока я преследовала того, кто на вас напал, – ответила озадаченная Люси. – Когда… Когда я вошла в квартиру, вы держались руками за гор…

Она внезапно умолкла: ее пронзило воспоминание. По словам Фредерика, Манон написала «Найти могилу…» во время приступа в ванной, когда она сама душила себя… В точности как сегодня. Приманкой, о которой говорил Ванденбюш, жестом или словом, способными воздействовать на память тела, был этот акт удушения.

Несколько часов назад, когда Люси говорила с Фредериком, она попала в цель. Снова став жертвой аналогичного нападения, Манон только что заново пережила день грабежа. Обстановка, запахи, звуки, запечатленные где-то в глубинах ее долгосрочной памяти… Тогда, три года назад, душитель, должно быть, прошептал ей послание на ухо, быть может, лишая Манон воздуха, сдавливая ей горло, он дал ей ключ к загадке.

– Что-то не так? – спросил Тюрен.

– Нет-нет, все в порядке, простите, – ответила Люси и обратилась к Манон: – Вы стискивали руками шею и шептали это имя, Бернулли…

Манон промокала ватой алые полоски на коже и вдруг взволнованно произнесла:

– Ответ таится в Базеле, в Швейцарии.

– В Швейцарии?

– На могильной плите Бернулли!

Тюрен и Люси переглянулись:

– Кто такой Бернулли?

Манон направилась к шкафу, чтобы взять одежду.

– Бернулли! Бернулли! Так вот оно что!

– Но кто это?

– Бернулли – знаменитейший математик семнадцатого века, современник Лейбница, Бойля и Хука. Он интересовался дифференциальным исчислением, теорией вероятности, без…

– Да плевать нам! – перебил ее Тюрен. – Давай к делу! При чем тут Бернулли?

Ответ прозвучал неожиданно:

– Он половину жизни потратил на то, чтобы проникнуть в тайну, вокруг которой крутится это дело. В тайну спиралей!

Манон указала на наутилуса, вытатуированного у нее на плече, и добавила:

– Черт побери. Она здесь, на моем теле, и уже давно. И это главное доказательство.

29

– Да поймите же, капитан, я должна была поехать туда вместе с ней!

В глубине тупика Кашмарек курил, стоя возле машины «скорой помощи». Засунув сжатые в кулаки руки глубоко в карманы куртки, Люси в бешенстве пнула камень носком ботинка.

– Ты слышала, что сказал наш доктор? – проворчал Кашмарек. – У тебя наверняка воспаление сухожилия!

– Нет-нет, я буду растягиваться, я уверена, что…

– Послушай, Энебель! Тюрен и Муане прежде уже работали вместе, он знает свое дело, и к тому же право принимать такого рода решения не за тобой, а за ним. Так что тебе придется заняться другим… Напоминаю, что ты еще должна написать рапорт о том, что произошло.

В знак несогласия Люси возвела руки к небу:

– Но Манон почти отказывалась ехать с ним! Вы знаете, что записано в ее органайзере? «Никогда больше не работать с этим извращенцем!» Этим извращенцем!

Кашмарек посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не слышит:

– Я запрещаю тебе наговаривать на коллегу, ясно? Муане уехала по собственной воле, ее никто не принуждал!

Но Люси не хотела отступать и продолжала настаивать:

– Ванденбюш отчетливо дал понять, что для Манон опасно покидать привычную обстановку! Она может выдать неожиданные реакции! – Люси приложила палец к зашитой брови. – Помните, как она вмазала мне палкой у Дюбрей? Как она отреагирует, если окажется вдали от дома, рядом с человеком, которого ненавидит? Можете представить себе, какая это будет травма?

– Не вижу никакой особенной травмы, потому что она через минуту все забывает.

– Вы не…

Кашмарек застонал, прикрыв глаза. Лейтенант Энебель начинала всерьез раздражать его. Он не дал ей закончить:

– Хоть она и страдает потерей памяти, это не снимает с нее ответственности, а их сердечные дела меня не интересуют, понятно? Тюрен – мужик что надо. Он шесть лет проработал в полиции нравов и уже восемь лет распутывает в уголовке серьезные дела. Он пришел с улицы и

постоянно живет на участке… С ним, вдали отсюда, она в безопасности. И хватит об этом, о’кей?

Люси цинично хмыкнула:

– Шесть лет бок о бок с проститутками. Когда я вижу, как он смотрит на женщин, мне все ясно. Этот парень непрост, уж вы мне поверьте. Что он, по-вашему, здесь делал так поздно?

– А ты?

– Мне было необходимо поговорить с Манон. А вот он…

Капитан молчал, глядя, как двоих полицейских укладывают на носилки. И наконец сказал:

– Часов через шесть или семь они приедут в Базель. В любом случае ты ничего не потеряла, подобными трюками наши дела не решаются… Старый шрам, которому уже много лет… Не понимаю, что можно найти на могиле где-то в Швейцарии…

– Может быть…

– Хватит, перейдем к фактам! Расскажи-ка мне про душителя!

Задетая отношением начальника, Люси пожала плечами:

– Что тут скажешь? Я преследовала тень.

– А?

– Он бежал быстро, с совершенно прямой спиной, что свидетельствует о его молодости. Лет тридцать, максимум сорок. Мне кажется, на нем были джинсы и длинный плащ… Рюкзак и шапка. Роста и телосложения среднего… Вроде Тюрена. Подковки на его обуви вроде тех, что бывают на сапогах, цокали по мостовой. И… все… Надо будет поискать свидетелей. – Она сделала паузу, а потом продолжила: – В любом случае очевидно одно: отныне Манон больше не используют как объект ритуала или участницу инсценировки, как это было в ситуации с охотничьим домиком. Теперь ее пытаются убить.

– И кто же?

Проблесковые маячки окрасили стены тупика голубыми отсветами. «Скорая» тронулась с места и быстро исчезла в улочках Старого Лилля.

– Не знаю, но уверена, что это не Профессор. И тут Тюрен со мной согласен. Мы говорили об этом до прибытия подкрепления.

– Уточни, пожалуйста…

– Нападающий усыпил наших коллег пистолетом для подкожных впрыскиваний, он мог так же поступить с Манон, чтобы затем подготовить свой ритуал, стимулировать свои фантазии. Но что он делает? Он входит и пытается ее задушить, по-настоящему. Он пришел, как и в прошлый раз, чтобы по-быстрому прикончить ее.

– Как в прошлый раз? Ты видишь связь с тем ограблением?

– Мне это представляется серьезной гипотезой. Как бы то ни было, если речь шла о Профессоре, почему он не убил ее в охотничьей хижине? Наш ненормальный математик не стал бы так подставляться здесь, в тупике, с двумя полицейскими на посту. Слишком рискованно для столь скрупулезного, столь расчетливого персонажа.

Кашмарек поправил воротник своей форменной темно-синей куртки с надписью «Национальная полиция».

– Выходит, мы имеем дело с двумя разными людьми?

– Это очевидно. С одной стороны, Профессор – изверг и извращенец, подвергающий свои жертвы чудовищным мукам в соответствии со строжайшим, неделями вперед просчитанным ритуалом. Это похититель Манон, убийца Дюбрей. С другой – кто-то, кто боится того, что она может обнаружить. Возможно, это он уже однажды нападал на нее в Кане по той же причине. Он считал себя в безопасности, потому что Манон потеряла память, а это, как он думал, все равно что умерла.

– Ты хочешь сказать, что человек в сапогах с подковками встрепенулся, потому что вернулся Профессор? Потому что дело снова привлекло внимание? И Манон оказалась в центре этой неразберихи?

– Вот именно, вы нашли правильное слово. «Встрепенулся». Представьте, он преспокойно смотрит телевизор или читает газету у себя дома. И вдруг натыкается на сообщение о Профессоре, убийстве Дюбрей и похищении Манон… Да еще и лицо Манон на плакатах, расклеенных по всей Франции… Он начинает сомневаться, ему становится безумно страшно. А вдруг к Манон вернулись ее способности? А что, если теперь она сможет вспомнить ту самую деталь, которая грозит ему опасностью? Или помочь полиции, как тогда? Попросту говоря, он начинает бояться, что кто-нибудь сунет нос в то старое дело и наконец обнаружит то, что от нас в свое время ускользнуло.

– Но какая тут связь с Профессором?

– А вот в этом-то и заключается главное неизвестное. Возможно, этот человек и есть та самая деталь, которую так и не удалось обнаружить Тюрену и его группе.

Люси ужасно хотелось помассировать голень. Мышца нестерпимо горела. Однако она старалась не подавать виду, что ей больно. Любой ценой необходимо остаться тут.

– То, что происходит вокруг Манон, ее памяти, по-настоящему странно. Несколько месяцев она интенсивно посещает занятия по стрельбе и самообороне. Сегодня вечером это спасло ее от смерти. Но в ее

органайзере нет ничего, касающегося этих ее занятий. Пусто!

– Стерто?

– Похоже. Зато мы обнаружили сообщение, касающееся «беретты». Оно было запрограммировано два месяца назад и пришло сегодня в полдень. Оно содержало указание: найти на шкафу в спальне оружие и держать его при себе.

– Что еще за бардак?

– Кто-то положил туда ствол, заставил ее посещать уроки стрельбы и запрограммировал это сообщение, разумеется, чтобы защитить Манон. Я убеждена, что ее «N-Tech» был взломан.

– Брат?

Люси в сомнении покусывала губы.

– Подсознательно мы все, разумеется, думаем о нем… Но если хорошенько поразмыслить… Нет, я не уверена.

– И все же мне кажется, что пора серьезно заняться разработкой Фредерика, – сказал Кашмарек.

Люси кивнула:

– Это дело приобретает дикие размеры. Сперва Профессор… Потом еще один, этот псевдограбитель трехлетней давности, который теперь уже пытается убить Манон… Затем еще кто-то третий, имеющий доступ к ее органайзеру и с его помощью манипулирующий ее жизнью…

Капитан перебил Люси:

– У меня есть другая гипотеза, не более дурацкая, чем все остальные. Профессор – о’кей, согласен с тобой. Напавший на Манон – о’кей. Но вот насчет ее органайзера… А вдруг наша математичка иногда просто симулирует свою амнезию? Утверждает, что не помнит, а ее память работает? Может быть, у нее нет необходимости фиксировать все, чтобы держать это в голове? А что, если она в некотором роде блефует с нами?

Люси категорически покачала головой:

– Ванденбюш твердо заявил, что ее память фиксирует только то, что многократно повторено и заучено. Результаты магнитно-резонансной томографии и серия нейропсихологических тестов доказывают, что она действительно страдает реальным недугом. Этим тестам можно доверять на сто процентов.

– Мы уже видели людей, достаточно ловких, чтобы осознанно и даже неосознанно сфальсифицировать эти тесты.

– Возможно, но уж точно не МРТ. И потом, я наблюдала поведение Манон. В первую ночь, когда она блуждала по Лиллю, потом в Эме и на озере в Роэ. И даже сегодня вечером, в ванной! Ее глаза не лгут, каждый раз

она и вправду видит меня впервые!

Неожиданный порыв ветра взметнул светлые локоны Люси, и они на мгновение упали ей на лоб.

– В конечном счете у человека в сапогах ничего не вышло, – продолжала она, застегивая куртку под горлом. – Три года назад, пытаясь задушить Манон, он, возможно, сообщил ей какую-то информацию, связанную с могилой Бернулли. Может быть, из тщеславия, дал ей ключ ко всей загадке… А сегодня он невольно пробудил память ее тела. Я не согласна с вами, мне кажется, что эта поездка в Швейцарию вовсе не бесполезна. Думаю, что могила этого математика даст нам решающий факт для расследования. Откроет тайну, которую до сих пор тщательно хранили…

– Ну что ж, возможно… Будем надеяться…

– Ладно, поеду домой, – сказала Люси. – Хочу завтра быть в форме. Ах да, вот еще что. Вы читали отчет палеонтолога?

– Да. Интересно.

– Две из принадлежащих Фредерику Муане квартир сейчас ремонтируются. Может, там мы и найдем зубило… даже если… я знаю, что это не он, что это абсолютно невозможно.

– И все-таки просишь меня проверить.

В ответ Люси улыбнулась. Затем попрощалась и уже собиралась уйти.

– Да, кстати, – начал Кашмарек. Он откашлялся. – Врач… Твой анализ крови…

Она обернулась.

– Все в порядке. Отрицательный. Пока… Потому что через полгода придется сделать новое обследование…

30

Прикрыв глаза и надев наушники, Манон неутомимо прослушивала записанные за день разговоры. Люси Энебель, белокурая сотрудница полиции, приходила в Свингедоу поговорить с ней о Профессоре… Тюрен, снова в деле… Недавнее нападение на нее, прямо в квартире… Этот шрам с незавершенным текстом, смысл которого она так долго искала… Могила Бернулли… Она близка к разгадке, она это чувствовала.

Манон вдруг открыла глаза.

Она растерялась. Незнакомый автомобиль! Рядом с ней Тюрен! Что происходит? Ее рука мгновенно метнулась к ручке дверцы, но прикрепленный в углу ветрового стекла листок формата А4 остановил ее. Ее собственный почерк:

«Направление – собор в Базеле, к могиле Бернулли.

Бойся моего гнева. *Eadem mutata resurgo*.

Все в порядке, ты находишься в машине вместе с Тюреном. Он занимается расследованием. Не отвечай на его вопросы. Бернулли. Только Бернулли…»

– Ты уже по меньшей мере в десятый раз хватаешься за эту чертову ручку, – рявкнул парижский лейтенант, не спуская глаз с дороги. – Я заблокировал замки, чтобы ты не наделала глупостей. Хуже ребенка, честное слово.

Допив колу из металлической банки, он сплющил ее одной рукой и выбросил в окно.

– Почему я упорно твержу тебе одно и то же? Через минуту ты снова забудешь, и придется повторять заново. Не знаю, как ты можешь выносить такое состояние. Или нет, знаю. Ты его не выносишь, но даже это ты забываешь.

Зеленый щит «Брюссель – Люксембург – Намюр». Тюрен свернул на трассу E411 и искоса взглянул на свою пассажирку. Сперва на ангельское лицо, затем на грудь, округлые формы которой вырисовывались под свитером.

– Я надеялся, что излечился от тебя, – признался он. – Надеялся, что забыл тебя. Во всяком случае, пытался, я правда пытался. Но… Манон… И вот увидел тебя снова… И все вернулось… Какая поразительная воля случая, согласна? Я хочу сказать, мы вдвоем, снова в дороге, как в старые времена. Когда наши дни были полны неожиданностей.

Манон отвернулась к окну, от волнения ей не удавалось произнести ни слова. Как она могла согласиться поехать с ним вдвоем? Почему ее не сопровождает эта Люси Энебель? Она незаметно прикоснулась к металлическому корпусу лежащего в кармане мобильника. Подступала тошнота.

– Когда ты меня бросила, я с ума сходил, – продолжал он. – Ты…

Не в силах сдержать гнева, Манон повернулась к нему:

– Бросила? Да о чем ты говоришь? Я никогда не испытывала к тебе никаких чувств и всегда была честна с тобой. Это ты не давал мне покоя, изводил меня! Мне следовало тогда написать жалобу! Рассказать, что знаменитый лейтенант Тюрен всего лишь извращенец, похититель нижнего белья и постоянный клиент проституток!

Он усмехнулся:

– Но ты этого не сделала, потому что я продолжал снабжать тебя информацией о Профессоре. Ты была хуже, чем наркоманка. Услуга за услугу, помнишь?

– Услуга за услугу, – повторила она. – Обмен хорошими технологиями.

Она внимательно посмотрела на него:

– Ты лечился?

– У меня все в порядке, спасибо, что заботишься о моем сексуальном здоровье.

– Знаешь, твое пристрастие к женскому полу лечится… Ты должен был бы…

Она увидела, что он стиснул зубы.

– Оставь свои поучения при себе. Психиатры – это не мое. Не сейчас. Вообще никогда. И не говори больше об этом, поняла?

Манон почувствовала, что дрожит. Она и забыла, до какой степени он неистов. И опасен.

– Сегодня счетчики обнулены, – сухо возразила она. – И не вздумай даже прикоснуться ко мне, иначе я все расскажу. Лучше следи за дорогой и вези нас куда следует. Договорились?

Тюрен заговорил примирительно и даже непривычно спокойно:

– Во всяком случае, я вижу, что у тебя наступило значительное улучшение. Можно даже подумать, что ты совершенно нормальная…

– Я и есть нормальная!

– Как сказать… Кстати, я видел твой постер, рекламу «N-Tech»…

– Мои фотографии? Где?

– У тебя должно быть полно поклонников, многие мужики жаждут с тобой познакомиться. Тебе отлично удалось перестроиться, подальше от

математики.

Она с презрением посмотрела на него. По всему видно, что за четыре года ничего не изменилось.

– Перестроиться? Да ты хотя бы понимаешь, на что похожа моя жизнь? Без «MemoryNode» я теперь ничто! Соседи думают, что я сумасшедшая или что мне на них плевать, потому что я их не узнаю! Меня принимают за безмозглую пустышку, хотя… в душе я ничуть не изменилась! Да жизнь просто кипит во мне, Эрве! Просто кипит! Но что же мне делать, ведь я даже газ не могу включить, не рискуя спалить квартиру! Я никогда не знаю, что происходит! Какой сегодня день? Утро или вечер? Какой месяц? Поела ли я уже, сходила ли за почтой? Вот мои вечные навязчивые идеи. У меня не осталось желаний, мне больше ни к чему путешествовать или покупать красивые вещи. Я живу в герметичной коробке! И это ты называешь удачной перестройкой?

Он попытался погладить ее по щеке, но она оттолкнула его руку. Он едва сдержался, чтобы не ударить ее.

– Раз уж ты наконец решилась поговорить со мной, – начал он, – может, ты объяснишь мне, что мы будем делать в Швейцарии?

Она ткнула пальцем в листок А4:

– *«Eadem mutata resurgo»* – «Изменяясь, я вновь воскресаю, подобная самой себе».

– Ну, теперь-то мне все стало ясно!!

– Если бы ты мог не язвить, это многое бы упростило. *«Eadem mutata resurgo»* – очень известное в математических кругах изречение, начертанное на надгробной плите Якоба Бернулли. Оно касается спиралей.

– Снова эти проклятые спирали?

– Их можно вращать, увеличивать или уменьшать, но они всегда остаются идентичны себе, бесконечно возрождаются. В этом смысл выражения *«Eadem mutata resurgo»*. Эти совершенные фигуры зачаровали швейцарского математика на всю жизнь. Он даже посвятил им трактат «Spira mirabilis»[29].

– Все это замечательно. А дальше что?

– Что дальше? Вспомни послание, написанное в доме с привидениями в Эме!

– Выходит, ты теперь его помнишь?

– Я выучила, я…

– Говорю тебе, я там не был, в твоем доме.

– «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». «Бойся моего гнева» – это точная анаграмма «Eadem mutate resurgo», только надо одно «r»

заменить на «m». Так или иначе, даже без этого… нападения Профессор знал, что я разрешу его загадку. Он старается привести нас туда. Он хочет что-то нам показать.

Тюрен восхищенно присвистнул:

– Да уж, умеешь ты меня ошарашить. Фантастическая девица!

Он задумался, вспоминая свой разговор с Энебель. Ее гипотезу. С одной стороны – Профессор, с другой – душитель, а в центре защитник. Похоже, все трое путаются друг у друга под ногами.

– Но… что за интерес Профессору привести нас туда? Зачем ему сознательно подвергать себя опасности, помогая нам спустя четыре года?

– Не знаю. Но в любом случае он наверняка действует не для нашего блага или удобства. Послание явственно говорит: «Бойся моего гнева». Может, он хочет завлечь нас в одну из своих ловушек? Привести нас к другой жертве? – Манон зевнула и откинулась на подголовник. – А сейчас, если ты не против… Даже не знаю, сколько времени уже не спала, но я устала. А когда устаю, я сплю.

– Поговорим еще немного… Тебе не хочется знать, как я жил эти четыре года? Как продвинулся по службе?

– Можешь говорить хоть целыми днями. Я ничего не буду записывать. Мне в высшей степени плевать на твою жизнь.

И снова наушники, записанные разговоры. Тюрен сжал кулаки. Эта дрянь над ним просто смеется.

Оранжевые лучи фонарей разбивались о ветровое стекло туманными искрами. Белые полосы мелькали под колесами. Неожиданно слева он увидел щит.

Через десять километров зона отдыха.

Тюрен задержал взгляд на лице Манон. Он не мог сдерживать своих чувств. Предмет его тайных мечтаний, его страданий, его ночных наваждений здесь, рядом с ним. Он представил, как она прижимается, трется о его тело своей обнаженной грудью.

Обжигающий поток хлынул по его венам. Да, он болен. Болен женщинами, траханьем, шлюхами. Болен Манон. Сексом. С каждым днем все больше. Он рассчитывал излечиться или хотя бы умерить свои страсти, перейдя в уголовку. Отделаться от искушения, которое подстерегает полицейских из отдела нравов. Работать как каторжный, быть готовым к худшему, не отличая дня от ночи. Но все оказалось напрасно. Влечение росло в нем с каждым днем, все неудержимее.

Он снова и снова без устали вглядывался в нее. Он так легко мог овладеть ею. Сейчас, на этой придорожной зоне отдыха. Добиться своего,

ничем не рискуя. Зачем сдерживать себя? Вокруг ни души. Или, быть может, один-два случайных путешественника, которые через несколько минут увидят обнимающуюся в машине парочку. Безымянные существа, которые уйдут в никуда, не пытаясь понять.

Изменение направления разбудило Манон. Слева от нее Тюрен… Страх… Движение к ручке… Лист формата А4, тормозящий порыв и успокаивающий ее. Так, значит, они едут в Швейцарию. В Базель. Бернулли… Она сняла наушники.

– Что ты делаешь? Мы давно едем?

– Два часа. Санитарная остановка, если нужно.

– Обойдусь…

Тихо урча, машина миновала автосервис, который словно витал в воздухе, как загадочный источник света из фильма Спилберга «Близкие контакты третьей степени». Они подъехали к парковке для легковушек.

Манон нахмурилась:

– Мне кажется, туалеты на противоположной стороне.

– Не важно, меня вполне устроит дерево. Если хочешь, в бардачке есть печенье, – сказал Тюрен, надевая косуху. – Я сейчас…

Манон потерла руки и посмотрела в окно. Стоянка была почти пуста, только несколько грузовиков вдали. Мрачная картинка. Она почувствовала озноб.

Бардачок с грохотом захлопнулся. Девушка вздрогнула. Минутная паника.

Рука на ручке двери, листок формата А4. Направление Базель, с Тюреном. С Тюреном? Почему с ним?

Она бросила взгляд в зеркало заднего вида. Никого. Манон расстегнула ремень безопасности и повернулась. Асфальт, слева неподвижные грузовики, черная масса деревьев справа и две-три удаляющиеся точки на трассе.

Где Эрве Тюрен?

– Эрве? – Она поймала себя на том, что кричит, внезапно охваченная приступом страха.

Наверное, ушел в туалет. Или курит. Даже наверняка курит.

Ей захотелось включить радио, чтобы успокоиться. Но приемник не издал ни звука. Нет ключа зажигания. Так и должно быть? Почему она одна среди ночи сидит в чужой машине? Во что она снова ввязалась? Как? Зачем?

Перед ее глазами все завертелось. Она прижала ладони к ушам.

В тот момент, когда она уже решила было открыть дверцу и бежать к

грузовикам, появился лейтенант, держа косуху под мышкой, и сел в машину.

– Что я здесь забыла? – сквозь зубы пробормотала Манон. – Ты должен был оставить мне записку! Я думала… Никогда больше так не делай!

Он взлохматил ее черные волосы. Манон заметила в его глазах нездоровый блеск.

– Я бы мог сделать то же самое снова через пять минут, если бы захотел. Потом повторить еще через десять. Выйти, спрятаться, наблюдать за тобой, как только что, а потом вернуться и напугать тебя. Развлечься.

– Наблюдать за мной? Что ты…

– Я бы мог оставаться здесь целую вечность и каждый раз говорить тебе, что мы только что приехали. Я мог бы говорить тебе страшные непристойности. Например, обзывать тебя грязной шлюхой или… – Он сунул руку в карман и помахал перед ней кусочком черного кружева. – Заставить тебя сожрать собственные трусики, но…

Он вдруг хлопнул кулаком по приборной доске.

– Ууу! – крикнул он, пряча ее трусики в карман.

Манон, задыхаясь от ужаса и отвращения, подскочила на своем кресле:

– Что… Что происходит? Что мы здесь делаем?

– Писаем. Ты что, забыла?

Она стала озираться по сторонам. Почему ее сердце так сильно бьется? И откуда испарина по всему телу?

– Где мы?

Он стал поглаживать ее бедро. Манон крепко схватила его за запястье:

– Во что ты играешь? Даже не пытайся!

– Ты не можешь знать, что я ощущаю. Это… хуже, чем гангрена. Эта потребность… обладать женской плотью. Знаешь, я думаю, что мне оставалось совсем немного, и я бы оказался по ту сторону добра и зла. На темной стороне…

Он высвободил руку, положил ей на затылок и притянул Манон к себе.

– Граница такая хрупкая. Я так хорошо понимаю тех мерзавцев, которых сам преследую… Иногда я чувствую, что мы так с ними близки…

– Оставь меня!

В ее дрожащем голосе прозвучал страх. Она наедине с одержимым, который однажды уже пытался изнасиловать ее. Ей казалось, это было вчера.

Все начиналось сначала. В Тюрене просыпалось чудовище. Осознавая это, он все больше мрачнел.

Он даже не успел среагировать, как Манон локтем ударила его прямо в лицо и схватилась за ручку двери.

Все ее чувства сконцентрировались на одной цели: побег.

Внезапно ее ладонь замерла на ручке.

На руках проступили вены, глаза закатились, а мышцы судорожно напряглись.

Яркий голубой свет. Потрескивание электрических разрядов.

Она хотела закричать. Но из ее губ не вырвалось ни звука.

Несмотря на все усилия, она внезапно почувствовала, что не способна шевельнуть даже мизинцем. Кончик языка высунулся изо рта между верхними и нижними зубами. Невозможно втянуть его обратно.

Парализована.

Но в сознании. Снова чернота, отчужденность.

– Последний электрошокер «Taser», – шепнул Тюрен, вытирая текущую из носа кровь. – Пятьдесят тысяч вольт и парализация на добрых пятнадцать минут. Ни следов, ни физических последствий. Неплохая игрушка, верно?

Возле грузовиков никакого движения. Ни света, ни звука, ничего.

Он вышел, появился с пассажирской стороны и уложил Манон на заднее сиденье.

– Ты сделала мне больно, грязная шлюха. Ты действительно сделала мне больно!

Он достал из бардачка аптечку и заклеил разбитый нос пластырем. Затем вернулся, лег на Манон, запер дверцы и стянул с нее свитер, предварительно засунув свой язык в ее неподвижный рот.

Манон не смогла даже закрыть глаза.

– Я не буду в тебя входить, – шепнул он, облизывая мочку ее уха, – я только положу член между твоими грудями. Излиться на тебя…

Он медленно стал расстегивать ширинку, словно палач, готовящий свой инструмент.

– Потом я одену тебя, посажу вперед и преспокойно уеду отсюда. И ты ни о чем не вспомнишь.

По щеке Манон потекла слеза и исчезла на сиденье. Ткань впитала влагу, словно ее никогда не существовало. А скоро ничего и не будет существовать. Тюрен овладеет ее плотью, поглотит эту потаенную часть души, которую берегут до самой смерти, а если она гибнет, то может погубить и самого человека. Горькое определение насилия.

Две минуты, в течение которых Манон осознавала каждое движение, каждое прикосновение. Она забудет, конечно, но ничто не сможет помешать

существованию этого происходящего сейчас ада.

– Теперь я знаю, где ты живешь, и у меня есть повод приходить к тебе так часто, как я пожелаю. Профессор. Какой фантастический поворот судьбы…

Он снял с нее рубашку, брюки, расстегнул лифчик и стянул его зубами. Он гладил ее груди, потом положил на них свое горящее лицо и принялся облизывать соски. Затем его язык медленно коснулся ее шрамов.

– Ты никогда не хотела меня, крошка… Тебе всегда было на меня плевать. Но с сегодняшнего дня ты будешь самым совершенным предметом моих сексуальных утех. Доро́гой к моему выздоровлению.

31

Однообразие тьмы до тех пор, пока перед их глазами не появился Базель. Часы на приборной доске показывали всего семь утра, но длинные прямые бульвары уже были запружены транспортом. Швейцария просыпалась под облачным небом.

Очень скоро высотные здания предместий и придорожные офисы автомобильных салонов уступили место строениям другой эпохи. В излучине Рейна, делящего город надвое, расположился средневековый квартал со своими церквами, тесными улочками и роскошными магазинами. Авторитетные марки в витринах – «Брайтлинг», «Булгари», «Картье», «Шопар» – напоминали о том, что каждую весну в Базеле проводится международный ювелирно-часовой салон.

Тюрен припарковался у реки – навигатор показал, что мост, по которому нужно проехать, ремонтируется. Манон вытащила из багажника рюкзак, и они сели на паром, идущий до Малого Базеля.

Через несколько минут они уже шли пешком к холму, на котором возвышался собор. Манон сожалела, что никогда прежде не бывала в этом городе, как, впрочем, и вообще в Швейцарии. Занятия математикой, коллоквиумы, рабочие группы по системам дифференциальных уравнений скорей заносили ее в Америку или в Англию.

В старом городе камни еще хранили отзвуки звяканья шпаг, долгих выступлений Ницше или Буркхардта, стука посоха принца-епископа. Не замедляя шаг, Манон с удовольствием разглядывала фасады, очертания которых тотчас улетучивались из ее головы, с легкостью сновидений. Как бы она хотела погулять здесь до своего «несчастного случая»…

– Это здесь, – сказала она, в сотый раз перечитав свои заметки. – Мюнстерплац.

Тюрен прикоснулся к ушибленному носу. Однако здорово эта девчонка ему вмазала.

– Судя по плану, внутренний двор с галереей находится позади монастыря, – пробурчал он. – Пойдем быстрее, скоро польет. Невероятно, но можно подумать, что эта чертова гроза нас преследует!

Манон держала перед собой свой листок формата А4 и время от времени делала фотографии при помощи органайзера. Она взглянула на пластырь на носу Тюрена. Потом на его перевязанную руку. И быстро, так что он даже не успел этого заметить, сфотографировала лейтенанта.

По мере того как они приближались к цели, ее сердце все сильнее билось в груди. Когда они обходили здание слева, у нее вдруг вспотели ладони. Что происходит? Почему ее тело подает эти тревожные сигналы? Манон вдруг забеспокоилась и стала озираться. А что, если ей на глаза попался человек, с которым она уже встречалась?

– Что с тобой? – спросил Тюрен. – Ты кого-то ищешь?

– Нет…

Полицейский остановился, потом обернулся. Мимо взад и вперед, опустив голову, сновали прохожие. Казалось, никто не подозревает о присутствии двух французов. Ведь они так поспешно выехали из Лилля. Как могло быть, чтобы…

Позади собора, со смотровой террасы Пфальц, вдали виднелись первые склоны Вогезов, внизу протекал Рейн. Даже под тяжелым грозовым небом красота природы казалась ослепительной. Манон щелкнула фотоаппаратом своего органайзера. Бесполезное изображение, которое смешается с тысячами других.

Тюрен смотрел на нее. Эта эскапада бок о бок с предметом его самых острых вожделений доставляла ему удовольствие. Он чувствовал себя так, будто вернулся на четыре года назад. Они могли бы составить прекрасную пару, отправляться за город по выходным, как любовники, получать удовольствие от роскошных отелей и швейцарского и немецкого пива. Почему же она постоянно отвергала его? А ведь именно он, пренебрегая сном, дни и ночи преследовал убийцу ее сестры!

Эта дрянь никогда не желала с ним спать. И этот отказ дорого ей обойдется.

Неутолимая жажда плоти клокотала в нем. В машине он мог бы пойти дальше. Продолжать до самого утра. Исследовать все тайные письмена на этом теле. Он раздел Манон, прикасался к ней, обладал ею, но она об этом даже не помнит. Его власть над ней была полной. Но надо было поторапливаться. Не слишком задерживаться, не привлекать внимания. Осторожность, шантаж, хладнокровие, связи всегда позволяли ему избегать проблем.

Они обошли здание. Массивные дубовые двери были открыты, словно приглашая на службу. Лысый и коренастый ризничий сидел за конторкой слева от входа. Подняв голову, он мельком глянул на них и вновь погрузился в чтение.

Манон застегнула воротник кожаного пальто. Ее насквозь пронизал холод, веявший от тяжелого тесаного камня. Под высоченными сводами гудел сырой ледяной ветер. Мерное, тревожное дыхание преисподней.

Она медленно двинулась к крытой галерее. В боковых нефах рядами тянулись надгробия знаменитых семейств Базеля. От этой неподвижности, от этих гигантских плит веяло чем-то духовным. И зловещим.

Тюрен был рядом. Он прошел мимо могилы Эразма Роттердамского, даже не заметив ее. Краем глаза он следил за Манон.

Его внимание привлек легкий звук шагов за спиной. Насторожившись, он резко обернулся.

Никого, только колонны, темные нефы… В десяти метрах от него Манон гладила рукой истертые камни. Огоньки свечей плясали у нее в глазах, приоткрытый рот, казалось, поглощал каждое их колебание, словно ее присутствие здесь решит все. Что она чувствовала?

– Что-то нашла? – бросил он, потихоньку вытаскивая из кармана маленький инструмент.

– Нет еще, – ответила она. – Нет еще.

Она свернула в нишу в стене и исчезла. Тюрен медленно пошел дальше, глядя в круглое зеркальце своего приспособления.

У подножия третьей колонны позади себя он заметил носок ботинка.

За ним кто-то шел.

Как их могли выследить?

Профессор… Неужели он поджидал их, притаившись где-то глубоко внутри этого города?

Спрятавшись за массивную колонну, Тюрен вытащил свое табельное оружие.

– Нашла! – крикнула Манон. – Эпитафия Бернулли!

– Иду, – ответил Тюрен, стараясь, чтобы его голос звучал естественно. – Просто надо кое-что проверить…

Он переместился влево, спокойно направился к боковой лестнице, взбежал по ней и скрылся справа.

Спустя несколько мгновений чей-то сгорбленный силуэт тихо вскарабкался по каменным ступеням.

Наверху ему в висок уткнулся ствол «зиг-зауэра».

– На пол! – крикнул Тюрен. – Быстро!

Человек скорчился, обхватив голову руками.

– Не трогайте меня! – простонал он.

Коленом лейтенант прижал его щекой к полу.

– Двинешься хоть на миллиметр – и я тебя продырявлю! Зачем ты идешь за мной?

– Я… Я сторож при соборе… Я видел, как вы вошли, и…

Тип с книгой, догадался Тюрен.

Он сунул оружие в кобуру и заговорил более примирительным тоном.

– Вы видели, как я вошел, и что? – спросил он, протягивая руки, чтобы помочь тому подняться.

Сторож встал сам, но не слишком успокоенный. Офицер вытащил полицейское удостоверение.

– Французская полиция? Но почему?

– Вопросы задаю я. Почему вы за мной шли?

– Я хотел понять, что вы опять собираетесь делать здесь, в Базеле.

– Что значит «опять»? Я в жизни не бывал в Швейцарии!

– Вы – нет. Но дама, там, внизу, да, – ответил сторож, показав большим пальцем куда-то за своей спиной.

Тюрен почувствовал прилив адреналина. Он вспомнил о странном поведении Манон на Мюнстерплац. Реминисценции предыдущего путешествия в Швейцарию?

– Что за чушь! Вы ошиблись!

– Нет, я совершенно уверен! Такие истории не забывают. В ту ночь мне даже пришлось вызвать полицию.

Тюрен нетерпеливо махнул рукой, понуждая ризничего продолжать. Тот объяснил:

– До конца лета собор открыт до полуночи. Они вошли очень поздно, около двадцати двух часов. Наверное, думали, что здесь, кроме них, никого нет, меня они не заметили.

– Они? Кто – они?

– Эта самая женщина. С ней мужчина. По ночам освещение здесь слабое, но у меня хорошее зрение. Они с этим мужчиной были похожи как две капли воды. Тот же взгляд, те же черты лица. Думаю, ее брат.

Фредерик Муане… На сей раз точно он…

– Когда? Когда они приходили?

Сторож в задумчивости поскреб подбородок:

– Это было… в прошлом году… Думаю, в конце августа, точнее не скажу.

Тюрен записывал на клочке бумаги, листок в его пальцах дрожал. Слишком много новых деталей после четырехлетней пустоты.

– И… Вы говорили про полицию… Почему?

– Иногда посетители приходят ночью. Чтобы помолиться, проникнуться религиозной атмосферой или просто подышать чистым воздухом. Эти двое оставались здесь долго, очень долго. Это меня заинтриговало. В какой-то момент я даже решил, что они ушли, а я не заметил… Но… потом услышал голоса в глубине крытой галереи… И…

потихоньку пошел туда… Они проникли в боковое помещение, примыкающее к галерее. Света не было, только их карманный фонарик. И тогда я увидел… кровь.

Лейтенант слегка напрягся:

– Кровь?

– Когда я подошел, мужчина склонился над ней. В руке он держал… скальпель. И бинты. Он… он кромсал ее!

– Живот, да?

Ризничий вытаращил глаза:

– Откуда вы знаете?

– Не важно. Продолжайте, пожалуйста.

Офицер полиции подошел к каменному парапету и глянул на прямоугольный двор внизу. Ему не удавалось увидеть Манон. По стенам крытой галереи плясали призрачные тени проносящихся в небе облаков.

– Совершенно сюрреалистическое зрелище, – объяснял сторож. – Женщина была крайне возбуждена, в ногах у нее лежала развернутая карта дорог Франции. А она не переставая говорила о монахах. Да, именно так. О монахах. Я хотел вмешаться, потому что она… она пыталась оттолкнуть мужчину. Он не давал ей шевельнуться! Крепко держал, уродуя ей живот!

Эрве Тюрен уже едва владел собой. Как бы ему хотелось, чтобы Фредерик Муане сейчас был здесь, под рукой. Он бы выбил у него всю правду, до последнего зуба.

Ризничий указал на свой лоб:

– И вот, когда я подошел, мужчина ударил меня фонариком, и они убежали, взявшись за руки.

Тюрен был озадачен, чтобы не сказать ошарашен. Муане без колебаний ударил ризничего. Неужели речь идет об одном и том же человеке? Что бы могло оправдать такой поступок? До какой степени этот человек манипулирует сестрой?

– Но, – продолжал сторож, – в спешке они уронили клочок бумаги. Листок с точным изображением спирали, начертанной на могиле Бернулли. Спирали и… этих странных крестов… К несчастью, у меня больше нет той бу…

– Каких странных крестов?

– Семь крестов, прямо на спирали, которые, полагаю, были нацарапаны правонарушителями лет пять-шесть назад. Зачем? Поди знай. У людей нынче ни к чему не осталось почтения…

– Семь крестов, лет пять-шесть назад? Вы уверены?

– Абсолютно.

– Не может быть! Я должен это видеть!

Не раздумывая, Тюрен бросился вниз по лестнице, а потом свернул влево.

Очередная неожиданность.

Ниша, где была Манон… Пусто…

Она исчезла.

– Манон!

Нет ответа. Только эхо его собственного отчаяния. Он, задыхаясь, бросился ко входу, ладони стали влажными.

Снова Мюнстерплац, он лихорадочным взглядом обшарил площадь. Несколько торопливых силуэтов. Первые капли дождя, разбивающиеся о мостовую. Никаких следов Манон ни справа, ни слева, ни впереди.

– Этого не может быть! Манон!

Он вернулся в собор и поспешил к овальной плите из черного металла, украшенной изображением земного шара, виноградных листьев, эмблемами и латинскими надписями. В нижней части – закрученная спираль, по которой вились буквы знаменитой надписи: *«Eadem mutata resurgo»* – «Изменяясь, я вновь воскресаю, подобная себе».

В нишу зашел ризничий. Приблизившись к плите, он кончиком пальца указал на математическую форму:

– Предполагаю, что сегодня она снова пришла скопировать эту спираль. Взгляните, вот кресты…

Эрве Тюрен в отчаянии оперся о стену.

На плите по всей длине спирали были процарапаны шесть крестов, а седьмой находился на ее кончике.

Семь убийств, совершенных Профессором. Шесть – поблизости, а одно – гораздо дальше. Существовала ли между ними связь? Именно это и следовало прочесть? Все это путешествие ради царапин на спирали?

Почему Фредерик Муане действовал таким образом? Откуда такая жестокость? Какую тайну он пытался скрыть? От своей сестры, от остальных?

Почему сегодня Профессор привел их сюда? Кем был тот, кто напал на Манон? Кто ее защитник?

Сделав фотографию цифровой камерой, Тюрен принялся обследовать каждую форму, каждое слово эпитафии. По-латыни: *«C. S. Iacobus Bernoulli, mathematicus incomparabilis, acad. Basil»*[30] – и так далее.

Он озабоченно повернулся к сторожу:

– А монахи, о которых она говорила… вас это наводит на какие-то мысли? Потому что в ту пресловутую ночь брат вырезал на ее животе:

«Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов».

– Нет, эта фраза мне ни о чем не говорит. Не понимаю, что монахи могут иметь общего и с этой спиралью, и с какими-то психами? Я думаю, что скорее следует искать связь с картой Франции, которая лежала возле ее ног. Но вот сказать, какую именно связь, увы, не могу. Возможно, она искала какое-то особое место? Связанное со спиралью Бернулли?

– Да, но какую связь, черт возьми? И какое место?

– А, ну…

– Чертовы математики!

Эрве Тюрен сердился на себя за то, что оставил Манон одну. В ее состоянии она была хуже, чем ребенок, оказавшийся рядом с газовой плитой.

Эта кретинка исчезла в недрах Базеля.

Одна, без памяти и, возможно, с решением загадки.

Совершенно очевидно, Профессор расставил ей западню.

И она вот-вот бросится в волчью пасть.

32

– Лейтенант Тюрен?

– Да.

– Энебель у аппарата. Я попыталась связаться с Манон, но она, должно быть, отключила телефон. Есть новости?

Люси пошла в кухню, зажав мобильник между ухом и плечом. Вытащила мисочки из микроволновки, поставила их перед уже одетыми Кларой и Жюльеттой и достала с полки пачку хлопьев.

– У нас тут… небольшая проблема, – набрав в легкие воздуха, признался Тюрен.

Люси замерла, не выпуская из рук оставшиеся со вчерашнего дня грязные детские бутылочки. Что-то в голосе Тюрена заставляло предполагать худшее.

– Что за проблема?

– Манон… Она… исчезла.

Люси бросила рожки в раковину и вцепилась в телефон:

– Что вы такое несете?

На том конце голос сыщика, хриплый, отрывистый, характерный для курильщиков:

– Всего на мгновение… ослабил внимание. Она хуже ребенка. Я мчусь к вокзалу… как знать… Послушайте… Необходимо любой ценой задержать… Фредерика Муане.

– Фредерика Муане? Вы что-то обнаружили?

– Они с Манон уже посещали могилу Бернулли.

Эта новость оглушила Люси, как удар.

– Черт побери, Тюрен! Вы уверены?

– Именно здесь он ее изувечил… Послание про монахов… В прошлом августе… в соборе.

Жюльетта воспользовалась невниманием матери, чтобы накидать в мисочку Клары кукурузных хлопьев. Люси дала им возможность разобраться самостоятельно и с прижатым к уху телефоном вышла из кухни.

– Невероятно! Он уверял, что это случилось здесь, в ее квартире! С сумасшедшей историей про огненную чашу! Я видела в газетах!

– Он вас обвел вокруг пальца. Еще тот врун… Это он манипулирует сестрой… Он манипулирует… всеми.

– Но…

– Слушайте внимательно! На спирали Бернулли выцарапаны семь крестов… они сделаны… примерно пять лет назад, думаю, самим Профессором…

– Кресты, изображающие убийства? Шесть прошлых и новое, Дюбрей?

– Возможно… Когда Манон впервые пришла сюда, она, по всей вероятности, поняла значение этих знаков и… знаю, это глупо, но я убежден, что, сделав свое открытие, она захотела немедленно записать его на своем теле. У нее точно имелись подозрения… Страх, что кто-то сотрет данные из органайзера… или украдет ее записи… Это, видимо, была очень важная информация… Я думаю, что… брат… помешал ей… Или же… как бы сказать…

– Подделал послание!

– Точно!.. Ризничий, который и в тот день находился в соборе, утверждает, что Фредерик действовал вопреки воле Манон… Кстати, этот урод без колебаний ударил беднягу…

В сознании Люси все прояснилось.

– Вот почему Манон не понимает этой фразы! Ей надо было уехать из Базеля с чем-то конкретным, с каким-то следом, и тогда… Он изрезал ее, чтобы создалось впечатление, что она выполнила свою миссию! Он ее обманул! Он всех нас обманул!

– Конечно, вы правы. Но я думаю, что сегодня… Манон снова поняла смысл этих крестов… И что отправилась сама разбираться в этом мошенничестве.

– Не может быть!

– Есть еще одна странная штука…

– Что еще?

– Эта фраза, написанная в том доме, в Эме… «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева»… Я думаю, Манон поняла ее смысл. «Бойся моего гнева» – это почти точная анаграмма латинского выражения *«Eadem mutata resurgo»* – «Изменяясь, я вновь воскресаю, подобная себе». Это эпитафия, выгравированная на могиле Бернулли. Вот почему Профессор хотел привести ее в Базель…

Люси приложила руку ко лбу и тут же отдернула: разбитая бровь саднила.

– Черт побери! Но в этом нет никакой логики!

– Верно… Если следовать нашей мысли, это означает, что Профессор помогает Манон, а ее брат запутывает следы. Скажите… Тот тип, которого

вы преследовали в Старом Лилле… Это не мог быть Фредерик Муане?

Люси ответила мгновенно:

– Нет-нет… тот был гораздо ниже ростом. Как вы. То есть мне кажется… Было очень темно…

Она взглянула на часы. Скоро восемь. Еще больше четверти часа до выхода в детский сад.

На том конце провода автомобильные гудки и шум дождя.

– Прощаюсь с вами! – прокричал Тюрен. – Держим друг друга в курсе… Но… найдите брата… пока не поздно.

– Подождите! Вы не попытались понять? Эти кресты? Спираль? Дайте мне подсказку!

– Ризничий сказал, что той ночью рядом с Манон валялась автомобильная карта Франции. Я думаю, что сегодня она снова отыскала то место, куда хотела поехать… И возможно, встретится там с подонком, который хочет убить ее… Найдите брата!

Он дал отбой.

Люси замерла, потрясенная, не выпуская из руки мобильник.

Фредерик Муане, идеальный партнер для посетительниц сайта «Meet4Love», эффектно поглумился над ней. Она снова вспомнила его тихий спокойный голос, его, казалось, такие искренние слова…

Предать собственную сестру, обманывать ее долгие годы. Дойти до того, что даже изуродовать ее, чтобы отвести от правды… Зачем?

Она снова набрала номер Манон и оставила сообщение на автоответчике: «Это Люси Энебель, лейтенант полиции, которая помогает вам в расследовании. Моя фотография есть в вашем органайзере. Перезвоните мне как можно скорее, прошу вас! Это очень срочно!»

В кухне визжали дочки. Одна мисочка опрокинулась на стол.

– Жюльетта, в чем дело?!

– Это не я! Это Клара!

– Ты всегда все валишь на сестру! И коробка с хлопьями тоже у нее в руках?

Люси схватила пакет молока и налила в чистую кружку:

– Значит, будешь пить холодное молоко! Ты даже не понимаешь, как тебе повезло, что у тебя есть сестра! Я хочу, чтобы ты прекратила командовать ею и обвинять ее! Хорошо?

– Хорошо, мамочка.

– Поторапливайтесь, иначе мы опоздаем! Через пять минут выходим!

Малышки тут же послушались и умолкли. Быстро протерев стол губкой, Люси проверила рюкзачки, выставила их перед входной дверью,

рядом с двумя курточками, и на несколько секунд погрузилась в себя, чтобы подумать.

В первый раз, выхватив у сестры нож, Фредерик вовсе не собирался помешать ей искалечить себя или совершить самоубийство; на самом деле он хотел помешать Манон написать на животе слово «Бернулли», сделать так, чтобы она не поехала в Швейцарию.

Однако, так или иначе, Манон удалось обнаружить след, ведущий в Базель. Возможно, в результате другой попытки удушения. Тогда, видя ее решимость и озлобленность, Фредерик осознал, что больше не может помешать ей, и принял решение сопровождать сестру, чтобы она всегда была под его наблюдением.

А там, обнаружив спираль с крестами, она, наверное, поняла что-то важное, что хотела записать на своем теле. Тогда Фредерик попытался взять ситуацию под контроль, забрал у нее скальпель и изменил текст послания. «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». Достаточно интригующая надпись, чтобы отвлечь сестру от могилы Бернулли, и достаточно туманная, чтобы она не смогла уловить ее смысл.

Но память тела, асфиксия, опять привела ее в Базель. И, судя по всему, она снова все поняла, уже во второй раз.

Фредерик Муане хотел контролировать судьбу сестры. Сделать так, чтобы она не знала о смерти матери. Привезти ее в Лилль. Поселить в соседней квартире, чтобы было проще наблюдать за сестрой, манипулировать ею. В любое время входить в ее квартиру и выходить. Подделывать данные в ее электронном органайзере. Стирать, добавлять, изменять. Использовать все возможное, чтобы защитить ее. А заодно не дать ей приблизиться к правде. Манон, без сомнения, почувствовала это, хотя и не могла знать наверняка. Этим объясняется наличие в ее квартире *panic room* и сейфа с секретными кодами.

В любом случае эта правда страшила Фредерика. Правда, которую желал обнародовать Профессор, помогая Манон. Или используя ее.

Необъяснимо. И уже совсем непонятно, если принять в расчет того человека в сапогах, того самого грабителя, который вернулся три года спустя…

Одно было очевидно во всей этой истории: математически одаренная девушка, страдающая амнезией, находится в серьезной опасности, где бы она ни пряталась.

Но совершенно не подозревает об этом.

33

Ордер на обыск квартиры Фредерика Муане был получен немедленно. По словам представителя генеральной дирекции «Air France», с компанией «Эстерия» действительно была назначена встреча, однако Фредерик Муане на нее не явился. Он также не вселился в забронированный им номер отеля и не отвечал по мобильному телефону. Со вчерашнего вечера, а именно с 21 часа, он просто-напросто исчез.

В квартире молодого главы фирмы возле компьютера суетился специалист по вычислительной технике. Люси подошла к нему. Тот выглядел очень озадаченным. Со щелчком стянув латексные перчатки, он вернул на место центральный процессор.

– Нет жесткого диска. Он вырван. Эту машину невозможно заставить говорить.

Люси незаметно зевнула.

– А защитных копий тоже нет? На флешках или дивиди?

Эксперт смущенно принялся открывать ящики:

– Видите, все утащили. Посмотрю, вдруг у интернет-провайдера можно получить его имейлы. В любом случае с теми, которые он еще не прочел и которые, следовательно, пока находятся на SMTP- сервере[31], проблем не будет. Но, похоже, мы немного опоздали.

Подошел капитан Кашмарек. Он всю ночь не мог уснуть и читал досье Профессора.

– По словам нашего специалиста по замка́м, дверь была взломана, – сообщил он, энергично потирая щеки ладонями. – Работа чистая и незаметная. Профессионал.

– По всей видимости, это сделал человек, который пытался убить Манон, – сказала Люси. – Он должен был вернуться сюда, чтобы скрыть следы своего присутствия, прежде чем заняться сестрой. Зачем? Что мог скрывать Фредерик Муане?

Кашмарек поморщился. Специалист из криминалистической лаборатории снимал отпечатки пальцев возле компьютера, другие полицейские обыскивали ящики и шкафы.

– В наших же интересах разобраться с этим дерьмом, пока на нас не набросилось начальство. Эта история у них уже в зубах навязла.

– Если бы Тюрен не облажался, потеряв Манон, нас бы здесь не было. Надеюсь, вы доложили об этом инциденте в Париж?

– Пока нет.

– Но почему? Он совершил грубую ошибку! Он отвечал за Манон!

Кашмарек сурово посмотрел на Люси:

– Не лезь в это дело, ладно?

Люси не моргнув глазом выдержала его взгляд:

– Вроде у парижанина есть связи, верно?

– Не забывай, что разговариваешь со старшим по званию, так что лучше попридержи язык!

И Кашмарек тут же сменил тему. Он это умел.

– Ладно! Давайте-ка не будем терять время и сосредоточимся на расследовании! Итак, что мы имеем? *Primo*, парень, возможно, тот же самый, что совершил псевдоограбление три года назад. Теперь он проникает к брату и вторично пытается задушить сестру, от которой и след простыл. *Secundo*, брат – лжец, манипулятор, скрывает важнейшую для нашего расследования информацию. Тоже недоступен. И *tertio*, вишенка на торте, псих, который скармливает ракушки своим жертвам, вернулся к нам после четырех лет спячки.

Загибая пальцы, Кашмарек принялся перечислять:

– Душитель, брат, Профессор. Да, не забудем еще сестру. Испарившуюся. И кто же получил выигрыш по ставке на эту фантастическую четверку? Я, великолепный и пламенный капитан криминальной полиции Лилля!

– Даже если нам кажется, что дело чересчур путаное, я убеждена, что все внезапно разрешится. Уже слишком… накипело.

– Ты мне будешь говорить! Вот жахнет нам прямо в морду, да-да! Если брат и Манон окончательно исчезли, мы возвращаемся к тому, с чего начали. И нам всем дадут пинка под зад.

В дверях возник майор Грё с телефоном в руке. Позади него по коридору сновали полицейские в форме.

– У меня есть для вас два важных сообщения! – Он протиснулся между Люси и капитаном. – Первое: в квартирах, где идет ремонт, обнаружили четыре зубила. Одно из них, похоже, соответствует описанию, данному палеонтологом. Приблизительно три сантиметра в ширину, край точно совпадает со следом на куске аммонита. Сейчас его привезут в лабораторию, чтобы сличить зазубрины.

От этой новости Люси онемела. Прежде чем высказать свои соображения, Кашмарек принялся мерить шагами помещение:

– На долю секунды представим, именно представим, что Фредерик Муане – это Профессор. Как бы он мог тогда убить свою сестру Карину,

если находился в Штатах вместе с Манон? Мы еще раз проверили, все его алиби неопровержимы, включая те, что касаются остальных жертв Профессора. Физически это не мог быть он! Но забудем о законах физики и вообразим, что он в десять раз лучше Дэвида Копперфильда. Для чего ему возвращаться через четыре года, убивать старую садистку и похищать собственную сестру, зная, что это неизбежно привлечет к нему внимание? Для чего похищать сестру, которую он пытается защитить, вынуждая ее посещать занятия по стрельбе или самообороне? В этом нет абсолютно никакого смысла!

Люси щелкнула пальцами:

– Или же кто-то другой, возможно, хотел перевести стрелки на Фредерика Муане…

– Кто?

– Сам Профессор, который пытается нам что-то показать. Что-то, что третий негодяй, псевдограбитель, любой ценой хочет скрыть. Вспомним, что Профессор похитил Манон, что он мог бы убить ее, однако не причинил ей зла, не совершил над ней насилия. А сегодня он направляет ее в Базель, по следу, который с самого начала скрывает брат. Профессор, грабитель и брат связаны каким-то… отсутствующим звеном. А отсутствующее звено это – память Манон. Другого объяснения я не вижу.

Не отвечая, Кашмарек оперся о стул. Грё покашлял. Капитан кивнул ему, предлагая продолжать.

– Другая информация получена нами от графолога, который анализировал десятичные знаки числа «пи» в доме с привидениями в Эме. Вообще-то, невразумительная штука, но она может совпадать с тем, что вы говорите. Во всяком случае, насколько я понял. – Кашмарек глубоко вздохнул. – Ну давай, что там у тебя?

Майор вынул из кармана документ:

– На стенах было выведено две тысячи четыреста четыре десятичных знака числа «пи». Кстати, две тысячи четыреста четыре – это 24.04, дата смерти Дюбрей. Но перейдем к деталям. Поначалу графолог сообщил, что мы имеем дело с левшой, помните?

– Точно…

– Однако впоследствии он обнаружил серии цифр, написанных правой рукой. Этот феномен, если быть точным, повторяется девять раз, в разных, удаленных одно от другого, местах. И всегда это шесть-семь последовательных цифр…

Люси и капитан удивленно переглянулись и одновременно задали один и тот же вопрос:

– И что?

– Был проведен эксперимент. Обмакнув кисть идентичного размера в краску, можно написать именно шесть или семь цифр, прежде чем придется снова окунуть кисть в банку. Теперь графолог уверен на сто процентов, что на самом деле этот человек – правша или амбидекстр. Цифры, выведенные правой рукой, выглядят более естественно. Он считает, что Профессор несколько раз забывал писать левой рукой и замечал это, только когда снова обмакивал кисть.

Люси отбросила волосы назад и предположила:

– Выходит… Профессор хотел, чтобы его приняли за левшу. То есть снова хотел подвести нас к Фредерику Муане!

Она уже не могла остановиться.

– Я могу даже предположить, что он способен на еще большую хитрость, – добавила она. – А что, если вообразить, что Профессор пришел и подбросил сюда зубило, чтобы мы получили еще одну улику против Муане?

– Как ты это себе представляешь? Он стащил зубило, выломал окаменелость и положил его на место? – перебил ее Кашмарек. – Да еще догадался, что наш палеонтолог направит нас по этому следу? Ну хватит, Энебель! Будь последовательной!

Люси нервно теребила белокурую прядь.

– У меня есть еще предположение и почище… А что, если это Профессор «заставил» Манон посещать занятия? И это он управлял ее органайзером, чтобы она смогла защититься от грабителя и добраться до правды?

– Да ты бредишь!

– Однако такая гипотеза имеет право на существование. Возможно, он входит в контакт с Манон, когда ему заблагорассудится. Достаточно того, что его фотография есть в ее органайзере. И даже… Если он имел доступ к аппарату, сейчас он уже мог стереть ее… Он наверняка испытывает потребность поговорить с нами. Чтобы оказаться на виду, чтобы блистать. Или показать нам, до какой степени мы глупы. Нам уже приходилось распутывать сложные дела, но должна сказать, это заслуживает «Золотой пальмовой ветви».

Ее мобильник начал вибрировать. Незнакомый номер. Люси извинилась и ушла вглубь комнаты.

На другом конце линии женский голос:

– Главное, не называйте меня по имени и отвечайте только «да» или «нет». Вас действительно зовут Люси Энебель?

– Да.

Молчание. Потом:

– Вы одна?

– Нет.

– Останьтесь одна. Малейшее ухищрение с вашей стороны, и я разъединюсь. У вас десять секунд. Вперед!

– Подождите…

Люси знаком дала понять капитану, что это личный звонок, и вышла на улицу.

– Манон! Скажите, что у вас все в порядке!

– Все в порядке. Вы обещали помогать мне, вы ведь помните?

– Да, помню.

Скрежет металла, приглушенный двухтактный звук, чего-то тяжелого, разрезавшего воздух. Никакого сомнения – Манон в поезде.

– Я записала у себя в органайзере, что могу доверять вам. Скажите, что я не ошибаюсь. Скажите.

– Вы не ошибаетесь.

– Можете записывать? – спросила Манон.

– Секундочку…

– Быстрее!

Люси вытащила из кармана куртки блокнот. Ее била мелкая дрожь.

– Я… Я вас слушаю.

– Отлично. Будьте внимательны, потому что повторять я не буду. Вы сейчас отправитесь в деревню, которая называется Трегастель, это на северном побережье Бретани. Там вы пойдете к пляжу и найдете гигантскую скалу в форме черепа. Она выдается далеко в море, добраться до нее можно по другим скалам. Дойти надо до самого края. Один совет: обувь не должна скользить. Вы…

– Дайте записать!

– Быстрее! Быстрее!

– Бретань… Трегастель… Пляж… Скала в форме черепа… Записала.

– Из Лилля с хорошей скоростью вам ехать часов семь. Найдите какой-нибудь предлог для своего начальства и отправляйтесь в Бретань. Ждите меня там в двадцать часов. У меня есть ваша фотография, я хочу видеть только вас, и никого больше. Если замечу, что вы приехали не одна или что за вами следят, тут же уничтожу новые сведения, которые я собрала, и все пропадет. Я понятно объяснила?

– Но почему одна? Мои коллеги могли бы помочь вам!

Манон перешла на шепот:

– Нет! Я не хочу, чтобы мне мешали действовать. И чтобы задавали вопросы. Я хочу получить шкуру Профессора. Хочу убить его собственными руками.

– Вы отдаете себе отчет в том, о чем просите? Я не могу!

– Двадцать часов. Не опаздывайте. Если вы пропустите нашу встречу или если я пойму, что вы хотите меня обмануть, я отправлюсь туда одна… В преисподнюю…

– Не делайте этого! Это будет самоубийством!

– Тогда присоединяйтесь ко мне. Мое будущее, моя жизнь зависят от вас. От вас одной. И привезите мне мою «беретту», я знаю, что она в полиции, – это записано у меня в органайзере. Не забудьте ее.

В трубке раздались гудки.

Люси почувствовала спазмы в желудке. «Боже мой, Манон, на что ты меня толкаешь?» – подумала она, растирая ноющие виски.

Чтобы помочь Манон, ей придется действовать вопреки своим убеждениям. Солгать начальству. Обмануть дочек.

Люси обернулась и увидела стоящего в дверях Кашмарека. Он с озабоченным видом подошел к ней, держа в зубах сигарету.

– Похоже, тебе нехорошо. Ты белая как мел. Дурные новости?

Люси не успела подумать и сказала первое, что пришло в голову:

– Это… по поводу моей матери… Она… в больнице. Попала в аварию…

– Вот напасть! Что-то серьезное?

Люси чуть не плакала. Нет необходимости что-то разыгрывать, ее поведение ей самой кажется мерзким.

– Врачи пока не знают… – Она вынула носовой платок и приложила к глазам. – Я должна ехать в Дюнкерк… Немедленно…

Кашмарек положил руку ей на плечо:

– Для меня это не лучший момент, знаешь?

Он встряхнул ее, как бы призывая собраться. Он редко видел Люси в таком состоянии.

– Спасибо, капитан.

– Держи меня в курсе. И воспользуйся визитом в больницу, чтобы подлечить свою чертову голень.

Люси кивнула и, слегка прихрамывая, поспешно удалилась.

Что она сделала? Какую грань преступила? Ведь она давала присягу как лейтенант судебной полиции, призванный бороться с преступностью!

А если все плохо кончится? Если прольется кровь? Правосудие настигнет ее. Тогда только тюрьма.

Мчась на стареньком «форде» по улицам Лилля, она пыталась убедить себя, что сделала правильный выбор. Надо забрать близнецов из детского сада, отвезти их к матери в Дюнкерк, а потом стремглав лететь к изрезанным берегам Бретани. Снова покинуть малышек.

Когда же она наконец станет воспитывать их как «нормальная» мать? Эта работа когда-нибудь доконает и ее тоже. Как до этого уже разрушила столько семей. Люси рисковала своим местом, карьерой, может быть, даже жизнью. Но Манон доверяла ей. Не говоря уже о том, что она сама обещала…

Манон, дочери… Дочери, Манон…

Она резко затормозила на красном сигнале светофора, в последний момент чудом избежав столкновения.

Завтра у нее день рождения. Тридцать три года. Где она будет праздновать? В каком гнусном месте?

Слишком поздно. Решение принято. Теперь надо идти до конца. В неизвестном и, несомненно, опасном направлении.

«Преисподняя», – прошептала Манон.

Люси включила радио на полную громкость и попыталась не думать больше о последствиях своего поступка.

Во всяком случае, сперва надо отвезти малышек к бабушке.

Они единственные способны заставить ее бросить все.

34

Фронт низкого давления распространился над Сен-Бриеком. Мощная черная спираль с поразительной скоростью поглощала дневной свет. По всей Франции передавались тревожные метеосообщения: невиданные за всю историю осадки, сопровождающиеся ужасающими порывами ветра, в ближайшее время обрушатся на страну с запада на восток. Нечто невообразимое.

Люси потерла глаза. Усталость, дорога, дождь и тревоги – все смешалось, отдавая горечью. Она снова взглянула на фотографию своих девочек на брелоке. Клара и Жюльетта. В конечном счете единственное ее достижение в этой мерзкой жизни полицейского. Только подумать, что в этот самый момент она могла бы сидеть рядом с ними, гладить по голове, ласкать, а не мчаться навстречу сомнительным приключениям.

В один прекрасный день это должно закончиться. Ради девочек – чтобы они росли счастливыми и уравновешенными, а не оставшимися без матери, которую обнаружили мертвой где-то на углу безымянной улицы. Но она не умела делать ничего другого. Преследовать зло было делом ее жизни.

Вдалеке то и дело вспыхивали молнии, в их белесом свете она поклялась себе сжечь книги, свидетельства, страшные документы, DVD – все содержимое своего потайного шкафа. Вернуться домой и жить, не задавая себе вопросов, не размышляя. Спалить Химеру.

И покончить с «Meet4Love». Зачем обязательно кого-то искать? Чтобы опять страдать? Мужчины – это только лицемерие и ложь. Самый яркий пример тому – Фредерик Муане.

Она свернула с трассы D767 в сторону Ланьона. На дорогах пусто. Как будто бретонцы, предвидя грозу, попрятались за своими толстыми каменными стенами.

Уже почти семь вечера. Чуть больше часа остается до встречи.

Наконец она въехала в Трегастель, ее не покидало странное ощущение, что несчастье вот-вот произойдет. Впрочем, было бы приятно прогуляться по этой прибрежной деревне в разгар лета, насладиться купаниями, подышать насыщенным йодом воздухом, побродить по местному рынку с бретонскими сдобными пирогами кунь-аманами и крепким сидром. Но сейчас… морской курорт скорее нагонял тоску. И страх.

Люси припарковалась у моря. Потоки воды хлестали прямо в лицо. К

счастью, она оделась соответственно погоде, в непромокаемую форму, защищавшую ее с головы до самых ботинок.

Молодая женщина спустилась к пляжу и направилась к хаотическому нагромождению скал. Низко наклонив голову, с фонарем на поясе и «зиг-зауэром» под мышкой, она поднялась по тропинке, прячущейся среди гигантских глыб розового гранита. Разбушевавшиеся, огромной протяженности волны, раскручиваясь, падали вниз, разверзаясь перед ее глазами бескрайними зловещими полосами пены. Вдали высилась огромная скала в форме черепа.

Скоро совсем стемнеет. Медлить было нельзя.

Дойдя до конца тропы, продрогшая, насквозь продуваемая ветром, Люси полезла на скалы. Много раз она скользила и оступалась. Вокруг с оглушающим грохотом бились о камни волны, взрываясь белесыми снопами. Один неверный шаг – и тогда неминуемо падение, разрыв тканей, а потом смерть в ледяной воде.

«На краю, – сказала Манон. – Идите к самому краю». Люси двинулась вперед, голень нестерпимо горела. Много раз ей казалось, что здесь она и погибнет, но в конце концов она все же добралась до глыбы неимоверной высоты, по форме напоминающей череп – с двумя впадинами, наподобие пустых глазниц. Она удерживала равновесие, держась за другую исполинскую скалу. Люси укрылась под этим невиданным сооружением природы и наконец смогла присесть, согревая руками ноющую мышцу.

А море, грозное, алчущее море, продолжало ворчать.

20:10. Несмотря на шерстяной свитер, флисовую кофту и непромокаемую куртку, Люси дрожала от холода. Ветер и ледяная пыль секли лицо. А если Манон не придет? А если с ней случилась беда? «Не опаздывайте», – предупредила она.

Люси осмотрелась: постепенно погружающийся во мрак колдовской пейзаж. Через пять минут надо непременно двинуться к берегу. Пробираться в темноте по этим утесам равносильно самоубийству.

Сквозь грохот волн и завывания ветра лейтенант Энебель различила какие-то звуки слева от себя. В полумраке вырисовывался промокший силуэт.

– Манон!

Люси поднялась. Она почувствовала, как внезапно по ее телу разлилось тепло. Манон была здесь, прямо перед ней. Наконец-то…

Девушка глянула на экран органайзера, защищенный герметическим футляром, висящим у нее на шее. Флуоресцентное сияние дисплея осветило ее утомленное лицо.

– Спасибо, что пришли, – сказала она, переведя дух. – Я не думала, что стихия так восстанет против нас. Но хотя бы… я уверена, что вы одна…

Не раздумывая, Люси обняла ее и изо всех сил прижала к себе. И в ответ ощутила руки Манон на своей спине.

– Манон… Я так боялась за вас…

Они спрятались под скалой, и девушка снова посмотрела в органайзер.

– Отдайте мне мою «беретту».

– Мне очень жаль, но ее невозможно было забрать, ведь это вещественное доказательство.

– Я же вас предупредила!

– Я не могла, вы должны мне верить!

Манон потянула за лямки своего рюкзачка и сжала губы.

– Ладно… Я… Я думала, сегодня вечером мы сможем выйти в море, но… но ни один моряк не согласился в такую погоду…

– Выйти в море? Но…

Манон приложила палец к губам Люси:

– Тсс! Я вам все расскажу, когда мы окажемся в тепле… Один мой друг разрешил переночевать в своем летнем домике, я когда-то проводила там бóльшую часть каникул. Это в Требердене, в нескольких километрах отсюда. Моряк Эрван Мальгорн заберет нас завтра утром, в шесть тридцать из Перро-Гирека. Будь то дождь или ветер, Эрван не подведет и доставит нас туда… хотя место, куда мы направляемся, запретное.

– Запретное?

Манон посмотрела на Люси, и ее лицо смягчилось.

– В путь… Мы обе нуждаемся в горячей ванне и отдыхе… – Она вдруг поцеловала Люси в щеку. – Я знаю, что мы знакомы, Люси. Хотя я храню об этом лишь искусственно созданное воспоминание, я знаю, что мы знакомы. И я верю… нет, я убеждена, что вы хороший человек. Потому что вы здесь, у черта на куличках, со мной…

35

Фредерик Муане вышел из машины с номерным знаком департамента Мен и Луара и побежал к рыбному магазину, накрыв голову плащом. Хозяин уже опускал металлические решетки. Фредерик забарабанил в витрину:

– Подождите!

Торговец нахмурился и ткнул пальцем в табличку на двери:

– 20:20! Мы уже час как закрыты!

– Одну минуту, прошу вас! – сказал Фредерик, в его голосе звучали нервные нотки.

Торговец рыбой разглядел поодаль неподвижную тень, прислонившуюся к автомобилю. Еще один парень, который ждал под зонтиком и непрерывно щелкал зажигалкой. Это уже попахивало неприятностями. Продолжая нажимать на кнопку закрывания решетки, торговец сдавленно пробормотал:

– Ва… Валите отсюда!

Фредерик быстро огляделся, вытащил из кармана куртки револьвер и приставил ствол к витрине. Его галстук развевался на ветру.

– Открывай, или я выстрелю! Стекло не помешает мне продырявить тебе башку!

Торговец рыбой поднял руки. Решетки замерли на середине пути.

– Я не говорил тебе поднять руки, я попросил открыть! Ты что, нарочно? Последний раз повторяю!

Онемевший от ужаса, торговец пустил механизм в обратную сторону и отпер дверь. Фредерик ворвался в лавку. Его пальцы, сжимавшие рукоять оружия, дрожали.

– У меня… У меня нет денег, – промямлил хозяин. – Прошу вас… Здесь ничего нет, что…

Черты Фредерика выражали усталость и одновременно крайнее напряжение. Взъерошенные волосы, рубашка, выбившаяся из брюк, – он походил на собственную тень.

– Нет, есть! – заявил он. – Есть именно то, что мне нужно в вашей лавке.

Он ткнул пальцем в сторону прилавков. Торговец удивленно оглянулся:

– Рыба? Только не говорите, что вы… грозите мне пистолетом, чтобы

украсть рыбу.

– Я не собираюсь у вас ничего красть, я куплю. И мне нужна не рыба…

– Тогда что же?

– Кальмары.

– Кальмары?

Фредерик со вздохом опустил оружие:

– Да, кальмары! Твои вонючие кальмары! Так что давай, обслужи меня, пока я всерьез не разнервничался!

Ошарашенный торговец двинулся к прилавку. Этот тип заставил его открыть магазин, целился из пушки, чтобы купить кальмары…

– Сколько вы хотите?

– Все! Кладите все, что у вас есть.

Торговец выпучил глаза:

– Но у меня не меньше пятнадцати килограммов!

– Значит, я беру все пятнадцать! Я понятно выразился?

– Очень понятно…

Хозяин лавки запихал морепродукты во множество пластиковых пакетов. Запах соли, водорослей, всего, что могло принести море, заполнил помещение.

Фредерик подхватил пакеты и повернулся, чтобы уйти:

– Я оставил на прилавке сто евро, думаю, этого достаточно. Спасибо за услугу. Перро-Гирек – славный городок.

И он исчез под дождем так же стремительно, как появился.

36

В доме, построенном из столетних камней, было не топлено. Хозяин оставил ключи под гранитным вазоном, как в те времена, когда Манон приезжала сюда на каникулы. Это была переоборудованная под квартиру одноэтажная постройка со старыми ставнями, исхлестанными суровыми западными дождями, и десятком комнат. Чарующее место, откуда можно было любоваться протянувшимися внизу изрезанными берегами.

Дрожа под одеялом, Люси растирала голень, стараясь унять боль. Манон вооружилась несколькими листами бумаги и маркером, которые вынула из рюкзака.

– Мне сейчас придется кое-что записать и развесить по стенам, многие вещи, наверное, покажутся вам странными, но… если я этого не сделаю, я могу…

– Свихнуться, озвереть, сорваться? – Люси указала пальцем на свой лоб. – Или отлупить меня дубиной по голове до полусмерти?

Манон подошла и осторожно прикоснулась ко шву над бровью.

– Ой, только не говорите мне, что…

– Да-да, именно вы. Но все в порядке, не беспокойтесь.

У Манон были теплые и по-детски нежные пальцы. Она склонилась к Люси, так что ее губы оказались совсем близко.

– Вы уверены?

– Не волнуйтесь…

Слегка смущенная, Люси незаметно отклонилась и спросила:

– А теперь вы уже можете объяснить мне, почему мы здесь?

– Две минуты. Две минуты, о’кей?

Записав на листках рассказ о прошедших часах и указав повсюду, что Люси сопровождает ее, чтобы помогать, Манон достала из бара в форме бочонка бутылку мартини, провела маркером черту, чтобы отметить уровень жидкости, и налила в два стакана.

– А черта для чего? – поинтересовалась Люси.

– А вы как думаете?

– Чтобы не опустошить бутылку, не отдавая себе в этом отчета?

– Ну да, вот во что я превратилась…

– Не важно, вы отлично справляетесь. В одиночку приехать из Базеля и так далеко продвинуться в расследовании без посторонней помощи… Должна согласиться, что доктор Ванденбюш отличный преподаватель, а вы

его лучшая ученица.

– Вы его знаете?

– Да, немного.

Манон бросила на палас несколько красных кнопок, которые еще держала в своей раненой руке.

– Он наблюдает меня уже, наверное, два года, а я даже не знаю, как он выглядит. У меня в голове иногда звучит его голос. Мне кажется, ему около пятидесяти, седеющий, коренастый. Но очень опрятный и элегантный. Я ошибаюсь?

– Нет, у вас верное чутье. Как я успела заметить.

Манон протянула Люси стакан и устроилась на диване.

– Вы очень миловидная женщина, Люси. Немного… как бы сказать… строгая по манере одеваться и вести себя, но очень симпатичная.

– Я… Как ответить? Благодарю вас…

Чувствуя неловкость, она сменила тему разговора:

– Что мы тут делаем, в бретонской глуши?

Девушка в десятый раз за вечер перечитала сведения, записанные в органайзере.

– Я вам еще не сказала?

– Нет?

– Вообще ничего?

– Вообще ничего. Возможно, из страха, что… я продолжу без вас. Но я вас не оставлю. Я обещала… Вы помните?

Манон встала и взяла карту автомобильных дорог:

– Вернемся к нашим баранам. До моего… несчастного случая я долгими ночами разглядывала карты автомобильных дорог. Я пыталась угадать логические ходы Профессора. Как он выбирает свои жертвы? По каким критериям? Не по социопрофессиональным, они были очень разными. И не по физическим, потому что он срывал зло на мужчинах, женщинах, молодых и не очень, не важно. Тогда я задумалась: почему его жертвы так удалены одна от другой? Зачем доставлять себе столько хлопот, когда достаточно нападать на людей в одном департаменте или одном регионе?

– Чтобы никто не мог уяснить его привычки, его окружение. Это странник. Возможно, населенные пункты он выбирает случайно, как некоторые американские серийные убийцы, свирепствующие во многих штатах. Никаких подозрений.

Манон решительно покачала головой:

– Нет! В истории Профессора, с его жестоким сознанием, случайности

нет места. Вспомните о спирали, о разработке сцены преступления с применением самых строгих математических законов. Мы с… Тюреном ни разу не смогли найти связи между этими людьми, тогда я попыталась понять, нет ли ее между местами, которые выбирает убийца. Нечто из области географии.

Манон указательным пальцем нарисовала в воздухе треугольник:

– Помните равносторонний треугольник между Эмом, Роэ и Ремом? Совершенная геометрическая фигура, новый знак его мастерства. Тогда мы потерпели неудачу. Если взглянуть на города, где были совершены шесть первых убийств, их расположение кажется совершенно случайным, они ничем не связаны между собой. Ни пятиконечной звезды, ни квадрата, ни какой-нибудь каббалистической фигуры…

Люси отхлебнула мартини.

– Действительно… Кажется, просто точки на карте.

– Я так думала до тех пор, пока не обнаружила кресты на спирали Бернулли. Семь штук.

– Вы думаете, что… Они символизируют города семи убийств?

– И да и нет…

Манон приходила все в большее возбуждение:

– Первые шесть крестов действительно означают города, где произошли шесть первых убийств. Но Роэ не относится к спирали. Он находится вне ее.

Она залпом осушила свой стакан, развернула на полу карту и по-турецки уселась перед ней. Люси последовала ее примеру.

– Смотрите, смотрите! У меня что-то щелкнуло, когда я стояла перед спиралью Бернулли. Помните: *«Eadem mutata resurgo»* – «Изменяясь, я вновь воскресаю, подобная себе». Достаточно… достаточно было только воспроизвести эту спираль на карте Франции и увеличивать ее, точно сохраняя форму, пока… кривая не пройдет через города, где были совершены убийства! Кресты идеально совпадают! Посмотрите! – Ее большие голубые глаза заблестели. – Ключом к разгадке оказался Бернулли! Без него невозможно было бы обнаружить связь между этими местами!

Люси внимательно рассматривала нарисованную на карте спираль, которая проходила через серые точки населенных пунктов. Ее палец следовал по кривой до седьмого, и последнего креста, затерянного в море, здесь, в Бретани. Она покрывала светлые пятнышки, изображающие острова.

Но Роэ находился вообще вне этой фигуры, выше, на севере. Почему?

Манон снова плеснула себе мартини и наполнила стакан Люси. Она уже начинала ощущать действие алкоголя. Внимательно посмотрев в глаза собеседнице, она слегка приподняла свитер и рубашку.

– «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». Помнишь, Люси?

Молодая служащая полиции удивилась, что Манон внезапно перешла с ней на «ты». Как долго это будет продолжаться? Несколько минут? Или секунд? Когда она снова станет с ней на «вы»? Достаточно малейшего отвлечения, объяснял Ванденбюш, удара грома, падения какого-нибудь предмета, крика – и возникшее затруднение исчезнет. И между ними не останется никаких чувств, ничего, не связанного с холодным расследованием. И ужас женщины, обнаружившей себя наедине с незнакомкой.

– Люси?

– Да, помню… «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов».

Манон ткнула в Перро-Гирек на карте, потом медленно провела пальцем линию вверх.

– Седьмой крест, который ты здесь видишь, указывает на скопление семи островов, расположенных против Перро-Гирека. И один из них называется…

– Остров Монахов! – зажмурившись, подхватила Люси.

– Точно! И есть еще один остров, рядом с островом Монахов, – остров Рузик, вход на который строго воспрещен. Остров скал и обрывистых утесов, где обитает единственная во Франции колония северных олуш[32]. Каждый год с января по сентябрь там гнездятся более семнадцати тысяч пар птиц. Настоящий бастион перьев и клювов, делающий остров похожим на огромный ком ваты.

Чтобы унять бьющую ее дрожь, Люси принялась растирать себе плечи.

– Отправляйся к Глупцам… К глупым крачкам, северным олушам… Значит, нам надо туда, на остров Рузик, неподалеку от острова Монахов… Брат недооценил вас, когда писал это послание…

– Что?

– Нет, ничего… Мысли вслух. А вы знаете, зачем мы должны туда попасть?

В приливе неожиданной ностальгии Манон принялась рассказывать, не отрывая глаз от орнамента на ковре:

– Я прекрасно знаю те места. Подростками мы приезжали в этот дом на каникулы. Мне всегда нравилась Бретань. Ее суровая красота, сказочное окружение… Хоть я и математик, меня очень интересуют кельтские сказания, эзотерическая атмосфера, где ничего нельзя объяснить строгими

доказательствами.

– Мне тоже, – согласилась Люси. – Я думаю, что некоторые явления вообще необъяснимы…

Допив свой мартини, Манон продолжала:

– С братом и нашими здешними друзьями, у которых была лодка, мы тайком добирались до Рузика. Нам с Фредериком всегда нравилось нарушать запреты, чувствовать себя не такими, как все… – Она откашлялась. – Я не такая, как все, Люси.

– Знаю.

– Я говорю не о своем недуге… А о том… что я чувствую… По отношению к мужчинам, например… Я не лесби, но… не знаю… они меня не привлекают.

Наступило короткое молчание, прежде чем Манон продолжила:

– Потому что у меня есть чувства, понимаешь? Я ведь не машина. Я тоже испытываю желания, у меня есть потребности, определенные пристрастия… Я люблю мороженое, чай с мятой, конные прогулки… Мне нравится красивая одежда, духи – как любой другой женщине.

– Я знаю, Манон. Я начинаю понимать тебя.

В глазах бедной девушки горел темный огонь боли.

– Иногда, видя, как на меня смотрят окружающие, я очень остро ощущаю свою ненужность… Так уже было и с моей профессией. Есть расхожий стереотип математиков – эдакие безостановочно работающие калькуляторы, асоциальные типы, которые несут всякую чушь… Однако это абсолютно неверно! Они размышляют над структурами, теориями, техническими решениями, которые могут изменить образ мысли! Достаточно вспомнить, что в Средние века именно религия определяла рамки реальности! Когда ученым удалось объяснить происхождение молнии или кометы, все изменилось, эти явления стали научными, и люди осознали, что наука способствует прогрессу человечества. Поверь мне, все отрасли математики, как бы абстрактны они ни были, всегда находят совершенно конкретное применение в реальном мире.

Ее глаза загорелись.

– Например, шестнадцатая проблема Гильберта[33], над которой я работала, – одна из знаменитых задач тысячелетия – позволила бы понять, если бы решение было найдено, поведение экосистемы «добыча – охотники». Что произойдет, если на одном острове оставить равное количество овец и волков, а, Люси?

– Э-э-э… Думаю, волки будут есть овец?

– И их тогда станет меньше. А потом?

– Думаю, что нехватка добычи повлечет за собой уменьшение количества хищников, которые будут умирать от голода или начнут пожирать друг друга.

– Вот именно. И следовательно, любое уменьшение числа охотников повлечет за собой увеличение числа добычи, что снова будет способствовать появлению хищников, и так далее. А потом, через год, через десять лет, через тысячу?

Заинтригованная Люси пожала плечами. Манон закончила свое объяснение:

– Решение подобной системы дифференциальных уравнений позволило бы понять демографические изменения видов во времени или вымирание некоторых из них. Так что, понимаешь… Я на самом деле не бесполезный предмет…

Люси хотелось бы взять ее за руку, приласкать, успокоить, но она только сказала:

– Манон, мне известно, до какой степени люди нетерпимы и поверхностны. Они ограничиваются тем, что судят по внешности, не пытаясь смотреть глубже. Впрочем, любая история на этом свете заслуживает того, чтобы быть прожитой. И рассказанной…

– Тогда расскажи мне свою. Откуда у тебя такой взгляд, полный решимости, и почему ты решила прятаться за повадками мужика, хотя… мне ты представляешься такой нежной… такой внимательной и заботливой?

Люси потупилась:

– Зачем, Манон? Через минуту ты уже все забудешь.

Манон резко отпрянула и замерла. На ее глазах выступили слезы.

– Как ты смеешь?

– Манон, я…

– Говоря с тобой, я забыла о своей болезни! Пусть это длилось совсем недолго, но я о ней забыла! Я разговаривала… как нормальный человек, я реагировала, я хорошо себя чувствовала! Да, я бы забыла твою историю, ну и что? Зато я тебя хотя бы выслушала! И хотя бы на короткое мгновение я разделила бы с тобой твои тайны! Кто знает? Быть может, ты бы все рассказала и облегчила душу? Ты… Ты все испортила! Я же сказала, я не машина! Но, похоже, тебе это непонятно!

Обезумев от ярости, Манон поднялась и с силой ударила кулаком по стене.

И вдруг принялась озираться вокруг. Приколотые бумажки, наклеенные листки. «Люси, белокурый лейтенант, сопровождает меня,

чтобы мне помогать». Она взглянула на свои руки. Почему они дрожат? Откуда эти ужасные чувства в самой глубине сердца? Она медленно повернулась. Сидящая на полу незнакомая женщина как-то странно смотрела на нее. Белокурая женщина.

– Что произошло? Почему я рассердилась? На вас, да?

Она увидела расстеленную на ковре карту, спираль Бернулли. Узнала дом своего детства. Бретань. Что она здесь делает?

Люси в растерянности поднялась с пола:

– Да, ты рассердилась на меня. Но теперь это уже не имеет значения…

– Мы… на «ты»? Скажите, что мы здесь делаем?

– Нам бы надо поспать. Завтрашний день обещает быть трудным. Встреча с Эрваном Мальгорном назначена на 18:30… Мы собираемся на остров Рузик…

– С Эрваном? А он-то при чем тут? И откуда вы все это знаете? Зачем мы туда собираемся?

Люси схватила ее за руки.

– Доверься мне, – только и ответила она. – Попытайся принять все как есть, позже ты перечитаешь свои записи. А сейчас, умоляю, давай спать. Если хочешь, я могу лечь рядом, чтобы охранять тебя. Мне кажется, так безопасней.

Прежде чем согласиться, молодая девушка посмотрела на нее долгим взглядом:

– Ладно… Спасибо… Большое спасибо…

Едва Манон зажгла в спальне свет, как Люси рухнула на кровать. Она лежала неподвижно, пока Манон открывала ставни, чтобы проветрить комнату. Потом Люси села и быстро взглянула на висящую на стене акварель. Вдруг она нахмурилась и подошла поближе. Рядом… с картинкой в обои была воткнута красная кнопка, придерживающая рваный клочок бумаги. Именно такими кнопками Манон только что прикрепляла свои записки.

– С каких пор ты не приезжала в этот дом? – спросила Люси.

– С детства. А что?

– А после нападения на тебя? Как ты думаешь, ты могла сюда возвращаться после того, как потеряла память?

– Я бы очень удивилась. С чего бы вдруг?

– Чтобы провести здесь отпуск, например?

– Отпуск? Но для чего мне нужен отпуск?

Люси с сомнением сняла свитер. Совершенно очевидно, Манон уже возвращалась сюда. И теперь об этом не помнит…

Манон присела на кровать:

– Когда-нибудь, надеюсь, все это закончится… И я снова поеду жить в Кан, с матерью. Я нуждаюсь в женском присутствии. Вы понимаете?

Люси не нашлась что ответить. Бедная мать Манон уже давно покоится на глубине двух метров под землей…

Манон без малейшего стеснения разделась прямо перед ней. Она чувствовала, что может доверять этой сотруднице полиции. Ее не оставляло смутное ощущение, что они знакомы, хотя прежде не виделись. Снимая брюки, она обнаружила на трусиках небольшое пятно. Нахмурившись, она повернулась к Люси:

– Скажите, как мы сюда приехали? В Бретань?

Люси вздохнула. Снова та же песня…

– Я приехала на машине из Лилля, а ты из Базеля. Я полагаю, на поезде.

– Базель. Базель. Бернулли. Я ездила туда одна? Вас со мной не было?

– Нет, тебя сопровождал Эрве Тюрен.

Манон побледнела и перепугалась:

– Этого не может быть! Я бы никогда не поехала с ним! Это неправда!

– И все же, поверь мне, ты это сделала… Он убедил тебя, рассказав о Профессоре, утверждая, что он единственный, кто может направить тебя по следу. И ты клюнула на приманку.

Манон бросилась к своему органайзеру, просмотрела последние события, прослушала аудиозаписи и отчеты, сделанные накануне. Люси подошла к ней:

– Манон… Успокойся… Все будет хорошо…

– Нет, все плохо! Что-то произошло! Это пятно! Это пятно на моих трусах! Это сперма!

Бедняжка не сводила глаз с экрана, на котором мелькали фотографии. Базель. Рейн. Собор. Тюрен.

– Подожди! – вдруг воскликнула Люси. – Она подошла поближе. – Пластырь у него на носу…

– Ну и что, что пластырь? – спросила Манон.

– Его не было, когда Тюрен уезжал из Лилля…

Они обменялись тяжелыми взглядами. Пластырь на носу, пятно на трусиках Манон. Тюрен так легко мог изнасиловать ее. Тут Люси вспомнила ладонь полицейского, глубокую рану на ней, которую Люси заметила, когда они обнаружили спящих в машине коллег. Какого черта делал Тюрен среди ночи в тупике Вашэ?

Она протянула руку, чтобы погладить Манон. Но та оттолкнула ее,

поднялась и вне себя, перепуганная, принялась метаться вдоль стен, размеренно колотя по ним кулаком, сжатым с такой силой, что ногти впивались в ладонь. И так продолжалось до тех пор, пока с лица ее не исчезло напряжение, а гнев не уступил место удивлению. Как она оказалась здесь, в Бретани?

Снова те же действия. «N-Tech», чтение информации.

Люси была озадачена. Манон начисто забыла весь эпизод.

Добровольно. Почему? Чтобы избежать необходимости осознать жестокость насилия?

Лейтенант Энебель подошла к девушке и осторожно сняла с нее трусики. Следовало забрать их и отправить в лабораторию на экспертизу. Чтобы убедиться, что Тюрен преступил границу дозволенного.

Манон не сопротивлялась. Не раздумывая, она поцеловала Люси в губы. Та не испытала ни отвращения, ни гнева к самой себе. Только нежность. И простое желание.

– Прости… Я…

– Не извиняйся, – сказала Люси.

Она увлекла Манон к кровати и уложила под одеяло.

– Тебе надо поспать, – шепнула она. – Завтра у нас будет важный день. Когда ты проснешься, я буду рядом.

Манон стало хорошо. Жить надо настоящим. Не пытаться встретиться с прошлым или будущим. Только не сегодня вечером.

– Этот поцелуй, гм…

– Люси, меня зовут Люси…

– Люси… От него мне стало хорошо… Я давно уже не ощущала такой нежности… Пусть я больше не помню ничего о себе, но есть вещи, которые я знаю…

Люси молча отошла от кровати, спрятала трусики в карман рюкзака и глянула на свое отражение в оконном стекле. Она простояла так, не двигаясь, еще долго.

Что с ней происходит? Ее ли это отражение?

– Думаешь, теперь у меня будет ребенок? – неожиданно спросила Манон.

– Что?

Манон смотрела в потолок.

– Ребенок… Его рождение… Я непременно это запомню… Это… Может быть, это откроет какую-то дверь… Дверь в будущее…

– Возможно, Манон… Возможно…

Не произнеся больше ни звука, Люси выключила свет и продолжала

стоять, в темноте глядя на Манон.

Так и есть, этот козел Тюрен изнасиловал ее!

Сколько еще было тех, кто воспользовался ее недугом?

Люси злилась на весь мир. Это в самом деле мир грязи и мерзости. Сейчас ей мучительно недоставало присутствия близнецов.

С тяжелым сердцем она скользнула под одеяло и прижалась к чужому телу, которое ожидало ее. Губы Манон встретились с ее губами. И снова Люси не старалась избежать поцелуя. Как давно уже…

Они обе исчезли под одеялом. Жаркие ласки. Безумие мгновения. Договор, скрепивший окончательную клятву о невозможности пути назад. С этого момента их двое. Они вдвоем до конца…

Спустя час снаружи к окну крадучись приблизилась какая-то тень. Человек прижался лбом к стеклу, в руке у него была зажигалка.

Лейтенант Энебель сидела в кресле, рядом лежало ее оружие.

Придется найти другой способ…

37

– Манон? Ты спишь? Это Люси. Люси Энебель.

– Люси Энебель?

Шумное дыхание в постели. Темнота. Снаружи завывание ветра в кронах деревьев.

– Тсс… Мы в Бретани, приближаемся к Профессору. Спирали…

– Спира…

– Не шевелись. Не задавай вопросов, прошу тебя. Доверься мне. Ты ведь знаешь, что можешь доверять мне? Ты ведь знаешь?

Манон зашевелилась, готовая выскочить из постели. Но быстро успокоилась. Люси Энебель…

– Послушай, я… Мне просто необходимо рассказать тебе… Я никому ничего не рассказываю. И мне плохо, Манон, у меня очень тяжело на душе.

– Люси, я… Мы в постели… В Бретани? Как…

– Тсс… Несколько часов назад ты сказала, что хотела бы услышать мою историю.

Манон придвинулась:

– Если я вам это сказала, я была совершенно искренна. Я…

– Говори мне «ты», Манон. Как прежде, пожалуйста.

– Я тебя слушаю.

Люси не могла решиться, не знала, с чего начать. Она подыскивала слова:

– Семнадцать лет я никому не рассказывала свою историю. Хотя нет, рассказывала, но те люди теперь далеко… То, во что я собираюсь тебя посвятить, не слишком… разумно…

– Давай рассказывай… Не стесняйся.

– Все началось, когда мне было шестнадцать. Я только что поступила в лицей Жана Бара в Дюнкерке. У меня появились головные боли, которые все учащались. Сперва я терпела, все скрывала, потому что… потому что, главное, не хотела попасть в больницу. Мой… мой отец умер от рака легких, и я имела возможность видеть все этапы, через которые он прошел… Химиотерапия, операции… Я не выносила вида крови, я ненавидела эту… атмосферу болезни. До тошноты… Потом многое изменилось… – Люси тяжело вздохнула и продолжила: – Из-за головной боли я перестала встречаться с друзьями, лежала дома взаперти. Даже не могла больше учиться. Это длилось… наверное, месяца четыре или пять, и

никто ни о чем не догадывался.

– Пока не заметила мать. Верно?

– Да… И тогда мне пришлось пройти все обследования. Сканирование, рентген, анализы крови… В конце концов обнаружили какую-то аномалию у меня в голове, в области твердой мозговой оболочки, совсем рядом с мозгом. И очень неудачно расположенную.

– Опухоль?

Люси свернулась калачиком.

– Когда мне сообщили, что вскроют мой череп, чтобы попытаться извлечь эту… эту штуку, я просто… взвыла! Откуда взялся этот ужас? Как он мог поселиться там, в глубине моего тела? За что такая несправедливость? Почему я? Мне хотелось понять, но никто не отвечал на мои вопросы, как если бы… от меня пытались скрыть правду.

Люси вцепилась руками в простыни. Манон нежно прижалась к ней:

– Ну и… Тебя все же прооперировали?

– Разве у меня был выбор? Меня обрили, я потеряла свои прекрасные белокурые волосы, операция длилась больше четырех часов, потому что эта мерзость засела в очень опасном месте, на уровне срединной линии лобной кости… Когда я очнулась и спросила, что это было, мне ответили, что не знают, что эту… «штуку» отправили на анализ в медицинскую лабораторию Дюнкерка. Но по глазам матери я поняла, что она знает…

– Что именно?

– Она не захотела мне сказать. Она всегда чересчур опекала меня, тряслась надо мной, как наседка. Тогда я связалась со своим крестным…

– Почему с крестным?

– Такое совпадение, что как раз в то время он проходил стажировку в той самой медицинской лаборатории. Я позвонила ему и умолила сказать, что же они удалили… Кисту? Опухоль? Сегодня я больше всего на свете хотела бы никогда не знать этого. Иногда бывает лучше не знать.

– Смотря что…

– Через несколько недель после операции он тайком привел меня в лабораторию во время своего вечернего дежурства. Матери я сказала, что пошла в кино… Он мог потерять работу, но сделал это ради меня… И вот я оказалась в самом… психологически страшном месте, какое мне только доводилось видеть… Мы спустились куда-то вроде подземелья… с углублениями, похожими на пчелиные соты… с отвратительными образцами… в банках с этикетками. Кисты, какие-то вязкие ткани, куски мяса… Помню, потолок становился все ниже, в лицо начал дуть ветер, пахло консервантами, гудели морозильники… Мой крестный открыл один

из них, и я увидела банку с большой этикеткой, на которой прочла…

– Свое имя?

– Номер своей страховки… То, по чему нас всех идентифицируют, от рождения, как ты говорила в доме с привидениями в Эме… Мой личный кусок числа «пи»…

Люси провела ладонями по мокрым от слез щекам.

– Знаешь, Манон, эмбрион ежесекундно производит много тысяч клеток. И как по волшебству или, скорее, по колдовству, которое сегодня еще никто не может объяснить, возникают клетки, называемые тотипотентными стволовыми, путем деления они способны дать начало любому клеточному типу организма. Через несколько дней эти стволовые клетки понемногу начинают различаться между собой и специализироваться, по-разному используя одни и те же гены. Сердечные клетки принимаются сами по себе пульсировать, все одновременно. И тогда в материнском животе зарождается жизнь.

– К чему ты клонишь? Я тебя не понимаю… Объясни поскорей, Люси. Объясни…

– Сегодня, именно сегодня ночью мой день рождения… Тридцать три года назад я вышла из живота своей матери… А четыре года назад произвела на свет двух девочек. Кла…

– Клару и Жюльетту… Я выучила…

Люси вдруг захотелось плакать, но она сдержалась. Надо было говорить, говорить еще и еще, освободиться от всей этой мерзости внутри ее.

– Ты знаешь, что называют «поцелуем близнецов»?

– Нет. Люси… Я теряю нить… Давай поскорей.

– Специалистам удалось проникнуть во внутриутробную жизнь близнецов благодаря ультразвуку и последним технологическим достижениям, позволяющим производить съемку внутри человеческого тела. Таким образом узнали, что начиная с третьего месяца жизни близнецы прикасаются друг к другу ручками и ножками, а потом на пятом месяце входят в контакт губами. Этот волнующий момент получил название «поцелуй близнецов».

– Я об этом ничего не знала. Поразительно.

– Да, поразительно. Некоторые исследователи полагают, что такое зародышевое поведение влияет на все развитие ребенка после рождения. Что эти первые мгновения, самые первые движения и реакции сопровождают, поддерживают или преследуют его до самой смерти.

– Но… Ведь нельзя же помнить этот поцелуй, как и вообще любые

события до рождения!

– А вот я, наоборот, убеждена, все, что происходило в материнской утробе, глубоко укоренено в нас, как… как шрамы, которые ты носишь на своем теле, которые будут сопровождать тебя до последнего дня. Почему твое тело иногда что-то вспоминает? Почему младенцы, едва родившись, уже реагируют на материнский голос?

У Манон сохранилось лишь смутное представление о начале разговора, но это было не важно. Здесь, в темноте, она чувствовала себя спокойно. Та, которую она мысленно осмелилась называть подругой, хотела открыть ей свою тайну. Про какую-то «штуку» у нее в черепе.

– Продолжай, Люси. Я тебя слушаю, честное слово, я тебя слушаю.

– У близнецов… Очень часто бывает, что один из двух близнецов берет верх над другим.

– Теория доминирующего близнеца.

– Это не теория. На сей раз дело не в математике. Часто один близнец рождается крупнее другого, потому что присваивает себе больше питания и занимает больше места в утробе… Даже в этом, безусловно, одном из самых таинственных из известных нам мест существуют инстинкты хищничества. Ты говорила об экосистеме жертвы – хищники у животных… Но то же самое относится к жизни в материнской утробе.

Люси сделала глубокий вдох.

– У меня в квартире есть шкаф… с тонированными стеклами, в котором хранится… моя история. Из-за него я не могу не ходить на вскрытия… потому что я ищу, Манон… я ищу…

– О чем ты, Люси? Что ты ищешь?

– Ответ на вопрос…

– Но, Люси… Что ты такое говоришь? Это какая-то бессмыслица!

– Я… Сама не знаю. Я Химера, Манон… Химера…

– Химера? Мифологическое чудовище?

– Еще хуже…

Манон кончиками пальцев гладила Люси по волосам:

– Скажи мне, что там, в твоем шкафу.

– Во-первых, два снимка УЗИ. На первом – сестры-близнецы на четырнадцатой неделе беременности их матери.

– Клара и Жюльетта. А на втором?

– Я…

Люси вдруг резко села в кровати, она была напряжена, все чувства обострены.

– Слышала? – прошептала она.

– Что?

– Какой-то шум. У двери!

Люси выскочила из постели, торопливо натянула штаны и футболку, надела ботинки и бесшумно подхватила свой «зиг-зауэр».

– Оставайся здесь…

И она исчезла в темноте.

Вдруг возле двери раздался сильный шум, затем послышался скрип гравия, звук шагов… Кто-то убегал.

Люси выскочила из дому на холод, вцепившись обеими руками в оружие. Ее мышцы напряглись.

Через ограду сада метнулась и исчезла в темноте какая-то тень.

– Ну уж не в этот раз, мерзкая тварь…

Люси перемахнула через преграду, постаралась приземлиться осторожно и бросилась вслед за убегающим незнакомцем. Топкая почва смягчала движения. Воспаленная мышца пока выдерживала. Пока.

Несколько раз поскользнувшись, тень свернула влево и углубилась в подлесок.

Люси очень скоро удалось сократить расстояние. Человек, бежавший впереди, снова упал. Его грудь опускалась и поднималась. Он перевернулся, выдыхая в морозный воздух облачка пара. Потом попытался подняться, ухватившись за толстый корень.

– Не шевелись, или я стреляю! – крикнула Люси, целясь в него с десяти метров. – Клянусь, я это умею! Ни шагу! Посмей только двинуться с места!

Беглец замер на четвереньках, словно загнанный волк.

– Нет! Нет! – воскликнул он. – Не надо!

Люси опустила голову и осторожно подошла ближе. Этот хрупкий силуэт. Этот резкий голос… Неужели…

– Повернись!

Перед ней – искаженное ужасом лицо подростка. Шестнадцать-семнадцать лет максимум. Люси оставалась настороже.

– Что ты делал возле двери? Зачем пытался войти?

– Я… не пытался войти! Мне… мне просто сказали… немного пошуметь! И все! Только пошуметь и убежать!

– Что ты несешь?

Мальчишка расплакался:

– Это… Это правда! Возле порта ко мне подошел какой-то человек… Заговорил со мной, дал мне денег и попросил прийти сюда в час ночи и пошуметь! Он… От него воняло кальмарами!

Внезапно Люси ощутила, что силы покидают ее.

В ловушке…

Она порылась в карманах. Наручников не было.

– Оставайся здесь! Потому что я все равно тебя найду!

Она знала, что больше никогда его не увидит. Но либо он, либо Манон.

Не раздумывая, Люси бросилась к дому. Подлесок. Море грязи. Ограда. Гравий аллеи.

Распахнутая входная дверь билась о стену.

Следы грязи на ковровом покрытии. Чужие следы.

В спальне пусто.

На полу валялся «N-Tech» с разбитым экраном…

38

– Эрван? Вы Эрван Мальгорн?

Слабые лучи утренней зари осветили мужчину в красной непромокаемой куртке и желтых рыбацких штанах. Он явно кого-то ждал в порту. Люси представляла себе старого морского волка с густой засаленной бородой и резкими чертами лица. Но он оказался совсем другим. У Эрвана было узкое лицо, длинные черные бакенбарды и аккуратная прическа. Примерно лет тридцати. Рыбак нового поколения.

– Где Манон? – спросил он, с недоверием глядя куда-то поверх плеча Люси.

Круги под глазами, потрескавшиеся от морского воздуха губы. Лейтенант полиции сжала кулаки под непромокаемой накидкой.

– Не знаю. С вами поеду я.

Стиснув зубы, Эрван потер ладони. Вдали, между восходом цвета кипящей лавы и непроглядной тьмой вод, понемногу занимался день.

– Она говорила мне о кудрявой блондинке! – прокричал он, стараясь перекрыть сильный порыв ветра. – В случае, если она не придет!

Люси откинула и снова натянула капюшон.

– Кудрявая блондинка! – повторила она.

– В таком случае не будем терять время! Рыбацкая лодка пришвартована на пирсе, метрах в ста.

Он поднял воротник куртки.

– Море плохое, но судоходное. Надеюсь, вас не укачает.

– Посмотрим!

И, согнувшись под порывами ветра, они молча двинулись по пирсу. В порту беспорядочно раскачивались пришвартованные суда. Фалы хлестали по мачтам, металлические корпуса бились о воду. В открытом море буквально бушевали волны.

Эрван поднялся на борт своего судна и помог Люси.

– Рузик всего в нескольких милях, мы будем там через четверть часа! – сказал он, надевая на Люси спасательный жилет.

– Вы знаете, какого примерно размера этот остров?

– Совсем маленький! И там ничегошеньки нет! Только отвесные утесы и птицы! Скажите! Что вы собираетесь там делать?

– Понятия не имею!

– Похоже, вы вообще мало о чем имеете понятие!

Они укрылись в рубке. Эрван зажег габаритные огни, активировал экран радара и повернул ключ.

Заворчал мотор, выпустив струю густого черного дыма. Переборки и стекла дрожали, лампа на потолке раскачивалась и мигала. Все вибрировало, вниз, вверх. Люси почувствовала, как ее охватило странное ощущение силы. Невидимая энергия толкала ее вперед, в открытое море, в темноту. Рыбацкое судно вышло в фарватер, миновало два проблесковых бакена, ринулось в волны и исчезло за горизонтом.

Люси устроилась на металлическом подоконнике и устало сжалась, закрыв лицо руками. По нему медленно потекли слезы. Ее сердце обливалось кровью всякий раз, как она представляла себе сияющую улыбку Манон, ее любознательные глаза. Молодая женщина так внезапно появилась в ее жизни… Люси попыталась обуздать свои мысли, не твердить, что, возможно, никогда больше не увидит свою возлюбленную на одну ночь, свою наперсницу, ту, что в конечном счете стала одной из ее немногочисленных друзей…

Люси Энебель неловким движением утерла слезы. А она-то? Она, лейтенант полиции? Что станет с ней?

Перед тем как пойти к Эрвану, Люси убедила себя в необходимости скрыть от начальства все следы своих встреч с Манон, а главное, не рассказывать о ее очередном исчезновении. Она сорвала со стен каждой комнаты все бумажки и кнопки, старательно сложила одежду Манон и убрала все в багажник своего «форда». А ключ от входной двери просто положила на прежнее место, под гранитный вазон.

Никто в тот вечер не приходил в этот бретонский дом. Ни она, ни Манон.

Люси не хотела потерять свою работу. Просто не могла – вопрос жизни и смерти. Работу, которую она любила больше всего на свете. Работу, которую ненавидела.

Кто похитил Манон? Профессор? Человек в сапогах с подковками? Защитник? Где ее удерживают? Где обнаружат ее труп?

Лейтенант полиции провела дрожащими пальцами по разбитому экрану органайзера, снова попыталась включить его. Безуспешно.

– Берегись! – крикнул Эрван.

В оглушающем грохоте Люси швырнуло на пол. Она ухватилась за какой-то шаткий поручень. Эрван, крепко сжав обеими руками штурвал, пытался выровнять лодку. Волны разбивались о нос судна, их смертоносные тиски смыкались на форштевне.

– Мы попали в отбойную волну! – выкрикнул рыбак. – Я

предупреждал, что будет качать! Все в порядке?

– Как сказать… – ответила Люси, подбирая расколовшийся надвое органайзер.

– Подходим! – объявил Эрван.

На зеленой поверхности экрана радара вырисовывались семь неподвижных громад, которые вскоре материализовались перед ними, появившись и тут же исчезнув за толщей воды. Рыбачья лодка ушла к западу, на подходе к первым скалам двигатель изменил режим. Эрван действовал точно, не отрывая взгляда от экрана, а луч мощного прожектора прорезал в темноте крошечный конус.

– Сейчас я максимально близко подойду к галечному пляжу, там меньше всего штормит! Придется спустить на воду надувную лодку и грести! Справитесь?

– Справлюсь!

Он удрученно посмотрел на Люси:

– Повторяю еще раз, я считаю, что это самоубийство! Если это плохо кончится, я…

– Знаю, вы меня никогда не видели!

Эрван повернул штурвал, судно опасно покачнулось и приблизилось к берегу.

– Я не могу остаться, – напомнил моряк. – Встречаемся на этом же пляже через три часа. Я приду за вами. Будьте на месте, ждать я не стану.

Эрван выключил двигатели и поспешил из рубки, чтобы отцепить якорь. Люси, спотыкаясь, пошла следом.

– Садитесь в лодку! – приказал он, сунув ей в руки весло. – Сейчас я ее спущу! Быстро! Волны вынесут вас на сушу, но гребите не переставая! Иначе они раздавят вас, как букашку!

Люси бросила испуганный взгляд на берег и прижала весло к груди. Пляж поджидал ее в пятидесяти метрах. Пятьдесят метров… В конце концов она села в лодку.

«Куда ты тянешь меня, Манон? В какую преисподнюю?» – думала она, слушая шлепки надувной лодки о поверхность воды.

– Скажите! – крикнула она вдруг. – Манон уже приезжала повидаться с вами? В последние месяцы?

– Что? – прокричал Эрван, орудуя рукояткой ворота, чтобы поднять цепи.

– …нон… жала… цы…

– Ничего не понимаю! Гребите! Гребите, не останавливаясь, до самого берега!

И утлое суденышко отдалось на волю волн.

Люси изнемогала в борьбе со стихией. Ледяные брызги хлестали по лицу. Повсюду вокруг нее сталкивались, разбивались и разлетались чудовищными снопами водяные валы. Она уже готова была сдаться, когда последняя волна выбросила ее на гальку. Оглушенная Люси поднялась, отчаянным усилием вытащила надувную лодку из воды и без сил рухнула на землю, раскинув руки. Прожектор моторки постепенно исчез вдали.

Одна, в сердце преисподней.

Так, не шевелясь, она пролежала несколько долгих минут, а потом снова открыла глаза.

И тогда они появились, усевшиеся на скалах, похожие на неправдоподобные хлопья.

Тысячи птиц. Мерзкая мозаика уставившихся на нее глаз. От них у Люси в жилах стыла кровь.

И что теперь? Что делать? Где искать? А главное, *что* искать? Какой-то крест на какой-то спирали?

Лицом к лицу с этой враждебной природой, с этой разбушевавшейся стихией, с этими изрезанными утесами она осознала всю глупость своей рискованной вылазки.

«С днем рождения, Люси», – сказала она себе, поднимаясь на ноги.

Засунув окоченевшие пальцы в карманы, она нащупала там обломки органайзера, пропитанные водой, морской солью и песком. С яростным воплем она размахнулась и бросила его так далеко, как могла.

Никто никогда не узнает, что она, Люси Энебель, приезжала в Бретань. Даже бедная, потерявшая память девушка, если ее, конечно, найдут живой.

Сохранить свою работу. Ради дочек. Люси страшно сердилась на себя.

Три часа… Надо прожить три часа, прежде чем отправиться в обратный путь, в Дюнкерк, забрать дочек и продолжать притворяться.

Она никогда не сможет. Во что она превратилась? В какое чудовище?

По возвращении домой все сжечь. Химера. Она непременно должна это сделать.

Совершенно окоченев в своем оранжевом спасательном жилете, Люси решила двигаться. Следовало обойти остров, поискать в ожидании возвращения Эрвана. Три часа…

Она шла, лезла по скалам, миновала галечные бухты, ежеминутно опасаясь нападения олуш… Но груды перьев оставались неподвижными, безучастными. Почему эти птицы пересекают границы, чтобы прилететь именно сюда? Какая таинственная сила движет ими?

Несмотря на скользкие камни и многочисленные препятствия, Люси

все-таки продвигалась вперед. С трудом, но продвигалась. Внезапно она остановилась. Прямо перед ней, в углублении скалы, как будто виднелись какие-то надписи. Она осторожно приблизилась.

Ей не приснилось. Там, на камнях, действительно были зарубки.

Цифры, буквы.

Она прочла, и ее как током ударило. Не в силах устоять на ногах, Люси рухнула на колени.

Она только что все поняла.

Это приключение было всего лишь гигантской каруселью. Могила Бернулли, спирали, седьмой крест…

Оглушенная, она прочла еще раз. Первое послание гласило: «04.06.2006. Бродила часами. Ничего. Абсолютно ничего. ММ».

И второе: «8/10/2006. Еще здесь. Отчаяние. Все без толку. ММ».

Манон Муане, «ММ», уже дважды была на острове, с интервалом в четыре месяца, и собиралась добираться сюда в третий раз.

Она ходила по кругу.

Бедняжка, потерявшая память, думала, что продвигается в своем расследовании, приближается к Профессору. Но на самом деле воспроизводила один и тот же сценарий: удушье, которое пробуждало память тела и проясняло смысл шрама, поездка в Базель к могиле Бернулли, спираль с крестами на карте Франции и, наконец, Рузик, точка падения в небытие.

Но почему же Манон не отметила свои достижения и промахи ни в органайзере, ни как-то иначе? Почему она не помнила ни про Бернулли, ни про Рузик? Почему каждый раз начинала с нуля?

Она непременно должна была делать записи. Но ее «защитник» стирал информацию до того, как она ее фиксировала. Несомненно, он не мог помешать ей приехать сюда, значит он каждый раз уничтожал ее память. Что может быть проще?

И опять все тот же вопрос: брат?

Люси встала, подняла ракушку и швырнула ее в стену. Опять подлая спираль. Спирали, спирали, в небе, на земле. Повсюду, как проклятие.

Вне себя, она снова двинулась в путь. Манон могла без конца ходить по кругу. Но если ее брат или таинственный незнакомец действовали подобным образом, значит от нее хотели что-то скрыть. Этот остров наверняка таит какой-то секрет.

Люси повезет там, где не удалось Манон. Идти до конца. Сдержать свое обещание.

Но еще час поисков – и Люси почувствовала, как мужество покидает

ее. Ничего, абсолютно ничего! Только ледяные брызги, скалы, волны! Она тоже напрасно тратит силы. Люси уже собиралась повернуть назад, когда на краю галечного пляжа увидела странный феномен.

Птицы.

Они сотнями кидались к подножию утеса, летали во все стороны, испуская невыносимо резкие крики.

Что-то привлекало их.

Чтобы понять, что именно, Люси подошла поближе. Олуши исчезали в пещере, на три четверти находящейся под водой. В углублении, которое, похоже, уходило далеко под скалу. Туда вполне можно было попасть на небольшой лодке, например на надувной. Но наверняка в прилив туда было не добраться.

«Может, косяк рыбы, – подумала Люси. – Ну да, всего лишь рыбы».

Внезапно она замерла.

Одна олуша пролетела прямо у нее перед носом.

С глазом в клюве.

С человеческим глазом, висящим на зрительном нерве.

Манон.

Люси прижалась к скале и закричала. Это был крик, полный отчаяния. Она одна, совершенно одна в хаосе этих бескрайних просторов.

Этого не может быть. Страшный сон. Просто страшный сон.

Она подошла к краю пещеры и наклонилась. Мрачные темно-синие глубокие воды. Волны бились вдали, оставив в покое бухту.

Не было времени идти за лодкой. Требуется чуточку безумия, чтобы сделать то, что она собиралась. Ребяческая глупость, полицейская глупость, безбашенная глупость. Люси сделала к пропасти шаг-другой. Медленно закрыла глаза. Мысленно она изо всех сил обняла дочурок и прыгнула солдатиком, вытянув руки вдоль туловища.

Удар. Холод. Мертвый вес собственного тела, тянущий ее в морскую бездну.

Спасательный жилет выбросил ее на поверхность. Она задышала, едва переводя дух, сплевывая соленую воду, поняла, что жива, и отдалась течению, которое понесло ее в пещеру.

Вдруг ее пронзила страшная мысль: а что, если скоро прилив? Как она тогда выберется из этой крысиной норы?

И тут она поддалась панике. Она была, кстати, хорошим пловцом и попыталась бороться с естественным течением воды, размахивая руками во все стороны. Слишком поздно. Ее уже вносило в широкую темную пасть.

Вокруг нее летали олуши – мерзкий эскорт в безвозвратном маршруте.

Люси вытащила из кармана водонепроницаемый фонарик и в его луче увидела, что узкий проход разветвляется на три мрачные галереи. Она последовала за птицами, которые исчезали в левом рукаве. Дальше он снова разделялся на другие тоннели. Настоящий лабиринт. Вода была холодная, но терпимая. И все же Люси чувствовала, как одна за другой деревенеют ее мышцы. Скоро она не выдержит. Новые ответвления. Похоже, она навсегда станет узницей этого лабиринта.

Ухватившись за выступ скалы, она посмотрела назад. Надо возвращаться. Камень был гладкий – вернуться, цепляясь за скалу, не представлялось возможным. И даже если ей удастся добраться до выхода, туда, куда устремлялось море, прибой разобьет ее тело об утесы.

Люси, захлебываясь в рыданиях, отчаянно принялась плыть против течения. Только не умереть. Ее дочери…

Но очень скоро она стала слабеть, перед глазами запорхали воображаемые бабочки – первые симптомы переохлаждения. Скоро последует частичная потеря сознания. А затем полная отключка. Люси замолотила руками, ногти скользили по скале, не находя ни малейшей неровности, чтобы зацепиться. Ее охватил ужас. Она без конца глотала соленую воду.

И вдруг ей показалось, что сквозь мутную толщу воды она видит мерцание света. Это не галлюцинация, Люси была уверена. Там, в самом сердце тьмы, точно был свет.

Тогда она заметила птицу, которая летела в противоположном направлении, к выходу, с кальмаром в окровавленном клюве.

Наконец течение выбросило ее к широкому и плоскому карнизу, куда она с трудом взобралась, скользя и нахлебавшись воды. Она выпрямилась. Губы посинели, с нее потоками лилась вода, она чувствовала себя совершенно раздавленной. Идти, надо непременно идти, чтобы не замерзнуть на месте. Она двинулась туда, где собрались олуши.

Подойдя, она в ужасе поднесла руку ко рту, словно пытаясь сдержать крик.

Перед ней было тело.

Тело, окруженное догорающими свечами. Тело, которое она с трудом узнала.

Люси сделала еще несколько шагов. Желудок свела судорога. Это действительно был он. Фредерик Муане.

Он висел на веревке, со связанными за спиной запястьями.

Грудная клетка была вскрыта и набита кальмарами.

Люси вдруг засомневалась. Загар Муане полностью исчез. Даже труп

не мог быть таким бледным.

Он был в буквальном смысле… лишен пигмента…

Птицы неутомимо бросались на него и острыми клювами вырывали кусочки мяса.

Они разделывали его по косточкам.

Люси отвернулась. Ей понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Прихрамывая, совершенно ошарашенная, она сделала несколько шагов. Окружавшие ее стены были испещрены математическими формулами, уравнениями, написанными красной краской; цифры частично обгорели. Сотни и сотни непостижимых доказательств. Хуже, гораздо хуже, чем в доме с привидениями в Эме. Игровая зона проклятого безумца.

В углу Люси заметила горку кальмаров. Над ней, чуть выше, птицы одна за другой будто вылетали прямо из скалы. Она с опаской подошла и задрала голову. Бледный луч, очень далекий, очень слабый, буравил стену: пробивается дневной свет. Длинная узкая расщелина метров двадцать-тридцать в длину и несколько сантиметров в ширину соединяла эту пещеру с внешним миром. И валявшиеся у ног кальмары, казалось, явились прямо оттуда.

Тогда Люси поняла, что можно добраться до сердца лабиринта при помощи кальмаров и олуш. Действительно, олуши, привлеченные сильным запахом, могли протиснуться в узкую горловину, но не могли выбраться обратно. Значит, чтобы вернуться назад, они обязательно должны были найти себе путь в лабиринте, тревожа других птиц, залетавших со стороны берега и двигавшихся в противоположном направлении. Нечто вроде ведущей к пище нити Ариадны, которой теперь оставалось следовать.

Кто мог придумать настолько сложную, запутанную систему?

Лейтенант полиции снова посмотрела в сторону трупа Фредерика и рискнула взглянуть на его безжизненное лицо. Уцелевший глаз совершенно побелел, радужка стала прозрачной, как у альбиноса. Депигментация, и здесь тоже.

Люси рухнула на землю, ноги не держали ее. Должно быть, вот уже шесть лет, как Зло зарождалось здесь, в этом мраке. А потом торжествовало, поглощая несчастные невинные жизни. Почему, почему, почему?

Она выхватила «зиг-зауэр» и несколько раз выстрелила в воздух, взметнулось облако перьев.

– Оставьте его в покое, мерзкие твари! Оставьте его в покое! Прошу…

Люси заткнула уши и снова закричала так, что ее чуть не вывернуло

наизнанку.

Кошмар еще не закончился.

Позади Фредерика. На абсолютно плоском камне…

Скальпы. Шесть обугленных скальпов, натянутые на скукожившиеся от огня головы пластмассовых манекенов.

Профессор явился, чтобы уничтожить улики. Избавиться от своих трофеев. Теперь стало понятно, почему уравнения на стенах частично обгорели.

Люси простояла так несколько минут, окаменев от ужаса. Птицы вокруг нее продолжали атаковать останки, которые она уже была не в состоянии защитить. Скоро кальмаров не останется, и олуши исчезнут. И тогда будет по-настоящему сложно выбраться наружу. Люси, покачиваясь, поднялась и направилась к воде, которая теперь казалась еще более холодной. Никогда… Никогда она отсюда не выберется… Это конец. И все же стоило попытаться, еще побороться, бросить вызов противнику, как она всегда делала. Не может же она сдохнуть здесь, в этом подземелье.

Люси скользнула в ледяную воду и поплыла вслед за тучей птиц. Но очень скоро она почувствовала, что слабеет. Только злость давала ей силы продолжать. Стоило ей продвинуться на метр, как ее относило назад на два. Без жилета, единственного спасательного круга, связывающего ее с миром живых, она бы уже утонула.

Теперь счет шел на секунды. Она погрузится в сон, без страданий… Но с ужасными сожалениями.

Люси боролась с течением, потом отдавалась на его волю, безуспешно пыталась восстановить дыхание, снова боролась… Она уже почти добралась до более широкого рукава, но в этот момент перед ней возникла черная масса.

Прямо ей навстречу неслась лодка. Сейчас она со всего размаха врежется в нее.

Он возвращался…

39

Продрогшая до костей Люси рухнула на землю. Она кашляла на разрыв легких. Рядом Эрве Тюрен пытался втащить свою лодку на берег, завороженный открывшимся ему зрелищем: перламутрово-белый труп Фредерика Муане с разверстой грудной клеткой, клювы, раздирающие плоть, обугленные скальпы… Такого не выдумал бы и самый изощренный писатель.

– Черт возьми, твою мать! Энебель! Что все это значит?

Совершенно парализованная от холода, Люси только стучала зубами. Она свернулась калачиком и дрожала, не в состоянии вымолвить ни слова. Тюрен бросил ей свою косуху. Она с презрением глянула на него, хотя вынуждена была признать, что он спас ей жизнь. Между двумя приступами кашля ей удалось произнести:

– Я… Я оказалась здесь слишком поздно… Он был у… уже в таком состоянии… А ка… как вы сумели сю… сюда добраться?

– А вы? Вы, со своим чертовым воспалением сухожилия? Вы ведь должны были находиться в больнице, рядом с матерью! Какого черта! Вы что, издеваетесь над нами? Это ведь Манон вам звонила, да? Я проделал то же самое, что она! Просто приложил спираль Бернулли к карте! Я прикатил сюда из Базеля и встретил в порту вашего моряка! Не понадобилось много времени, чтобы его расколоть. Это он меня сюда привез и заметил странное поведение птиц. Он ждет нас у входа в пещеру на своей моторке. А теперь скажите, где Манон?

– Я думаю… Ее удерживает Профессор…

В слепой ярости Тюрен стукнул ладонью по скале. А потом направился к телу с полностью разодранными глазницами. Фредерик Муане… Возможно, единственный обладатель ключа к разгадке.

Он оглядел почерневшие математические уравнения, знаки, сотнями, тысячами нанесенные на камень. Квадратные корни, многочлены, комплексные числа. Но что они пытались доказать? А главное, сжечь?

Люси с трудом высвободилась из спасательного жилета и непромокаемой накидки, сняла шерстяной свитер, накинула на плечи косуху и принялась энергично растирать руки. Тюрен вытащил из пачки сигарету, но тут же сунул обратно. Не курить здесь. Во всяком случае, до прибытия криминалистов. И тут он заметил груду кальмаров:

– Твою мать! А это еще что? Просто какой-то кошмарный сон, так не

бывает!

Полицейский ухватил за шею одну из птиц в тот самый момент, когда она, взмыв над кальмарами, устремилась в сторону расщелины. Олуша издала долгий хриплый крик. Тюрен обернулся к молодой женщине и угрожающе бросил ей:

– И вы от меня не уйдете! Смотрите, что вы натворили! Вы соврали своему начальству, нарушили все законы, да к тому же еще потеряли Манон! Все, вы погорели!

Олуша яростно, изо всех сил отбивалась. Стиснув зубы, Тюрен отшвырнул ее далеко вперед. Птица с трудом села на воду. Одно крыло у нее было сломано.

– Почему вы вздумали расправиться со мной? – выдохнула Люси. – Вы… Вы просто последняя сволочь!

– Женщинам не следовало бы работать в полиции! Все вы шлюхи! Вы думаете, вам все дозволено, а вы просто балласт. – Он ухмыльнулся. – Вы не выпутаетесь, Энебель. На сей раз не получится. Скажите гуд-бай своим лычкам…

Люси почувствовала, что от ярости к ней возвращаются силы. Она посмотрела на него и сказала с внезапной твердостью в голосе:

– Сейчас мы выберемся отсюда… Вы свяжетесь с коллегами из региональной службы судебной полиции Бреста и попросите их прибыть в эту пещеру с судмедэкспертом и группой криминалистов… А заодно найдете математика.

– Я знаю, что мне делать, не беспокойтесь. *Больше* об этом не беспокойтесь.

– Нам надо понять смысл этой ерунды. И надо подумать о том, что здесь произошло… Как Фредерик Муане и Профессор могли оказаться в этом месте.

Тюрен цинично хмыкнул:

– «Нам»? До вас еще не дошло? Вы больше не при делах. Ни сейчас, ни потом! Конец!

– А также вы расскажете Кашмареку, что это вы звонили мне на мобильник и я поехала в Бретань… ночью… к вам… чтобы вам помочь. Вы меня прикроете.

– Я вас прикрою? Вы издеваетесь?

– Вы скажете, что… ни вы, ни я не видели Манон после Базеля… Что мы не знаем, где она находится…

Тюрен набрал в легкие воздух:

– Бедняжка.

Люси не растерялась. И спокойно продолжила:

– Ваш нос…

– Что мой нос?

– Этот пластырь… Вас… ударили?

Сыщик провел пальцем по переносице:

– А вам-то что?

Прежде чем ответить, Люси внимательно посмотрела на него:

– «Бедняжка», как вы говорите, сохранила трусики, принадлежащие Манон, на которых заметны следы… спермы. И эти трусики лежат кое-где в полной безопасности.

– Что?

– Я думаю, это ваша сперма. Вы воспользовались ее слабостью, вы изнасиловали ее, мерзкий подонок!

Тюрен ответил не сразу. Видимо, пытался справиться с ударом.

– Какая же вы дура!

– Возможно… Посмотрим результаты анализов ДНК. И я думаю, если немного порыться в вашем прошлом, когда вы работали в полиции нравов, мы откопаем интересные штучки…

– Грязная шлюха…

Люси встала. Ее охватило отвращение к этому монстру, к себе самой. Приехав в Бретань, она прошла свою точку невозврата.

– Немедленно отдайте мне трусы… – бросил парижанин.

Почему он не дал ей утонуть? Мог бы даже подержать ее голову под водой, чтобы немножко помочь.

– Сначала вы позвоните Кашмареку, изложите ему мою версию событий… Тогда я их вам отдам… Не раньше.

– Вы готовы на все, чтобы идти до конца, да?

– Как и вы. Мы с вами оба из породы хищников.

40

Жарко. До смерти.

Я живу, жива. Меня зовут Манон Муане, я специалист по прикладной математике, и я жива!

Сколько времени? Как давно я здесь? Есть не хочу, только пить. Губы пересохли, горло болит, все внутри горит… Наверное, я кричала. И это не помогло.

До смерти жарко. Пот просто капает. Сейчас… лето, нет… весна. Апрель. Может быть, май. Почему мне тогда так жарко? Боже мой! Меня раздели, я голая! Где я?

Не знаю, не знаю! Люси Энебель… Из полиции. Профессор. Похищение. Меня похитили! Точно! Профессор! Меня удерживает Профессор!

Быстро, быстро, думай. Быстро.

Надо успокоиться.

Темно, повсюду. Руки плотно привязаны к бокам, не могу пошевелиться. Встать. Ой! Дерево, нет, металл. Сверху, снизу, по бокам. Гроб! Я в гробу! Какой ужас! Сколько тонн земли надо мной!

Глаза жжет, горло как будто изодрано в клочья. Я даже больше не могу кричать.

Барахтаться, вертеться. Сжать кулаки и стучать. На стенках какие-то шероховатости. Дырки, сотни дырочек. Чтобы я могла дышать? Нет-нет, я не в гробу. Это что-то другое.

Люси! Люси, помогите мне! Умоляю вас! Манон! Меня зовут Манон Муане, я жива!

Меня, наверное, даже не будут искать. Интересно, кто-нибудь хотя бы заявил о моем исчезновении?

Какой-то свист. А теперь свет, голубое свечение, похоже, оно идет снизу. Что происходит? Что это за штука у меня над головой, на листе стали? Какая-то смазка? И… ногти? Кончики ногтей, впившиеся в железо? Приварившиеся к железу? Обугленные… Видно, кто-то уже был здесь заперт. Что-то у меня все путается… Я чувствую, что… скоро уйду… Голубое становится желтым. Пожар! Подо мной огонь!

Снова темнота.

Жарко. До смерти.

Я живу, жива. Меня зовут Манон Муане, я специалист по прикладной

математике, и я жива!

41

Никогда еще бригадам брестской полиции не приходилось так мучиться, чтобы воспроизвести сцену преступления. Сперва преодолеть штормовое море, потом доставить материал – галогеновые светильники с аккумуляторами, аппараты для снятия отпечатков, наборы для взятия проб, пистолеты для пломбирования, и все это – сидя в лодках и размахивая веслами в узких скалистых галереях на протяжении сотен метров, имея в качестве единственного ориентира сигнал мобильника, который Тюрен оставил включенным около трупа.

Немногим ранее, на пирсе порта Перро-Гирек, Люси, переодевшись, отдала Тюрену трусики Манон. Этот мерзавец чиркнул зажигалкой и под ненавидящим взглядом коллеги сжег их. И мерзкая улыбка, полная злобы и садизма, исказила его черты.

Такова была цена его молчания. Люси только что заключила договор с дьяволом.

Она пошла на это с единственной целью – спасти Манон. Спасти Манон. Спасти Манон.

Олуши окончательно покинули остров. Теперь возле обугленных скальпов остались комиссар Менез, новый персонаж, с бугристым лицом и длинными усами, и молодой полицейский. Пока они добирались туда, Тюрен долго объяснял ситуацию бретонскому офицеру, с которым прежде уже встречался. Рядом судмедэксперт осматривал повешенное тело. Каждый офицер, попадавший на место преступления, кривился при виде этого развороченного и выпотрошенного человека, ставшего белым как мел.

– Говорите, Профессор? – скептически спросил Менез, обернувшись к Тюрену.

Он без особого отвращения обнюхал труп и поморщился:

– Нет-нет, не думаю, что в данном случае речь идет о творчестве Профессора.

Тюрен выпучил глаза.

– Что? – спросил он, почти перейдя на крик. – А что же, по-вашему, мы здесь делаем, черт возьми? – Красный от злобы парижанин махнул рукой. – Вашу мать, да вы посмотрите вокруг! Мы находимся в пещере, где каждый квадратный сантиметр покрыт математическими формулами! Скальпы, снятые с шести жертв, находятся здесь, позади вас! Что же это

такое, по-вашему, если не его территория? А как насчет Муане? Могу сообщить вам, что труп уже окоченел! Кто его так жестоко убил, если не Профессор? Кто начинил ему брюхо кальмарами? Здешний кондитер?

Менез сохранял обезоруживающее спокойствие.

– Как вы объясните эту частичную депигментацию? – только и спросил он.

– Его депигментацию?

– Да, его депигментацию. Вот эти белые пятна на его коже.

– И глаза… – добавила Люси. – Когда я здесь оказалась, один из них еще был на месте… А радужная оболочка была почти прозрачной… Как у альбиноса.

– Вот черт, я совсем отключился! – воскликнул Тюрен. – Вы хотите сказать, что…

Менез кивнул:

– Вижу, вы вспомнили. Этот характерный запах от кожи. Убийца натер ее разными химическими веществами, которые, видимо, плеснул и в глаза. Эти вещества – готов дать руку на отсечение – представляют собой мудреную смесь…

– Фенола и фтористо-водородной кислоты, – перебил его Тюрен. – Такие штуки забыть невозможно…

Менез снова кивнул и обратился к Люси:

– Фенол обладает особенностью депигментировать кожные покровы. В сильно разбавленном виде его используют для пилинга, процедуры омоложения кожи. Но в данном случае его употребили в гораздо более сильной концентрации и совсем в иных целях. В гнусных целях.

Он указал на одно из белых пятен на уровне шеи:

– Вместе с фтористо-водородной кислотой фенол сначала проникает в кожу, не повреждая ее поверхность, а затем разрушает ее глубокие слои, вызывая невыносимые ожоги. Весьма продуктивная пытка, как если бы вас изнутри шлифовали наждачной бумагой. Мы с лейтенантом Тюреном несколько лет назад уже встречались с этим методом. Я работал над убийствами в Нанте, до того как… дело Охотника передали другому коллеге. Тюрен преследовал Профессора, а я – Охотника. Он пришел поговорить со мной, чтобы убедиться, что Профессор и Охотник – это разные люди. С чем мы полностью согласились.

– Точно… – сквозь зубы процедил Тюрен. – Тот, кто охотится за рыжеволосыми…

Бретонский комиссар заметил удивление в глазах Люси.

– Ну да, Охотник, дорогой лейтенант. Эти химические ожоги входят в

программу развлечений, которые он навязывает некоторым своим жертвам. Признаюсь, я, так же как и вы, был введен в заблуждение, но этот повешенный не прошел через руки вашего Профессора…

– Но тогда…

Люси с Тюреном разочарованно переглянулись. Они искали Профессора, а нашли Охотника.

Люси задержалась взглядом на обугленных уравнениях. Математика, вечно эта математика… Если бы только Манон могла быть здесь!

– Когда появится математик? – спросила она, повернувшись в Менезу.

– Уже скоро, со следующим транспортом.

– Комиссар, объясните мне, как все-таки работает Охотник. Опишите подробно его образ действия, привычки, жертвы…

Менез подошел к скальпам, стараясь не помешать работе специалистов, занятых сбором образцов в герметические пакетики – это волосы, пепел, ворсинки.

– Жертвами всегда становятся молодые незамужние женщины, рыжеволосые, хорошенькие, живущие в окрестностях Нанта. Через несколько дней после похищения их обнаруживают на Атлантическом побережье, между Сен-Назером и Ла-Рошель. Все они изнасилованы *post mortem*, тела в ожогах. По данным судмедэкспертов, в дело идет все: открытый огонь, раскуренные сигареты, кипящие жидкости, электричество, едкие вещества… Каждый раз он выбирает мучения, которые позволят ему продлить… как бы это сказать…

– Свое наслаждение…

– Да, свое наслаждение. Он старается, чтобы они подольше оставались в живых и он мог истязать их день за днем. Иногда создавалось впечатление, что некоторые жертвы пытались покончить с собой… Вскрывали себе вены на запястьях при помощи подручных средств… собственных ногтей…

По просьбе судебного медика комиссар кивком распорядился отвязать труп.

– Он явно обладает знаниями в области химии, однако, увы, этот след никуда не привел, потому что составы, которые он использует, легко можно раздобыть в школьных лабораториях, фармацевтических учреждениях… – Поморщившись, он добавил: – А то, что тела оказываются в океане, тоже не способствует раскрытию дела. Соленая вода уничтожает все следы, которые мог бы оставить убийца: ДНК, волосы или кожные чешуйки. Интересно, что судмедэксперты каждый раз отмечают странный факт: повышенный прилив крови к мозгу и очень низкий – к нижним

конечностям. Что, похоже, указывает на то, что эти женщины умерли в положении вверх ногами… Или головой вниз, если хотите…

Тюрен вдруг взорвался:

– Вашу мать! Мы в самом логове Профессора! Я ни на секунду и помыслить не могу, что он и Охотник – это одно и то же лицо! Все доказывает нам обратное! Исследования, проведенные специалистами, образ действий, профиль жертв, места преступлений! Невозможно до такой степени ошибаться!

– Тем не менее, – вмешалась Люси, обращаясь к Менезу, и совершенно игнорируя присутствие парижского собрата, – Карина Маркет была изнасилована *post mortem*, хотя прежде Профессор никогда никого не насиловал. Она не была рыжеволосой, это правда, но в остальном соответствовала категории, привлекающей Охотника: молодая, подвижная, хорошенькая, незамужняя. После этого убийства Профессор прекратил всякую деятельность, что не свойственно для серийных убийц, а Охотник в следующем же месяце как бы принял эстафету. А сегодня – снова Профессор… Может быть, мы имеем дело с двумя разными личностями, знакомыми между собой и объединившимися здесь? Или же с одним и тем же человеком, который действует по двум различным схемам, в зависимости от своих побуждений?

– Полная чушь! – возразил Тюрен.

Не обращая внимания на его замечание, Люси принялась разглядывать уравнения на стенах:

– Похоже, он не успел сжечь все. Возможно, опасался быть застигнутым приливом или нами… Смотрите… Вероятно, он уничтожил основные элементы, чтобы – ну, не знаю, – чтобы… мы ничего не поняли. Эти уравнения вызывают у него какой-то страх… Они наверняка что-то означают, наводят на какой-то след, способный его скомпрометировать…

– Но зачем он тогда развлекался тем, что записывал их здесь? – спросил Менез.

– Безусловно, это его способ доказать свое превосходство. Над всеми остальными, над миром, над нами. Вспомните кресты на спирали Бернулли. Выставленная на всеобщее обозрение карта убийств, смысла которой никто не улавливает. Есть ли большее наслаждение, чем таким способом насмехаться над своими преследователями? И доказать, что он гроссмейстер и это он ведет игру? Он наслаждается содеянным! Он гордится им! Он ежеминутно, ежесекундно вновь переживает свои преступления! И этому нет никакого разумного объяснения!

– Молодец, Энебель, молодец! – проворчал Тюрен, воздев руки в знак

восхищения. – Только не надо разыгрывать перед нами драму и доводить себя до такого состояния!

Люси перешагнула через лужу и обошла скалу справа. Другие уравнения, обгоревшие на три четверти. Внезапно ей пришлось сесть, у нее закружилась голова. Недостаток сна, питания.

– Вы дотянете? – спросил Менез.

– Да-да, все в порядке, – солгала она. – Просто от этого расследования я уже с ног валюсь…

Тюрен нервно отошел в сторону. Его голос эхом отразился от стен, когда он выкрикнул:

– И какого черта здесь делает Муане? Он не может быть Профессором, он физически не мог присутствовать при убийстве своей сестры! А также Охотником, потому что Охотник только что прикончил его! Что это за балаган?

Люси потерла ладонями виски и ответила:

– Возможно, он ни тот ни другой. Но всякий раз, стоило нам вплотную подойти к этому делу, перед нами возникал его призрак. Он с самого начала обманул Манон. Помешал ей искать в прошлом, не хотел, чтобы она добралась до Профессора. Он знал про могилу Бернулли в Базеле и никогда ничего об этом не говорил… А еще… зубило в одной из его квартир, им, возможно, отколотили проглоченный Дюбрей аммонит… К тому же не следует забывать, что, когда убили старую садистку, Муане не было в офисе…

Повернувшись в сторону трупа, она добавила:

– И вот теперь он здесь, рядом со скальпами, в пещере, испещренной математическими надписями… которые кто-то пытался сжечь, скрыть… Кто это сделал? Охотник? Профессор? Или этот чертов грабитель? Фредерик Муане? Все четверо? В любом случае очевидно, что все они – Фредерик и убийца или убийцы – знакомы между собой, знают какие-то тайны, или по меньшей мере тайну, этой пещеры. Кто похитил Манон? Кто хотел ее задушить? Кто украл жесткий диск из компьютера Фредерика? Все связано… – Она указала пальцем на стены. – То, что я сейчас скажу, не имело бы смысла ни при каких иных обстоятельствах, но эти уравнения, возможно, и есть то самое пресловутое звено, которого нам с самого начала не хватало…

Сзади послышался шум подплывающей лодки. Полицейские в форме окружали скорчившегося в ней человека, черты его лица искажала игра света и тени. Он был в плаще с поднятым воротником, который почти скрывал его седеющую бороду. Комиссар Менез подошел и помог ему

выйти из лодки.

– Спасибо, что так скоро приехали, да еще в такую погоду, – произнес полицейский.

Встав рядом с прибывшим, он объяснил:

– Попытайтесь абстрагироваться от того… что здесь произошло. Не пытайтесь понять причины этой резни и сосредоточьтесь только на формулах, которые пощадил огонь… Постарайтесь… разъяснить нам, что они означают.

Сорокалетний Паскаль Хоук отважно кивнул, поджав губы. Сконцентрироваться только на своей задаче, и все. Не думать об этом… этой… штуке, лежащей на земле и развороченной насквозь… Не замечать кровь… Только стены, ничего, кроме стен…

– Здесь мало что осталось нетронутым, – заявил он, оглядевшись.

– И все же попытайтесь. Нам сказали, что… вы один из лучших здешних математиков.

Хоук достал из кармана плаща блокнот и ручку и приступил к делу.

Он надолго ушел в свой мир. Математик наклонялся, приподнимался на цыпочки, делал записи, передвигался вправо, затем влево, снова возвращался на прежнее место… Его пальцы прикасались к камню, ласкали мириады цифр, словно россыпи редких драгоценностей.

– Это просто колоссально, – твердил он, – божественно…

Внезапно, повернувшись, чтобы изучить окончание серии уравнений, он прямо перед собой увидел труп Фредерика. Заметив состояние ученого, Менез поспешно подхватил его под руку и увлек подальше в сторону.

– Да прикройте же тело, черт побери! – крикнул комиссар и взглянул на математика. – Ну как, все в порядке?

– Не… не совсем… Это… это он сформулировал доказательство?

– Нет. То есть понятия не имею…

Люси резко поднялась и принялась внимательно вглядываться в математический бред. Не в сами формулы, а в то, как они были написаны.

– Очень может быть, – подумала она вслух. – Да, очень даже возможно, что все это написал он! Он левша, а почерк левшей… всегда имеет наклон в противоположную сторону, нежели у правшей… Посмотрите!

– Муане не единственный левша на свете, – возразил Тюрен. – К тому же ему бы потребовалась уйма времени, чтобы написать всю эту белиберду! А вовсе не несколько часов…

– Кто вам сказал, что он это сделал только что?

Наступила пауза. Потом математик выдохнул:

– Господи… Как можно дойти до таких экстремальных значений?

– Мы как раз пригласили вас, чтобы вы объяснили нам, – ответил брестский полицейский. – Вот я и прошу вас, помогите нам. Скажите, что такого колоссального в этой мешанине цифр?

– Исключительная работа. Одно-единственное доказательство, которое начинается… вот там, на самом верху, и продолжается, – он обвел пальцем большую дугу, – до противоположной стены… Если бы понадобилось переписать его в тетрадь, оно бы заняло многие десятки страниц.

Хоук немного отступил, чтобы оценить произведение во всей его полноте.

– Несмотря на обгорелые участки… определенные знаки не вызывают сомнений. Самое обидное, что это умозаключение… абсолютно ложно…

Менез наклонил голову:

– Ложно? Что значит – ложно?

– Ему не удалось доказать… О, у него была идея, великолепная идея! Он перешел от квадратичных форм второй степени к коэффициентам, но потерпел неудачу.

– Плевать мы хотели на эти ваши квадра-какие-то там формы! Нам просто надо понять, что все это дерьмо означает! – возмутился Тюрен.

Математик с важным видом подергал себя за бороду, смерив Тюрена презрительным, если не сказать больше, взглядом.

– Вам хотя бы известно, что такое гипотеза?

– Нет, объясните, мне и без того есть над чем думать!

– В математике гипотеза – это утверждение, которое с высокой долей вероятности представляется верным, но для которого не удается получить математическое доказательство. Перед вами попытка доказательства теоремы Ферма, крайне трудной математической задачи, которая будоражит умы почти триста пятьдесят лет. Такие гении, как Эйлер, Гаусс или Куммер, обломали на ней зубы. Возьмем для простоты отдельный случай с тремя измерениями. Эта гипотеза утверждает, что невозможно разделить куб на два других куба меньшего размера.

Он подошел к стенке и указал на одно из уравнений:

– Исходная формула: $x^n + y^n = z^n$. Великолепно… Вы правы, все это доказательство не могло быть записано за один раз или за несколько часов. На это должны были уйти месяцы, а то и годы работы и размышлений, даже если это был безрезультатный труд. Я полагаю, что ваш… тип регулярно приходил сюда, чтобы записать различные позиции… И он ас в математике. – Хоук обернулся к Люси. – Но почему он приходил именно

сюда, в такое отвратительное место? Вот что мне непонятно. Я знаю, что многие ценят одиночество, если хотите, уединение, особенно мы, ученые, но здесь… Чтобы попасть в эту пещеру, необходимо преодолеть настоящую полосу препятствий, как солдату на учениях!

– Манон призналась мне, что они с братом подростками часто наведывались на остров, – сообщила Люси, обращаясь к коллегам. – Вполне вероятно, что Фредерик тогда обнаружил это место, разумеется случайно, и тогда же придумал уловку с олушами и кальмарами… Он, безусловно, пытался создать свой собственный мир, какое-то место, принадлежащее только ему…

Менез и Хоук кивнули, Тюрен же оставался неподвижен, как статуя.

– Тот факт, что добраться сюда столь сложно, делает приключение еще более возбуждающим и привлекательным, – продолжала молодая женщина. – Это превращается в уникальную, ни с чем не сравнимую авантюру… Возможно, Фредерик приходил сюда не один. Как в фильме «Общество мертвых поэтов»…[34] Помните? Молодые люди собираются в пещере, чтобы говорить о поэзии, о мире, об обществе. Они испытывают воодушевление… считают, что сами не принадлежат к миру смертных. Может быть, Фредерик приходил сюда с тем или с теми, кто убил всех этих людей… Может, Охотник и Профессор окончательно сформировались именно в этом месте…

– «Общество мертвых поэтов»… – повторил математик. – Вы дьявольски правы, мадемуазель. Вы… Невозможно подобрать лучший образ!

– То есть?

– Ваш… труп… Этот Фредерик… Сколько ему было лет?

– Примерно тридцать пять. А что?

Хоук несколько секунд помолчал, а потом сообщил:

– Сегодня гипотезы Ферма уже не существует. Она была доказана английским математиком Уайлсом, а потому превратилась в теорему.

– Ну и что?

– Ну и что? Доказательство гипотезы было сделано еще в 1994 году! А это означает, что уравнения были записаны здесь до решения теоремы Ферма – Уайлса! И человек или люди, о которых идет речь, приходили сюда еще тринадцать лет назад! Видимо, когда были студентами!

42

Сидя в каюте полицейского катера, Люси безуспешно пыталась привести в порядок свои мысли. Но она чувствовала, что ей не удается сосредоточиться. Она очень устала и теперь просто наблюдала за разбушевавшейся стихией. Наконец вдали она различила серо-черный берег, сливавшийся по цвету с небом и волнами.

Тошнотворный Тюрен, спотыкаясь, подошел к ней и протянул свой мобильник:

– С вами хочет говорить Кашмарек.

Люси поднялась и отошла в угол. Там она присела на корточки, опершись спиной о переборку.

– Да?

– Энебель! Не могу дозвониться по твоему сотовому!

– Я его забыла в машине, в порту… Мы только что покинули место преступления и…

– Знаю, Тюрен мне сказал! Это безумие!

– Послушайте, капитан, действовать надо очень быстро! Манон… Я уверена, что Манон действительно в опасности! После отъезда из Базеля она постоянно вне зоны доступа! Возможно, ее удерживает Охотник! Или… Профессор! Или… даже не знаю…

– О’кей, я сейчас же начинаю расследование по Фредерику Муане. Очень скоро мы узнаем, где он учился. Надо будет покопаться, попытаться в самое ближайшее время найти какие-то зацепки. Может, они с Профессором познакомились, когда учились вместе. Мы здесь скоординируем работу с бригадами из Нанта, Бреста и Парижа, постараемся сопоставить информацию из дел Охотника и Профессора, посмотреть, может ли… может ли это быть один и тот же человек или могут ли они быть знакомы. Мы продвигаемся, Энебель! Мелкими шажками, но продвигаемся!

– Мелких шажков недостаточно!

В аппарате раздался какой-то треск. Люси поняла, что Кашмарек куда-то перемещается.

– Мы у Манон, – сказал он. – Нашим специалистам удалось открыть ее *panic room*, теперь мы разбираемся с ее компьютером, массой ее записей… Чтобы расшифровать все эти формулы и латинские тексты, потребуется много времени! С ума сойти, у нее под столом валяются десятки старых

тетрадей, в которых она фиксировала каждое свое действие, пока не начала пользоваться органайзером. Куча незначительных подробностей, описывающих каждый час, каждую минуту ее жизни. Безумное желание разложить все по полочкам, секунда за секундой. Почерк ужасный, да к тому же очень мелкий, придется попотеть… Но в целом ничего, никаких записей о ее расследованиях дела Профессора, о ее находках. Но тут, я думаю, вмешивался наш манипулятор. Потому что – держись крепче! – некоторые страницы совершенно явно вырваны! Он не хотел полагаться на случай!

– А у нее в компьютере нашли что-нибудь?

На другом конце провода повисла пауза.

– Послушай, Энебель, если уж я согласился с тобой говорить, то… просто потому, что есть два основных пункта… касающиеся тебя! Я знаю, что сейчас не время обсуждать несчастный случай с твоей матерью…

Люси нахмурилась. Казалось, капитан колеблется. Его тон был совсем не таким, как обычно.

– Я… Я вас слушаю, – сказала она, предчувствуя недоброе.

Он прокашлялся.

– В ком… ре Ма… Мы только что об… жили…вено стран… вещь…

Люси поплотнее прижала трубку к уху:

– Я очень плохо вас слышу!

Две секунды ожидания, пока не прекратились помехи на линии.

– Так лучше? – прокричал Кашмарек.

– Да, отлично!

– Наш специалист взломал защиту тайной картотеки, оставленной в самых недрах компьютера Манон! И… И там мы обнаружили твои фотографии!

Люси ссутулилась, прикрывая трубку.

– Мои фотографии?

– Да, сделанные скрытой камерой. Ты перед зданием полиции. Ты перед входом в свою квартиру! Ты с одной из своих близняшек на руках! Короче, повсюду ты!

– Вот черт! Но… Когда эти снимки были сделаны?

– Вот это-то самое странное. Судя по отметкам на жестком диске, самый последний сделан полгода назад!

– Что?

– Что слышишь! Шесть месяцев назад! Когда Манон посещала курсы самообороны, когда ей подсунули пресловутую «беретту» со стертым серийным номером, она заодно еще и тобой интересовалась.

Люси прижала ладонь ко лбу. Ей казалось, что голова ее весит тонны.

– Алло? – произнес Кашмарек.

– Я… Я здесь… Просто пытаюсь понять.

– И это еще не все. Мы также обнаружили ксерокопии разнообразных статей о тебе, относящихся к тому времени, когда ты занималась расследованием по «комнате мертвых». Короче, эта женщина за тобой следила, знала, кто ты, знала твой адрес задолго до того, как все это началось!

– Но… Что все это значит?

– Понятия не имею. Я в такой же растерянности, как ты. Но я тут вспомнил одну штуку… В первый вечер…

– Что в первый вечер?

– Манон оказалась в студенческом общежитии рядом с твоей квартирой… Как бы случайно! Ты не думаешь… что она это подстроила? Упасть именно там, где ты могла вмешаться? Ты, а не кто-нибудь другой, тоже занимающийся расследованием.

– Нет-нет! Я… Я еще вижу ее взгляд! Могу гарантировать, что она меня не знала!

– Ты уверена?

– Я… Господи, теперь уже не знаю! Но она была так напугана, так растеряна…

– Тогда как ты объяснишь эти фотографии?

– Я… Понятия не имею… Мне это кажется совершенным безумием. Или же… их подкинул в ее компьютер тот же манипулятор. Ведь именно он управляет ее жизнью… Но… Почему я? Почему, черт возьми?

– Манипулятор? М-да, такой вариант не исключен. В любом случае очевидно, что в этой истории ты играешь гораздо более важную роль, чем тебе казалось… Судя по всему, ты была как-то замешана еще до того, как она началась… Подожди секундочку, Энебель!

Люси услышала в трубке другие голоса, капитан твердым голосом отдал приказ, а потом вернулся к ней:

– Энебель?

– Да, капитан.

– К несчастью для тебя, это еще не все!

– Что еще?

– Еще кое-что. На сей раз совершенно не имеющее отношения к расследованию. То есть я так полагаю.

Люси почувствовала, как все у нее внутри сжалось.

– Я слушаю… После всего, что мне пришлось пережить, не

представляю, что может быть еще хуже…

– Мне позвонили из оперативного подразделения комиссариата полиции. Они получили заявление консьержки. *Твоей* консьержки!

– Что еще случилось?

– Твою квартиру вскрыли.

Люси выдержала и этот удар.

– Гра… грабитель? – пробормотала она.

– В отличие от квартиры Фредерика Муане у тебя работал новичок. С виду ничего не тронуто. Телевизор, компьютер, роутер вай-фай – все на месте. Ни беспорядка, ни перевернутых ящиков…

– Вы… Вы хотите сказать, что ко мне заглянули коллеги?

– Ну да, ребята из восемьдесят восьмого. И поменяли тебе замок. Ключи получишь у консьержки.

Она молчала, не в силах выдавить из себя ни звука. Кашмарек продолжал:

– Да, и последнее… У тебя в спальне… В шкафу разбито стекло…

Люси покачнулась. Теперь Кашмарек и вся бригада все знают.

– Кап… итан… Не надо… Я… должна… я вам объясню… Это не…

– Плохо слышу! Я прощаюсь! Только учти, что шкаф был совершенно пустой. Надеюсь, там не хранилось ничего очень важного? Алло! Алло!

Телефон валялся на полу.

Люси рвало на палубе…

43

Старенький «форд», выжимая максимум своей скорости, сто тридцать километров в час, мчался под дождем по скоростной магистрали в направлении Института высших научных исследований Бреста. Туда, где, судя по последнему телефонному звонку из бригады, более пятнадцати лет назад, после получения аттестата зрелости, учился Фредерик Муане. В ожидании результатов проб, взятых криминалистами в пещере, а также вскрытия тела Фредерика это был единственный конкретный след.

В машине все вибрировало: руль, сиденья, зеркало заднего вида. Но шла она хорошо. Люси вцепилась правой рукой в резиновый набалдашник рукоятки переключения скоростей. Если она обнаружит Манон живой, как она сможет сообщить девушке, что ее брат, который, несмотря ни на что, поддерживал ее, помогал восстанавливаться, умер, сожженный химическими веществами и истерзанный клювами птиц? Как Манон отреагирует? Запишет в свой органайзер? Выучит наизусть? Или предпочтет отбросить эту смерть, как уже поступила с фактом кончины своей матери?

Слишком много предположений. В настоящий момент Манон находится в руках психопата, и ее необходимо найти. Во что бы то ни стало.

Капли дождя продолжали молотить по корпусу машины. Люси взглянула на часы. Тюрен в своем мощном автомобиле должен уже быть далеко впереди. Лейтенант полиции снова задумалась о своих фотографиях, обнаруженных в компьютере Манон. Настоящее потрясение. И все те же вопросы: кто сделал снимки? И для чего? Как она могла оказаться замешанной в историю, которая тогда еще даже не началась?

Чем все это закончится? Расследование, эта жуткая погоня, а главное – главное, то, что в ее квартире только что предано огласке то, что хранилось в ее подсознании… Химера оказалась в чужих руках. Химера вынуждена пробудиться…

Разумеется, это дело рук одного из студентов. Наверное, соседа Энтони, узнавшего от него о содержимом ее шкафа. Эти мерзавцы станут покрывать друг друга. Сложно будет найти виновного. Да и зачем? Зло свершилось…

Охваченная внезапным приступом ярости, Люси принялась вопить и молотить кулаками по рулю. Тут «форд» слегка занесло в сторону, колеса

потеряли сцепление с мокрым асфальтом. Мощный подъем адреналина заставил Люси прийти в себя. Ей удалось выровнять машину. Еще немного, и…

Через пару минут, проехав еще несколько километров, она снова вернулась к своим размышлениям. Химера… Эти студенты наверняка украли ее тайну, чтобы сфотографировать и выставить в Интернете на всеобщее обозрение. Ну да, наверняка! И все распространится, как огонь в соломе. Все узнают и никогда больше не будут относиться к ней как прежде. Что они себе вообразят? Что она сама вроде тех, за кем охотится?

А Клара? А Жюльетта? Что они подумают о матери, когда придет время отвечать на вопросы?

У нее на глазах выступили слезы.

По возвращении на север надо будет опередить события. Самой выложить все студентам.

Пока они не разрушили ее жизнь.

44

Институт высших научных исследований представлял собой внушительный архитектурный ансамбль. Затейливые завитки суперсовременных зданий, стоящих среди сосен на огромной лужайке, постриженной на английский манер, в десятке километров к востоку от Бреста. Вокруг ничего. Ни предприятий, ни магазинов, ни жилых домов. Нечто вроде современного монастыря с изломанно-геометрическими контурами, этакий питомник умов, откуда появились на свет божий лучшие ученые последних лет. Во всяком случае… судя по рекламной брошюре.

Люси вошла в вестибюль. На левой стене были вывешены объявления о ближайших докладах: квинта и протяженные объекты, изоморфизм между башнями Любин-Тейта и Дринфельда, теория струн… Правая стена представляла собой галерею портретов. Студенты, высоколобые, высокомерные. Те же надменные повадки, что при первой встрече так поразили ее у Фредерика. Он тоже был из этих.

Люси пошла в приемную и услышала из уст секретаря, что Тюрен не стал ее дожидаться (какая учтивость!) и уже добрых пять минут беседует в архиве с директором учебного заведения. Следуя указаниям секретаря, надо было выйти из здания, обогнуть главный амфитеатр, а затем пройти около пятидесяти метров, там она найдет их. Очень мило, при такой-то погоде!

Спустя всего несколько мгновений Люси уже толкала тяжелую дверь из дымчатого стекла. Мужчины беседовали в глубине длинного коридора, тоже украшенного портретами ученых, но гораздо более солидного возраста. Под каждой фамилией – награда: золотая медаль Национального центра научных исследований, медаль Альберта Эйнштейна, премия Вольфа и невероятно знаменитая медаль Филдса, эквивалент Нобелевской премии для математиков.

Александр Гонтендич обернулся. В руках он держал стопку бумаги. Безупречный костюм-тройка, седые усы. Это был пожилой худощавый мужчина с изысканными манерами.

– Моя коллега! – небрежно представил Тюрен лейтенанта полиции.

Любезно поприветствовав ее, директор спросил:

– Как я понял, вы собираете сведения об одном из моих бывших учеников?

– Так точно.

– По просьбе господина Тюрена я только что нашел фотографию группы Фредерика Муане. Она датируется девяносто пятым годом, Фредерик был тогда на четвертом курсе. Это самый последний по времени снимок Муане и его сокурсников из имеющихся у нас… Что же касается его личного дела… Наверное, я с легкостью найду его в Овальном зале, собственно говоря, в архиве, представляющем собой память нашего института. Там мы уже больше полувека храним сведения о научной деятельности всех наших учеников.

Люси подошла, чтобы взглянуть на фотографию. Совершенно очевидно, фотограф старался, чтобы снимок выглядел серьезным и официальным, потому что ни один из студентов не улыбался. Ну что же, воспоминание полностью соответствует этому месту, холодному и безликому.

– Вы сказали, что Муане недоучился? – спросил Тюрен, щелкая зажигалкой.

– Верно. Я прекрасно помню Фредерика. Он сильно отличался от других студентов. Преподаватели с большим сожалением восприняли его уход. Он обладал замечательным мышлением, но был способен как на лучшее, так и на худшее.

– То есть?

Александр Гонтендич отступил на шаг и, бережно поглаживая усы, внимательно посмотрел на своих собеседников:

– Мы трудимся в научных областях, где перепады настроения недопустимы. Наши выпускники зачастую вынуждены работать над проблемами весьма деликатного свойства: химия, ядерная энергетика, электроника… В таких условиях, как вы понимаете, мы не можем позволить себе выдать диплом тому, кто чуть что хватается за таблетки нитроглицерина, даже если работает он вполне успешно. – Он указал на висящие на стенах портреты. – Все эти люди полностью посвятили свою жизнь науке. Они бы отдали за нее все, но трудятся в безвестности. Кто знает имя последнего математика, отмеченного медалью Филдса? Кому известно, что сегодня сами основы классической механики вот-вот будут ниспровергнуты и что это поставит под сомнение весь спектр представлений об окружающем нас мире? Вселенная, квантовая теория, энергия? Кого, кроме нас, волнуют такие мелочи? Фредерик не смог выдержать отсутствие признания. Он хотел быть на виду, хотел блистать. Он был весьма экспансивной личностью, и в числе его достоинств… как бы получше выразиться… скромность и смирение занимали далеко не первые места.

Люси все становилось ясно. Она спросила:

– И он принялся опровергать устои образования, которое дает ваша школа?

Старик кивнул с грустной улыбкой:

– Именно. Превосходные знания математики, физики и химии – это необходимое, но недостаточное условие для получения нашего диплома. Наши ученики должны подчиняться правилам, установленным в заведении, посещать все занятия, а следовательно, в равной степени интересоваться другими предметами, не относящимися напрямую к наукам. Скорее из области культуры и политики, если хотите. Но только не в случае Фредерика Муане. Он не хотел быть «прирученным», по его же собственному выражению. Но… я полагал, что он пошел иным путем, взявшись руководить фирмой вместе с сестрой, и что он неплохо справлялся. Это не так?

– Скажем, что ваши сведения слегка устарели, – ответил Тюрен. – И не совсем соответствуют реальности.

– И теперь у него проблемы с полицией… Вы по-прежнему отказываетесь объяснить, какие именно?

– Увы, у каждого своя работа.

Гонтендича такой ответ удовлетворил лишь наполовину.

– Хорошо. Допустим… А что именно вы хотите узнать?

Тюрен отреагировал мгновенно:

– Мы хотим знать, мог бы, например, Фредерик Муане полезть в пещеру в восьмидесяти километрах отсюда, на острове Рузик, чтобы записывать там на стенах никудышное доказательство теоремы Ферма.

Похоже, директор не слишком удивился:

– Доказать гипотезу Ферма в то время было делом чести для любого математика. Полагаю, все наши студенты рано или поздно должны были предаваться такому занятию. Здесь или где-то в другом месте. Так что в пещере… Почему бы и нет? Кстати, пещера, на мой взгляд, как раз место, благоприятное для подобных размышлений. Эндрю Уайлс, гений, доказавший верность этой гипотезы, семь лет провел в добровольном затворничестве, чтобы никто не отвлекал его…

– Решение подобных задач по-прежнему является результатом работы одиночек? – спросила Люси.

– То есть?

– Вы рассказали об Эндрю Уайлсе и его затворничестве. Но будет ли уместным предположить, что Фредерик Муане разрабатывал доказательство этой гипотезы в пещере вместе с другими студентами?

– Да, разумеется! Добавлю даже, что в данном случае сотрудничество было общим правилом. Вы, наверное, даже представить не можете, какие усилия необходимы для такого типа исследований. Скорее всего, нет.

– Вы правы.

– Это огромные усилия. Поэтому совершенно естественно приходит мысль объединить их. И осмелюсь сказать, она особенно естественна для наших студентов. Знаете, они заперты здесь на все время учебы, находятся вместе двадцать четыре часа в сутки, среди формул и теорем… Поэтому очевидно, что в каждом выпуске между студентами завязываются очень прочные отношения… связи, которых не найти больше нигде.

– Можно назвать это дружбой?

– Разумеется. Даже если в ней постоянно присутствует дух соперничества.

– А… как вы думаете, могли бы вы вспомнить студентов, с которыми был связан Фредерик?

Гонтендич кивнул и указал пальцем на фотографию:

– Это скорее на уровне интуиции, но мне кажется, то, что вы ищете, кроется здесь…

Тюрен прижался к Люси, которая резким движением оттолкнула его. Директор сделал вид, будто ничего не заметил, вынул из ящика стола лупу и поднес ее к фотографии.

Слева в третьем ряду – шатен с накачанным торсом и решительным взглядом: Фредерик Муане. Было в нем что-то общее с Манон. По спине Люси пробежала дрожь, когда ее взгляд встретился с невероятно холодными глазами молодого человека на фотографии.

– Посмотрите внимательно на брошь на отвороте его куртки, – сказал Гонтендич.

Люси прищурилась.

– Странно, – заметила она. – Похоже на…

И тут она вспомнила. На сорочке от Ив Сен-Лорана, когда Муане собирался на вокзал…

– Паутина?

– Да, – ответил старик. – Паутина из олова, сделанная одним его товарищем в нашей химической лаборатории, у меня есть на эту тему кое-какие соображения… Пауки – это животные, которых невозможно приручить. Их нельзя ни воспитать, ни заставить жить в группе. Иначе они пожирают или убивают друг друга… Фредерик так же, как они, не хотел, чтобы его приручали… Именно это стало причиной его поражения…

Люси вдруг сжала кулаки. Теперь все показалось ей очевидным.

– Да-да, конечно, – ответила она, – но… Черт возьми, я уже видела у Муане эту брошь. Как же до меня не дошло! Паутина! Совершенный математический объект! В форме…

– Спирали! – закончил Тюрен. – Чертовой спирали! Покажите фотографию!

– Подождите! – ответила Люси, поворачиваясь.

Она принялась внимательно, одного за другим, рассматривать студентов на фотографии. Безупречные прически, гордый взгляд, темные костюмы.

Вдруг она отпрянула.

Побледнев, схватилась за голову.

Фотография выскользнула из ее пальцев и плавно опустилась на пол.

Справа от Фредерика еще один воротник с брошью… В первом ряду еще один… И позади… И сбоку…

45

Вынужденные сражаться вместе, несмотря на взаимное отвращение, Люси Энебель и Эрве Тюрен сидели в архивном зале за большим деревянным столом. Овальный зал был помещением, поразительным по объему и совершенству формы. На стеллажах вдоль стен повсюду тянулись ряды тысяч и тысяч диссертаций, научных книг и журналов. Удивительный абстрактный витраж на потолке отбрасывал на полки калейдоскоп разноцветных пятен. Темно-синих, ядовито-зеленых, ярко-красных.

Фотография выпуска 1995 года лежала на столе, рядом со стопкой запыленных личных дел. Шесть мужских лиц на снимке были обведены черной шариковой ручкой. Слева – лицо Фредерика Муане.

– Невероятно. – Тюрен развалился на стуле, положив локти на стол. – «Несоответствие духу школы», «недостаток пунктуальности», «недисциплинированность» – одно и то же в каждом деле. И все исключены в один год, хотя входили в число лучших по математике, физике, химии…

Люси обхватила голову руками.

– Должно быть, они очень тяжело перенесли свой провал, – сказала она. – Остаться без диплома после стольких лет учебы, не получить ничего, кроме теоретических знаний… Двери самых престижных научных учреждений захлопываются прямо перед носом… Разбитые мечты…

Как переквалифицироваться, когда ты полон амбиций, а голова набита знаниями, абсолютно непригодными ни для какой другой профессии? Как стать простым инженером, или банкиром, или преподавателем математики, если ты видел себя властелином мира?

Тюрен держал список перед глазами. Против каждой фамилии был указан адрес, который ему передали в бригаде.

– Не могу прийти в себя, я же уже встречался со всеми из них, когда опрашивал свидетелей, знавших жертв Профессора… Вашу мать!.. Все было у меня в руках, а я не понял.

Он указал на блондина с замкнутым лицом и прилизанными волосами:

– Вот он, например, Оливье Кетье… Теперь он живет в Родезе, одном из городов на спирали, где была убита Каролина Тюрдан, продавщица в магазине готового платья. Сначала она была подружкой Кетье. Но как-то вечером, когда она считала, что он в отъезде, Кетье застукал ее в постели с другим мужиком. Они расстались. А через семь месяцев ее нашли мертвой,

внутренности изрезаны осколками наутилуса…

Он помолчал и продолжил:

– Я помню свою встречу с Оливье Кетье. Сдержанный, крайне высокомерный, в то время он работал в руководстве какого-то финансового совета. Идеальный подозреваемый, только вот, разумеется, ту неделю, когда произошло убийство, он провел в Мадриде. С таким алиби мы его тут же оставили в покое, даже не потрудившись покопаться в его прошлом. Почему мы так поступили? У нас было, с одной стороны, превращенное в ритуал убийство с садистической доминантой, что, казалось бы, исключает всякую личную месть, а с другой – в момент совершения преступления этот тип находился за тысячу километров оттуда.

Люси не сводила глаз с фотографии. Она была убита признаниями Тюрена. Парижанин указал на другое лицо:

– Грегори Пуассар, сейчас преподает в частной школе в Лиможе, специалист по квантовой физике.

– Лимож… Не очень далеко от Пуатье, где было совершено одно из убийств.

– Точно. Там, где отдал богу душу Жан-Поль Грюнфельд…

– Полное безумие, – пробормотала Люси. – Никак не могу поверить…

– Оба работали в одной школе и, по словам коллег, не выносили друг друга. Дошло до ненависти. Мне рассказали историю, когда встал вопрос о преобразовании учебного заведения и ликвидации одной должности. Короче, Пуассар оказался в катапультируемом кресле.

– Держу пари, у него было железобетонное алиби на момент смерти Грюнфельда!

– Он катался на лыжах в Альпах, среди десятков свидетелей. Он просто физически не мог быть исполнителем преступления.

Люси вздохнула:

– Совсем как Фредерик, который находился в Штатах, когда умерла его сестра. Сестра, которую он ненавидел. Она держала бразды правления их семейного предприятия. Пыталась руководить им, оказывать на него давление…

Тюрен утвердительно кивнул. Отблески витража теперь играли на его угловатом лице.

– Тогда мы искали мужчину, холостого, без моральных устоев и привязанностей, который, казалось, убивает без разбора, воспроизводя всегда одну и ту же кровавую мизансцену. Одного из этих чертовых серийных убийц, каких описывают во всех книжонках.

– На самом деле… тип убийцы… почти слишком знакомый, слишком

хрестоматийный. Что вас увело от некоторых персонажей, вроде Пуассара или Фредерика Муане. Вы копали в неверном направлении…

Тюрен стиснул зубы. Он снова переживал допросы этих подозреваемых. Ведь физически он был совсем рядом с ними, но при этом так далеко от истины. Он перебил свою коллегу:

– Может, вы бы сработали лучше, чем мы?

Прежде чем ответить, Люси задумалась:

– Нет, не думаю. Следует признать, система была безошибочно верной. Профессор, воплощенный не одним человеком, а шестью одновременно…

Она снова посмотрела на фотографию, на броши в виде паутины, и продолжила:

– Они пытались совершить идеальное преступление, столь же безупречное, как математическое доказательство. Они создали Профессора из разных элементов, начиная с документов, с изученных ими методов наших технологий и кончая особенностями поведения психопатов подобного типа. Обладая блестящим умом, дисциплиной, полным доверием друг к другу, они вместе породили бесчеловечное существо, безжалостного убийцу, повинующегося безумной логике действий, под которой подписались все шестеро: спираль… Мы все проиграли, в целом «произведение» Профессора было всего лишь гигантским сценарием, планом, созданным, чтобы обмануть нас, ввести в заблуждение психологов!

Люси встала и оперлась о стол:

– Фредерик Муане «выбрал» свою сестру и убил ее руками одного из этих мерзавцев! Ради денег? Или это была игра, чтобы доказать свое превосходство над миром, над нами? Наказание, вынесенное обществу? Или он попросту отомстил ей, потому что питал к ней отвращение?

Она повернулась к Тюрену:

– А он? Кого он убил взамен? Какую часть договора пришлось выполнить ему?

– Понятия не имею, но мне представляется очевидным, что каждый из них готовил почву для другого. Заказчик знал привычки, распорядок дня, места, наиболее часто посещаемые будущей жертвой, с которой ежедневно общался. Подружка, сестра, сосед, коллега… Он создавал и монтировал преступление, а потом исчезал, а кто-то другой, один из его гнусных сообщников, в это время убивал. И так они сменяли друг друга, с интервалом в несколько месяцев. Это было абсолютно… несокрушимо…

Его кулак обрушился на фотографию.

– Я прекрасно представляю себе: вот, по прошествии стольких лет, они встречаются на этом острове, как в студенческие годы. Снова кинуть

кальмары в расщелину, следовать за олушами, чтобы не заблудиться в лабиринте… И часами обсуждать свои промахи, перемену профессии, людей, которых они ненавидят, постоянно вспоминать период их общей славы, когда Муане буквально выплескивал это доказательство у них на глазах, а они считали себя богами. Возможно, именно в этом вонючем гроте зародилась и развилась их идея… Отомстить, освободиться от неприятного человека, получить то, что общество им задолжало, самым жестоким способом: отняв жизнь.

Люси утвердительно кивнула. Он продолжал:

– Все эти молодые математики должны были знать о существовании спирали на надгробной плите Бернулли. И у них появилась безумная идея совместить спираль с местами их преступлений. Я не математик, но не думаю, что было очень сложно провести спираль через три или четыре определенные точки. Помните: «Eadem mutata resurgo», можно уменьшить или увеличить любую спираль…

Тюрен посмотрел на разложенную перед ним карту Франции, список адресов и мест, где были обнаружены трупы.

– Я уверен, что эти чертовы фанатики добрались до Базеля, чтобы нацарапать кресты – обозначения будущих убийств на гробнице. Посмотрите по карте… Они отправляются с острова Рузик, своего культового места, потом… Кан, Лион, Родез, где живут трое из них. Есть еще четыре точки… Они вычерчивают спираль Бернулли, захватывая эти места, но выходит, что она не покрывает города трех других сообщников, тогда… Что же им делать, чтобы довести до конца этот бред? Чтобы все идеально совпало?

– Заставить жертвы переместиться, чтобы они пришли «умереть» на спирали.

– Вот именно! Три из их шести жертв были убиты не там, где жили, а в городе, прилегающем к спирали! Грюнфельда прикончили в Пуатье, Тайрана в Мане, хотя он жил в Анжере, а Жюли Фернандо – в Венсене, хотя она жила в Бовэ. Брату, мужу или «другу» легко вынудить свою будущую жертву поехать в определенный пункт, а самому отправиться в другой, подальше от места преступления, чтобы обеспечить себе самое надежное алиби.

Люси внимательно слушала рассуждения Тюрена. Она восхищалась им как сыщиком, но чувствовала скрытое раздражение из-за необходимости продолжать с ним работать. Ей постоянно вспоминались трусики, запачканные спермой, и ярость охватывала ее при виде садистской улыбки парижанина. Этот тип такой же больной, как те, кого он преследует.

– Какое безумие – дойти до такого, – бросила она. – Все это может искушать судьбу, привести к совершенно абсурдным заключениям. Как, например, идея спрятать спираль внутри своих жертв при помощи ракушек наутилуса… Оставить, в каком-то смысле, свою подлинную подпись. Единственная не сфабрикованная деталь. Их ошибка.

В голове у нее все стремительно прояснялось.

– Постепенно они запутались в собственной игре, погрязли в своей жестокости. Вспомните скальпы, которые Профессор включал в процедуру своего ритуала. Они предпочли хранить их в той пещере, как трофеи. И в свою очередь сами превратились в монстра, которого и создали.

Люси молча отошла от стола, сделала несколько шагов.

– Все могло бы так и продолжаться, – заговорила она. – Представьте себе. Эти типы настолько двинулись, что даже сегодня, спустя столько лет, решают взяться за старое. Почему? Потому что их ни разу не поймали, потому что они кажутся себе всемогущими, неприкосновенными. Потому что они обожают игру и ненавидят общество, которое породило их, а потом отвергло. Не согласен лишь Фредерик Муане. Для него все закончилось. У него прекрасное положение в обществе, красавица-сестра, которую он любит и теперь хочет защищать. И поэтому он отказывается. Но как оказать на него давление? Как заставить его продолжать участвовать в этой безумной игре?

– Похитить сестру, чтобы напугать его. Показать ему, что он уязвим, где бы ни находился, в любое время. Это могло бы объяснить, почему они так быстро отпустили Манон. Похищение должно было лишь напугать Фредерика.

Люси непрестанно поглядывала на часы. Где-то сейчас Манон?..

– Правильно! А Фредерик хотел защитить ее от опасности. Это объясняет ее таинственные занятия по самообороне, а также наличие «беретты»!! Он охранял ее, одновременно не давая ей узнать правду. Ту правду, которая страшно скомпрометировала бы его самого. Отсюда уничтоженные данные в органайзере и тетрадях сестры. Никакого Бернулли, никакой Бретани. В конечном счете он управлял сестрой, как дрессировщик – цирковым животным. Заставлял ее вертеться по кругу. Однако ей все же удалось выйти из-под его контроля… Например, когда она дважды отправлялась на остров Рузик.

Тюрен подпер руками подбородок:

– Недурная гипотеза. Однако есть кое-какие неувязки.

– А именно?

– Например, наличие зубила в квартире Фредерика…

– Нет-нет, это вовсе не неувязка! Должно быть, Фредерик сомневался. Сначала, прежде чем отказаться, он вполне мог согласиться убить Дюбрей. Но потом дело продолжил кто-то другой. Этот неизвестный написал десятичные знаки числа «пи» в доме с привидениями в Эме, потом вместо Фредерика совершил убийство, чтобы показать ему пример, подтолкнуть его… Но тот, по-прежнему не соглашаясь, пригрозил все рассказать, даже ценой собственной гибели.

– Угу… похоже… Но, признаюсь, я плохо себе представляю, как руководящий работник, глава фирмы, преподаватель или даже директор, как Фредерик Муане, могли действовать подобным образом. Я хочу сказать… Вот вы, например, могли бы совершить подобное? Загадать загадку, отравить жертву, которая умоляет вас о пощаде, и… снять с нее скальп?

Люси вернулась к столу:

– Порой люди готовы на все ради своей цели. Гнев, ярость, боль вполне достаточные стимулы. И вам это известно. Все дело в понятии границы. Границы, которую и вы преступили. В Базеле…

Она взяла в руку фотографию.

– В процессе совершения преступлений один из шестерых действительно пристрастился к власти, к пыткам, к самому акту убийства! Он вкусил запретного плода, перешел границу и не сумел вернуться назад! Мерзавец, который убил, а потом, движимый своими гнусными стремлениями, *post mortem* изнасиловал Карину Маркет, – Охотник! И он находится среди этих психов! Его необходимо найти! Немедленно!

– Кашмарек, Менез, различные региональные службы полиции готовы подключиться, – перебил ее Тюрен. – Мы располагаем точными адресами, знаем, где работают пятеро из них. Это всего лишь вопрос времени. Мы убьем сразу двух зайцев. Охотника и Профессора.

Люси прикусила нижнюю губу. Возможно, уже слишком поздно.

– Однако Охотник действует в окрестностях Нанта, а там никто из них не живет…

Она взяла в руки список из шести фамилий:

– Оливье Кетье, начальник в Родезе… Грегори Пуассар, учитель физики в Лиможе… Лоран Делафарж, руководитель проекта в «Altos Semiconducteur», в Бовэ… Грегуар Мишель, директор научно-исследовательского центра в Лионе… И наконец, Ромэн Ардэр, владелец небольшой фирмы по производству пиротехнических изделий в Анжере.

Тюрен своим пожелтевшим пальцем провел линию на карте, соединяя Анжер и Нант.

– А мы находили жертв Охотника в океане, на Атлантическом берегу, между Сен-Назером и Ла-Рошель. Все сходится.

– Тем более что пиротехники довольно часто работают с химическими веществами…

Люси провела указательным пальцем по лицу Ромэна Ардэра, словно стараясь стереть его, потом торопливо принялась читать его университетское личное дело.

– Есть! Ардэр выбрал специализацию по органической химии, он проводил бóльшую часть своего времени в экспериментальной лаборатории своего института! Это он мастерил оловянные броши! И…

Люси торопливо листала страницы дела.

– Никогда не догадаетесь!

– Что?

– Его застали в лаборатории, когда он проводил опыты над животными! Вот почему его исключили! Ардэра притягивала разрушительная сила огня и отравляющих веществ…

– Жак Тайран, пятая жертва Профессора, прежде продюсировал зрелища, где использовалась пиротехника Ардэра, но потом принял решение больше с ним не работать, и они расстались…

– И тогда Ардэр возненавидел его. Настолько, что даже убил!

– Наконец-то они в наших руках!

Тюрен схватил свой мобильник и нервно набрал телефон парижской бригады. Люси надела куртку и направилась к выходу.

– Куда это вы собрались? – проворчал Тюрен.

– В Анжер! Я хочу быть рядом с Манон, когда ее найдут!

– Я бы на вашем месте не стал строить особых иллюзий. Если подумать, с какой жестокостью разделались с братом… Наш парень сердится. Очень сердится…

46

Манон медленно выплыла из тяжелого сна. В ноздрях стоял резкий запах. Попахивало больницей. Может быть, эфиром. Она ощущала, как болезненно стучит густая и тяжелая кровь у нее в голове. При каждой попытке вдохнуть она ощущала позыв к рвоте из-за вонючей тряпки во рту. Горло было шершавым, как мочалка из конского волоса. Она попыталась вытолкнуть мерзкий лоскут языком, но не смогла.

Ее руки и ноги стянуты ремнями. Она абсолютно голая и, как огромная, неподвижная буква X, привязана к мишени для метания ножей, какими обычно пользуются в цирке. Невозможно пошевельнуться, любое движение только вызывало жалобный скрип ее кожаных пут. Все помещение напоминало свалку реквизита, предназначенного для какого-то спектакля. Стены покрывала искусственная паутина, на кривые зеркала были подвешены маски персонажей Хеллоуина и Пьеро, из сундуков торчали разноцветные костюмы. Вокруг на полу вперемешку валялись картонные коробки с зажигалками, спичками, петардами, мортирами, ракетами, фейерверками. А прямо перед Манон на стеллажах стояли в ряд пробирки, полупустые колбы, банки с этикетками: сода, фенол, азотная кислота, соляная кислота, фтористо-водородная кислота…

Девушка попыталась крикнуть. Но стоило звуку просочиться сквозь кляп, ее ослепил мощный прожектор. Она в ужасе зажмурилась. Глаза жгло невыносимо. Потом она ощутила, что, привязанная к щиту, вращается вместе с ним вокруг своей оси. Крик прекратился, как только она почувствовала, как кровь приливает к голове, сдавливая мозг, словно сжимая его внутри черепной коробки.

Затем мишень вернулась в исходное положение, прожектор погас, уступив место рассеянному свету красной лампы.

Несмотря на боль, Манон удалось уцепиться за последнюю мысль: главное – не кричать, не шевелиться. Потому что малейший крик, малейшее движение включают прожектор, запускают по кругу мишень.

Не кричать, не кричать, не кричать.

Где-то послышался звук шагов. В глубине комнаты.

Манон показалось, что она различила какую-то жуткую массу, которая движется вдоль стеллажей со склянками. Теперь силуэт направлялся прямо к ней.

Внезапно она увидела лицо, глаза, чудовищно деформированные

выпуклыми и вогнутыми стеклами сосудов, разноцветными жидкостями в них.

– Вот и мы, Манон…

Голос низкий, грубый.

И тут лицо проявилось отчетливо, совсем по-другому. Кто это?

Вместо чудовища она увидела самого обычного человека, довольно молодого, с прямым носом, тонкими губами и синяками под глазами, что свидетельствовало о том, что он плохо спит. Это лицо абсолютно ни о чем ей не говорило.

Незнакомец подошел ближе, положил пальцы на горло Манон и медленно сдавил его. Девушка почувствовала, как прервалось ее дыхание. Ее лицо побагровело. Дыхание, пропитанное парами рома, язык, лижущий мочку ее уха, и этот шепот: *«Eadem mutata resurgo, eadem mutata resurgo, eadem mutata resurgo»*.

Здесь, прямо перед ней, возникло воплощение Зла. Профессор.

– Как забавно… – ослабив давление, заговорил Ромэн Ардэр. – Все происходит в твоих глазах, здесь, сейчас… Ты не помнишь ничего, кроме сегодняшнего дня, правда? А помнишь день, когда я душил тебя, когда отнял у тебя память? И то же самое повторилось два дня назад, у тебя дома, когда ты вдруг вытащила этот ствол. – Он погладил Манон по лицу. – Это было так давно… Больше трех лет назад… Ты обнаружила спираль, ты стала слишком опасной для нас. Слишком настойчивой. Тогда мы собрались и приняли решение, что тебя надо ликвидировать… Симулировать ограбление, в твоем квартале такое случалось нередко… Мы потерпели неудачу, но это было не страшно, потому что ты превратилась почти что в овощ. Хотя ты осталась жива, мы махнули рукой.

Стиснув зубы, Манон отвернулась. Ардэр схватил ее за подбородок и заставил смотреть на себя, а потом потянулся к кляпу

– Не кричи, пожалуйста, – попросил он, вытаскивая мерзкий лоскут, – иначе мне придется сделать тебе больно… Ах, ну что же я за дурак! Ведь через минуту ты позабудешь мои приказания, даже если изо всех сил сосредоточишься… Выходит, мне в любом случае придется сделать тебе больно…

Манон раскашлялась до разрыва легких. Она ничего не слышала, она больше ничего не понимала. Это лицо! Это лицо! И горло, которое горело так, будто она проглотила огонь!

– Про… фессор… – наконец удалось ей произнести. – Вы Профессор!

Он ухмыльнулся:

– Профессор. Охотник… Какая разница. Называй меня как хочешь.

Манон выгнулась и закричала что есть мочи. Белый свет мощного прожектора снова ослепил ее большие голубые глаза. Кожаные ремни впились в запястья.

Поворот. Прилив лавы к голове. Возвращение в исходное положение.

В поле зрения какой-то мужчина. Незнакомый.

– Итак, ты действительно утратила всякое представление о том, что происходит, – сказал он. – Забавно… Можно подумать, с каждым оборотом ты воскресаешь, подобная самой себе. *«Eadem mutata resurgo»*, помнишь, Манон? Может, ты сама – спираль?

Он прикоснулся к обнаженной груди девушки и провел кончиком пальца по уплотнению ее шрамов.

– А мы-то думали, что ты снова можешь представлять опасность, что к тебе вернулись все твои способности… Я так и решил, когда увидел тебя в метро. И даже испугался, что ты сможешь узнать грабителя, который приходил три года назад! Что ты прервешь… мое блистательное существование… Было бы жалко, правда?

Манон постаралась абстрагироваться от ситуации. Она сконцентрировала все свое внимание на разговоре. Необходимо узнать. Узнать всего на одну минуту. Но все же узнать.

Узнать, прежде чем забыть.

– Вас… вас было много?

Ее разглядывали два ледяных глаза. Охотник снял со стеллажа у себя за спиной банку с фенолом и стал перекатывать ее в ладонях.

– Слушай, пожалуй, я сейчас позабавлюсь с тобой. Это будет, – он потрогал лобок Манон, – что-то необыкновенное. Несколько часов назад я перекрасил тебе волосы, а ты об этом даже не помнишь…

Он наслаждался выражением удивления на лице девушки.

– Ну да, теперь ты рыжая. Меня возбуждают только рыжие шлюхи… Очевидно, из-за этого янтарного цвета, так напоминающего пламя… Ты даже не помнишь, как побывала, правда недолго, в моей печи для хлеба. Что за веселые игры – ожоги, жара… А ведь ты пробыла там всю ночь, обвешанная датчиками, позволяющими мне следить за некоторыми твоими биологическими данными! Сердце, давление, выделения. Ты даже обмочилась, пришлось тебя мыть! Гадкая девчонка!

Манон, в слезах, трясла головой:

– Нет… Вы лжете…

– Нет, я тебе не лгу. Знаешь, другие женщины на этой стадии умоляют меня. Они, кажется, готовы на все, лишь бы я пощадил их. Но ты… ты узница мгновения. Ты даже не задумываешься, где ты находишься. В каком

городе. Во Франции или в другой стране? Ищут ли тебя? Когда ты умрешь? И как себя чувствует твой брат, наш красавчик Фредерик?

– Фредерик? Откуда вы…

– Постой-ка… Вот что будет особенно интересно…

Ардэр вытащил из кармана джинсов фотографию и поднес ее к носу Манон:

– Он был частью «нас»! Твой брат! Твой собственный брат составлял одну шестую Профессора! Он убил первую жертву! Франсуа Дюваля! Это он запустил механизм! И дал приказ убить твою сестру!

Манон отвела взгляд и, почти теряя сознание, издала душераздирающий крик. На фотографии Фредерик болтался на веревке, а его разверстая грудная клетка была набита кальмарами.

Вспышка по сетчатке. Поворот колеса. Прилив крови. Ей показалось, она исчезла, потом вернулась. В ее поле зрения какой-то мужчина, натягивающий на руки несколько пар латексных перчаток – одни на другие.

– Это они, пятеро других, дали выход огню, искорка которого таилась во мне. Они действовали, видя, что я могу отнять жизнь, это… Не знаю, как тебе объяснить… Это хуже, чем болезнь, Манон, эта потребность… видеть, как усыхает плоть под воздействием огня… вдыхать запах паленой кожи! Ты представить себе не можешь! Случалось ли тебе когда-нибудь сжигать насекомых, потом животных? Случалось ли останавливаться перед дверью горящей квартиры? Я посещал занятия с единственной целью – приблизить огонь, приручить его при помощи химии, термодинамики, гидромеханики… Понять, как он работает. Подчинить себе. Именно там, в институте, я встретил остальных. Мы собирались в пещере, чтобы бросить вызов миру, чтобы… говорить о другом… О запретном.

Он приподнял свитер, обнажив грудь, испещренную черными вмятинами-кратерами.

– После того как я выполнил пункт моего договора, они так никогда и не узнали, что я стал Охотником. Для них я так и остался бедным владельцем пиротехнического производства, который применяет знание математики, законов гравитации и химии для производства петард и шутих. Но знаешь, сами они ничуть не лучше. Мы считали себя выше всех, но были ничем. Просто бедные студенты, вышвырнутые без стеснения, как самое заурядное быдло!

– Вы…

– Эти ожоги на своем теле я сделал сам, уже очень давно. Думаю, я бы… уничтожил себя, если бы… если бы не проснулся Профессор… Если бы… я не смог перенести эту жестокость на других… Я дошел до того, что

у меня появилось желание поглощать огонь! Затолкать в себя весь этот порох и поджечь горло! Представляешь?

– Вы… Вы больны! Я вас сейчас…

– Убьешь, что ли? Ты ведь всегда об этом мечтала?

Он медленно отвинтил крышку банки. Манон застонала. Она прикусила язык, стараясь не закричать.

– И все-таки есть одна странность, Манон, нечто по-настоящему тревожное, что меня немного беспокоит. Мы подумали, что твой брат решил сыграть с нами злую шутку, убив старуху в твоем регионе. Что он собирается… нас погубить. Возможно, он подозревал, что три года назад один из нас хотел тебя прикончить. Возможно, он не мог больше жить с этой тайной. Возможно, собрался… открыть всю правду, пусть даже придется поплатиться самому…

Он аккуратно сложил тряпку вчетверо и полил ее фенолом. Помещение заполнилось запахом гнилых овощей.

– Я… Я ничего не понимаю… – проговорила Манон между двумя всхлипываниями. – Сжальтесь… Не причиняйте мне боль…

– Но самое странное, – не слушая ее, продолжал Ардэр, – что даже в тот момент, когда я кромсал его грудь, когда лезвие резало на части его тело, он продолжал все отрицать. Он все отрицал до последнего вздоха.

Он поставил банку на стеллаж и с тряпкой в руке направился к Манон. Она мотала во все стороны головой, извивалась всем телом, стараясь выпутаться из ремней.

– В конечном счете, думаю, я ошибся, – признался он, проводя указательным пальцем по ее загадочным шрамам. – Это не Фредерик тебя похитил, не он разбудил Профессора, а кто-то из оставшихся четверых. Хотя они клянутся в обратном. Кому потребовалось пробудить монстра из прошлого? Чтобы опять всколыхнуть разговоры, которые могли бы всех нас скомпрометировать? В группе есть предатель. Когда я покончу с тобой, я сведу кое-какие счеты!

– Мой брат… Что вы сделали с моим братом?..

Ардэр остановил систему вращения мишени и отключил прожектор.

– Мне не терпится посмотреть, как ты станешь реагировать на такой тип боли. Интересно, забудешь ли, отчего ты стонешь?

И он снова засунул тряпку ей в рот.

– Это тебя возбудит… И будет длиться бесконечно!

Он поднес тряпку к лицу Манон, но внезапно замер.

Какой-то грохот.

Шум, шаги. На первом этаже. Крики. «Полиция!»

Не раздумывая, Ардэр бросился к двери и запер ее на висячий замок.

Возвращаясь к Манон, он опрокинул банку с фенолом, едкое вещество выплеснулось ему на ногу.

– Мерзкая шлюха, – заорал он, его глаза буквально вылезли из орбит.

Ардэр взвыл и ухватился за лодыжку, потом изо всех сил впился пальцами в щеки, которые тут же начали кровоточить.

В порыве бешеной ярости он схватил бутыль с натрием и запустил ею в верхнюю часть мишени. Стекло разбилось, и жидкость потекла по спине Манон. Молодая женщина выгнулась дугой, так что хрустнули позвонки.

На лестнице раздались шаги. От мощного взрыва вылетела дверная ручка.

Охотник развернулся, подскочил к стеллажу и опрокинул его прямо перед дверью. С резким звуком падающие сосуды разбивались об пол. Помещение заполнил густой белый дым. Брызги едких веществ попали на ноги ворвавшемуся полицейскому, он упал.

Когда туман рассеялся, оставив после себя слезящиеся глаза и всеобщий кашель, с десяток пистолетов взяли на прицел забившегося в угол человека.

Тот схватил петарду и засунул ее себе в рот.

«Звездное печенье».

Кремень его зажигалки щелкнул в последний раз.

47

Никогда дождям, обрушившимся на окрестные поля, не смыть чудовищных трагедий, случившихся здесь несколькими годами ранее. Люси сложила руки на руле и с облегчением глубоко вздохнула.

Все кончено.

Сидящая рядом с ней Манон с самого их отъезда смотрела на лежащий у нее на коленях листок бумаги. Голова страшно болела, глаза жгло. Она утерла слезы, бегущие по щекам, и с горечью произнесла:

– Нет, только не Фредерик… Только не мой брат… Ну скажите, что это всего лишь дурной сон…

Люси бросила на нее взгляд, полный усталости и сострадания, боли и отвращения, и в который раз начала:

– Мне бы очень хотелось, Манон… Мне бы так хотелось… Но… он был частью Профессора, одним из тех, кто совершил эти преступления. Придется с этим жить… Мне очень жаль…

Манон взглянула на свои узкие дрожащие ладони, она больше не могла их контролировать, эти руки хотели рвать, бить, разрушать…

– Нет… Нет… Нет… – твердила она.

После долгого колебания она опустила веки, сделала глубокий вдох и скомкала листок с описанием событий последних часов, этой череды совершенно безумных фактов.

– Что ты творишь? – удивилась Люси, потратившая немало времени, чтобы все записать.

Манон открыла окно и в порыве отчаяния выбросила скомканную бумажку. Ее тут же подхватил ветер.

– Но Манон! Зачем? Зачем?

– Только не Фредерик… Только не он…

Она обхватила голову руками и закричала:

– А как вы хотите, чтобы я к этому отнеслась? Что мой собственный брат… причастен к смерти моей сестры? Что он сам ее убил? Что ему разрезали грудь? Это… Это выше моих сил! Этого не мог бы пережить ни один человек на свете! Я любила своего брата! А он любил меня!

Люси молчала.

– Да скажите же что-нибудь! – крикнула Манон. – Хоть что-нибудь!

Лейтенант полиции почувствовала, что к глазам подступают слезы.

– Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Что ты права? Что ты

ошибаешься? Я… да, черт побери, Манон, я же не Господь Бог!

Теперь к слезам Люси прибавился возмущенный тон.

– Не я буду строить твое будущее! Не я буду руководить твоими решениями! С одной стороны, ты можешь предпочесть не знать. Тебе достаточно просто записать несколько слов, которые могут все изменить. Выучить, что Профессор был худшим из убийц, свихнувшимся психом, который покончил с собой! Что у этой истории хороший конец, как в кино! Какая разница! Зато на душе у тебя будет спокойно!

Прежде чем продолжать, Люси глубоко вздохнула:

– Но с другой стороны, у тебя наконец появилась возможность узнать правду, понять, почему убили твою сестру и всех этих несчастных. Ведь такова была твоя цель? Ведь ты уже больше трех лет изводишь себя этим преследованием? «MemoryNode», твои шрамы, твои поиски и бессонные ночи! Я чуть было не погибла ради тебя! Чуть не оставила после себя двух сирот! Можешь себе представить?

– Я…

– А сегодня ты можешь узнать правду, не твою личную, не выдуманную, а настоящую, и ты отказываешься? Ведь ты сама говорила, что мы – это наши воспоминания, что именно они оправдывают нашу жизнь! Кем ты будешь, Манон, если придумаешь себе фальшивое прошлое?

Манон попыталась сдержать рыдания. Мысли и чувства сменялись с ошеломляющей быстротой.

– Я… Я, наверное, и так уже живу прошлым, которое мне не принадлежит, которое я придумала себе, чтобы… чтобы все было хорошо… Я как будто нахожусь… в каком-то пузыре… Все, что крутится вокруг меня, возможно, никогда не существовало… Я не знаю… Я уже ничего не знаю…

На сей раз Люси больше не нарушила молчания. Медленная анестезия забвения вновь окутает молодую девушку, уведет ее прочь от реального понимания природы вещей. У нее не останется никакой травмы, ни малейшего воспоминания. Только ощущение пустоты – в общем-то, умиротворяющее ощущение. Что с ней станет? За кого она ухватится, не имея поддержки брата? Будет ли продолжать преследовать Профессора, ходить по кругу, проживать одну и ту же бесконечную историю?

Люси испытала яростное желание сокрушить все в этом таком несовершенном мире.

В свете ее фар возник дорожный щит с надписью: «Кан, 129 км».

– Можно попросить вас об одной любезности? – сказала Манон. – Я

бы хотела заскочить в Кан. Мне необходимо повидаться с матерью…

Она взглянула на Люси.

– Голова болит… Почему я плакала? Что все это значит? А вы? У вас слезы на глазах… Почему?

Лейтенант полиции вздохнула и утерла слезы:

– Это долгая история… Потом расскажу…

Манон принялась рыться у себя в карманах, в бардачке, в карманах на двери машины.

– Мой «N-Tech»! Где он?

– Сломан… Он сломался…

– Сломался? Но…

– Доверься мне… – с нежностью произнесла Люси. – Ты ведь знаешь, что можешь мне доверять? Правда ведь знаешь?

– Я… Да, знаю… Так что насчет моей матери? Она нам что-нибудь приготовит, а потом поедем спокойно дальше. К тому же у вас очень усталый вид. Дальше поведу я.

– Просто… Я очень спешу вернуться… Меня ждут близнецы…

– Ах, близнецы! Да, я знаю, ваши дочурки…

Люси хотелось взорваться, крикнуть, что Мари Муане давно гниет в земле, что ее дом продан. Что Манон следовало бы выучить про смерть матери, несмотря на страдания, на усилия, которые ей пришлось бы совершить. Что невозможно хранить в памяти только лучшее. Потому что жизнью заправляет худшее, которое закаляет людей и делает их сильными.

– Я понимаю, – сказала Манон. – Ничего страшного… Приеду с Фредериком… Мы, кажется, уже давно не навещали ее.

И она продолжала задавать вопросы, а Люси – вяло отвечать на них. Манон уже даже не помнила ни о том, что к расследованию подключился Тюрен, ни об их совместной поездке в Базель, и уж тем более о том, что он изнасиловал ее. Все пропало, бесследно исчезло куда-то… Однажды в ее жизни появятся другие Тюрены… И все начнется сначала… Спираль…

Сама не зная почему, Люси вдруг подумала про страдающего синдромом Корсакова молодого Михаэля, единственным прибежищем для которого в конечном счете станет психиатрическая лечебница, где он будет жить в безопасности, как заверил Ванденбюш. Неужели и Манон, несмотря на свой ум и железную волю, тоже окончит свои дни в подобном заведении, среди шизофреников и самоубийц?

Подавленная, растерянная, Люси все же ответила на звонок телефона, вибрировавшего на приборной доске.

Кашмарек.

Четверо остальных тоже арестованы.

С Профессором покончено навсегда.

А Манон, разглядывая себя в зеркале заднего вида, заметила:

– Как забавно выглядят эти рыжие волосы… Иногда у меня и правда бывают странные желания…

48

В Дюнкерке Клара и Жюльетта бросились в объятия матери. Уставшая после бессонной ночи за рулем Люси нежно прижала их к себе. А ведь еще чуть-чуть, и она могла бы утонуть в пещере.

Днем, по дороге домой, девчушки непрерывно болтали, наперебой рассказывая о маленьких событиях своей жизни. Люси слушала их, отвечала, но по мере того, как приближался Лилль, не могла не погрузиться в свои размышления. Одержимая Химерой, она опасалась возвращаться в свою квартиру.

Припарковавшись возле подъезда, она сразу заметила студентов, которые курили под навесом крыльца. Она взяла близнецов за руки и, не поднимая головы, вошла в вестибюль. Как можно скорее оказаться дома, запереть дверь. Избавиться от необходимости встречаться с ними взглядом. Не сейчас. Все у нее внутри перевернулось. Она даже не обратила внимания на то, что среди студентов находился Энтони.

Люси молча получила у консьержки новые ключи и заперлась на два оборота.

Увидев разбитое стекло в шкафу, она почувствовала, что ей нанесен еще один, очередной удар. Она бросилась к шкафу, словно в глубине души надеялась на чудо.

Но он был совершенно пуст.

Люси упала на кровать. К счастью, Клара и Жюльетта, снова оказавшись у себя в комнате, радовались своим игрушкам, своим играм. Им было так хорошо в их уютном маленьком пространстве.

Вдруг в дверь постучали. Всего один раз. Люси медленно повернула голову, потом, держа в руке носовой платок, поднялась с постели. Она открыла – и никого не обнаружила в пустом коридоре, тогда она сделала несколько шагов, подошла к стоявшим в вестибюле студентам, среди которых узнала Энтони, и спросила:

– Вы не заметили, никто не выходил? Только что.

Молчание. Студенты переглянулись, потом один из них рискнул ответить:

– Нет, никто не выходил…

Люси сжала кулаки:

– Долго вы еще будете изводить меня?

– Изводить вас? Да кто вас изводит? Что-то случилось, мадам?

Люси ретировалась. Она ничего не понимала. Откуда тогда этот стук в дверь? Просто упала какая-то игрушка? Или девочки пошутили? Возможно…

В кухне она налила себе большой стакан апельсинового сока, но не смогла сделать ни одного глотка. Тошнотворно. Сейчас она поедет за Манон в клинику, чтобы отвезти ее домой, в тупик Вашэ. Похоже, все будет очень сложно. Смерть Фредерика… Его причастность к преступлениям Профессора… Серия арестов… Это безумие…

Но Люси доверяла Ванденбюшу. Он сумеет принять верные решения, касающиеся будущего его пациентки… Свобода или же…

Также сегодня вечером Люси получит последние результаты расследования. Узнает, кто из четырех арестованных похитил Манон и убил Дюбрей… Во всяком случае, это не Ардэр и уж точно не Фредерик. В таком случае вопрос «зачем?» навсегда останется без ответа.

Люси вздохнула. Пусть теперь другие ищут ответы. Ее роль на этом заканчивается.

Люси медленным движением взболтнула сок в стакане и уставилась в пустоту. Потом вдруг решительно поставила стакан на стол, встала, снова села и опять встала.

Оказавшись в вестибюле, она окликнула:

– Энтони!

Студент поднял голову.

– Иди-ка сюда.

– Зачем?

– Подойди, и побыстрее, пожалуйста.

Он взглядом поискал поддержки товарищей, но те отводили глаза. Тогда он нерешительно приблизился:

– Послушайте, мадам… Мы видели полицейских у вас в квартире, мы знаем, что вашу дверь взломали… Но это не я…

– Мне все равно, ты или кто-то другой. Я просто хочу с тобой поговорить.

Молодой человек вслед за Люси вошел в квартиру. Вид играющих в комнате девочек успокоил его. Только бы не оставаться наедине с этой сумасшедшей…

Кухня. Люси закрыла дверь в гостиную.

– Вы не можете оставить ее открытой?

– Садись…

Энтони повиновался. Ладони у него вспотели. Люси устроилась на стуле напротив него.

– Я знаю, что один из вас выкрал содержимое моего шкафа. И что вы все в курсе.

Опустив глаза, Энтони повторил:

– Это не я…

– Хорошо, допустим, но что это меняет?

Ее дрожащий голос затих, и наступило нескончаемое молчание. Наконец молодая женщина снова заговорила:

– Я… Я не хочу, чтобы болтали глупости… Поэтому я расскажу тебе правду, а ты передашь остальным. Я могу на тебя рассчитывать?

Энтони кивнул и торопливо вытер вспотевший лоб.

Снова молчание… Люси трудно было начать свой рассказ. Снова, спустя столько лет, бередить рану… Позволить прикоснуться к своему прошлому, не ставя преград, ничего не скрывая…

– В этом шкафу хранились два снимка УЗИ. Ты их видел… Или я ошибаюсь?

– Э-э-э… Я видел тот, где ваши близнецы… Но…

– Это не мои дочки… Этот снимок достался мне от матери.

От удивления Энтони отпрянул:

– От вашей матери? Вы хотите сказать…

– Один из этих близнецов – я… Срок – три месяца, и я была десять сантиметров в длину… А на втором снимке мне пять месяцев. Я подросла. Ты, наверное, сумел разглядеть ручки, пальчики… темное пятно – голова, позвонки…

– Да-да, но… это не я, клянусь вам… И потом, я вообще ничего в этом не понимаю. Можно подумать, там третий ребенок, на втором снимке… Ребенок, которого…

– Которого я, скажем, разрезала на куски и положила в банку, да?

– Нет, не так… Но на том снимке только один младенец! А где ваш…

Энтони не договорил, внезапно осознав очевидное…

Люси посмотрела ему прямо в глаза:

– Да, Энтони, между третьим и пятым месяцем беременности мой близнец исчез. Я в буквальном смысле попросту… вобрала его в себя. Я поглотила свою сестру…

Не в силах продолжать, она обхватила голову руками. Она снова представила себе больничную палату, повязку на голове, лица врачей, отвратительные звуки, цвета, запахи… Сила памяти… Как же порой везет Манон, что у нее есть возможность выбора.

Она сделала над собой усилие и пробормотала:

– В небольшом сосуде в зеленоватой жидкости… плавают… прядь

волос, два ногтя и… три зуба… Я положила их в формалин. Все это нашли у меня в черепе, внутри уплотнения, которое медики называют внутричерепной дермоидной кистой.

Энтони все больше становилось не по себе. Неуверенным движением он сунул руку в карман джинсов.

– Э-э-э… Я с трудом понимаю, о чем вы говорите… Хотите носовой платок?

– Нет. Послушай, Энтони… Когда… когда я узнала правду, я провела все возможные и невозможные исследования… Бóльшая часть дермоидных кист формируется очень рано, на эмбриональной стадии… Что происходит: эктодерма, зародышевый наружный листок, из которого впоследствии образуются различные элементы, например кожа, волосы, зубы, попадает внутрь других тканей… Но это не мешает эктодерме развиваться… и влечет за собой скопление материала, который невозможно вывести… Он-то и составляет эту пресловутую дермоидную кисту… Как правило, она образуется в матке… Но в моем случае… она выросла под черепной коробкой… Боли появились в подростковом возрасте. В момент операции мне было шестнадцать.

– Ужас, что вы рассказываете! Ногти, зубы… там, в голове?

Люси отвела взгляд:

– Хуже всего то, что мой случай не полностью соответствует традиционному определению дермоидной кисты… Органическая ткань, извлеченная из моего черепа, принадлежала не мне… Правда заключается в том, что какая-то часть моей сестры-близнеца продолжала расти, развиваться во мне после того, как я ее поглотила…

– Это невозможно!

– Возможно… Много лет назад я провела анализ ДНК этой кисты… Зубы, ногти, волосы… – Она вздохнула. – Это была не моя ДНК… Я – то, что наука называет Химерой, Энтони. Химерой… Я виновна в смерти собственной сестры.

Студент уже не знал, как реагировать. Что за омерзительная история. И все же он сказал:

– Знаете, когда я увидел эту банку, я подумал, что… Не знаю… Что вы занимаетесь какими-то странными вещами, черной магией, например, или вуду. Что вы убили собственного ребенка и сохранили его останки… Что-то вроде той трагедии с замороженными младенцами. Но выходит… вы ведь даже еще не родились! Это не ваша вина! Это просто несчастный случай!

Люси грустно улыбнулась, поднялась со своего места и сказала:

– В любом случае ты или остальные должны вернуть мне то, что мне

принадлежит… Мне пора перерезать пуповину. Отделиться от моей сестры-близнеца. Навсегда…

Энтони тоже встал и неуклюже попятился в сторону кухни, не спуская глаз с Люси. Потом, немного помявшись в нерешительности, он выскочил, сгорбившись, чтобы сделаться совсем незаметным.

Спустя десять минут Люси подобрала у своей двери закрытую коробку.

В вестибюле никого не было.

Люси заперлась в ванной и поставила коробку на край раковины. Испытывая невыносимую боль, она вынула снимки УЗИ и банку, то, что с ранней юности стало кошмаром ее ночей и превратило ее в одинокое и непонятое существо.

Она могла так много дать другим, многим поделиться. В ней было столько любви. А она никогда не решалась. Из-за этого.

Со слезами на глазах Люси повернула кран, в последний раз застыла в нерешительности, а потом вылила в раковину содержимое банки, которое, скользнув по эмалированной поверхности, исчезло навсегда.

Химера умерла.

Наконец-то перед Люси открывалось будущее…

Эпилог

Манон, не выказав особого волнения, вернулась в свою квартиру.

Все свелось к простой череде точных движений, продиктованных процедурной памятью. Вставить ключ в замок, повернуть, войти и положить ключ на место, в чашечку рядом с телефоном. В конечном счете этот день ничем не отличался от других, кроме разве что утраты органайзера. По словам хорошенькой молодой женщины с белокурыми кудряшками, он сломался.

Сейчас бедняжка перечитывала инструкции, записанные на одном из листков, которые не выпускала из рук с момента возвращения домой.

«Доверять лейтенанту полиции Люси Энебель, войти в *panic room*, ввести код для открывания сейфа, посмотреть пароли, включить компьютер, выйти на сервер „MemoryNode“, загрузить защиту на новый „N-Tech“».

– Видите, у меня невозможно украсть память, – убежденно сказала она Люси, направляясь к тяжелой металлической двери. – Я была крайне осмотрительна.

Она набрала цифровой код, обернулась и, заметив вопрошающий взгляд Люси, объяснила:

– До произошедшего со мной несчастья я выучила наизусть несколько номеров. И теперь, как только вижу, что надо набрать код, я пробую их. Знаете, я ведь никого сюда не пускаю.

– После того, что мы обе только что пережили, я все же войду.

Не понимая, на что намекает Люси, Манон все же позволила ей войти и пропустила вперед. Молодые женщины проникли в недоступное для посторонних укрытие, стены которого пестрели приколотыми бумажками, статьями, фотографиями…

Очень скоро Люси запуталась в математических формулах, мудреных выводах, исторических фактах, личных записях… Сколько мыслей, которые на короткое мгновение посещали Манон, прежде чем перенестись на стены.

Спокойно, хотя не в силах преодолеть отвращения, лейтенант полиции направилась к фотографиям жертв и принялась снимать их, одну за другой.

Манон бросилась к ней и резко оттолкнула:

– Что вы делаете? Не трогайте!

Люси вздохнула и с привычным смирением ответила:

– Посмотри свои записи… Все кончено… Профессора больше не существует…

Манон нервно схватила свои листки и в очередной раз обнаружила фразы, которые сама же написала своим изящным мелким почерком.

«Ромэн Ардэр, директор фирмы по производству пиротехнических изделий, был убит группой полицейских, которых я сопровождала. Он умер на моих глазах».

Она перелистывала страницы этого невероятного повествования, подробно рассказывающего, как сама сначала обнаружила могилу Бернулли, затем пещеру на острове Рузик и обгорелые скальпы жертв. Как она тогда предупредила Люси Энебель, и по волосам, обнаруженным на месте преступления, сделали анализ ДНК убийцы и легко смогли добраться до него, поскольку ДНК Ардэра, разумеется, находилась в картотеке FNAEG[35].

Версия, достойная фильма «Эксперты».

Первую половину дня Манон провела, редактируя эти ложные сведения: объяснение случившегося, изложенное доктором Ванденбюшем на основании данных, полученных из полиции. Когда Люси приехала за Манон в клинику, невролог похвалил свою пациентку. По его словам, «она выбрала правду» – и это самое главное, теперь она сможет жить счастливо, несмотря на печальную сторону своей истории.

Манон подняла голову и глубоко вздохнула:

– Мне совершенно необходимо ввести это в память органайзера! Я сейчас все запишу, все выучу наизусть! Все кончено, Люси! Благодаря вам! Я чувствую себя такой… Не могу выразить, это необъяснимо… Я ощущаю огромный внутренний покой. Моя сестра наконец-то отомщена…

Она схватила Люси за руку и крепко пожала ее в знак благодарности, которую та была вынуждена неохотно принять.

Манон все же отказалась признать реальность и предпочла жить в коконе, вдали от грязи этого мира. Итак, судя по ее записям, Фредерик срочно уехал работать в Австралию, в международную компанию по производству схем RFID[36]. Он сохранит за собой свой дом в Лилле, а мать решила последовать за ним, чтобы спокойно жить на пенсии на берегу залива Порт-Филипп. Сказка какая-то. Можно подумать, конец романа.

И еще много другой лжи… Но лгать самой себе, даже не осознавая этого, является ли это ложью?

Сколько времени она так продержится? Кто будет отвечать на ее

письма в Австралию? Кто будет продолжать закрывать амбразуры, чтобы все шло хорошо и она не окончила свои дни в психиатрической лечебнице, как Михаэль? Кто это сделает? Ванденбюш? В самом-то деле, можно ли его осуждать? Кто вообще дал нам право судить? Манон хранит воспоминание о душевной теплоте матери, брата. Она живет только этими единственными крохами счастья, последним, что действительно связывает ее с жизнью. Так зачем нарушать эту связь сообщением о смерти? Зачем делать ее несчастной?

Тем более что никто не может представить себя на месте Манон.

Постепенно к ней вернутся прежние привычки, она снова будет плавать в своем аквариуме, как золотая рыбка. Кормить Мирту, убирать одежду в ящики, класть расческу справа от зубной щетки, ходить на тихий час в Свингедоу по толстым серым стрелкам, нарисованным на полу больничного коридора. А может быть, придумает себе новую цель, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся от завершенного преследования. Она найдет себе какой-нибудь стимул. Создаст иллюзию своей нужности.

Манон подошла к сейфу и без затруднений открыла его.

– Это я приобрела задолго до несчастного случая. Я держала там конфиденциальные документы. Его шифр всегда живет во мне, как мое прошлое. А внутри сейфа хранится с десяток паролей, которыми я запираю «N-Tech» и выхожу на сайт «MemoryNode».

Манон устроилась перед компьютером, он уже был соединен проводом с новым органайзером, который утром в клинике ей вручил Ванденбюш. Она открыла навигатор и связалась с удаленным сервером.

– Это один из первых навыков, которым учат в Свингедоу! Связываться с сервером «MemoryNode»! Он содержит последнюю сохраненную копию органайзера.

– Я знаю, твой невролог мне сказал. Ты сможешь восстановить свою память в новом аппарате. И… добавить туда недавние события, хеппи-энд… Мама и брат в Австралии, Профессор побежден…

На экране появился длинный список папок с разными датами.

– Много сохраненных копий? – поинтересовалась Люси, подходя поближе.

Манон нахмурилась:

– В самом деле странно. Я думала, что там всего одна. Что каждая новая сохраненная копия уничтожает предыдущую. Надо сказать, я никогда не использовала приложения для восстановления данных. Ну, то есть я так думаю… А на самом деле – понятия не имею…

– Десятки сохраненных копий… С января две тысячи шестого года…

То есть почти с момента появления «MemoryNode»…

Манон загрузила на свой компьютер последнюю копию от апреля 2007 года. А затем набрала другой шифр из списка, для открытия папки и расшифровки ее содержимого. Через несколько секунд показались данные: записи, фотографии, звуки.

– Я почти ничего не потеряла! – обрадовалась Манон, синхронизируя «N-Tech». – Копия датирована двадцать четвертым числом! Повезло, правда? Остались все мои соображения, записанные от руки, можно восстановить все! Окончательно закрыть папку «Профессор»! Ах, Люси… Как здорово!

Люси была озадачена. Раз эти данные были стерты из органайзера, значит то же произошло и с предыдущими сохраненными копиями? Никто не может быть в курсе этой системы, кроме Ванденбюша… Если как следует порыться в прошлом, возможно, там найдется объяснение курсов самообороны, уроков стрельбы, появления «беретты»?

За июнь 2006 года – всего одна папка, датированная двадцать пятым числом. Лейтенант ткнула пальцем в экран:

– Скажи, Манон, ты можешь скопировать эту папку? Мне бы очень хотелось взглянуть как раз на твои записи от четвертого июня.

– Зачем? Разве вас интересует мое унылое существование?

– 4 июня 2006 года на острове Рузик ты выцарапала на скале сообщение: «04.06.2006. Бродила часами. Ничего. Абсолютно ничего. ММ». Я хочу понять, что произошло…

– На острове Рузик? Что вы… Что ты такое говоришь?

– Доверься мне… Пожалуйста…

Манон повиновалась и подтвердила, что четвертого действительно была в Бретани.

Она прищурилась:

– Видишь иконку? Там есть аудиозапись на восемнадцать минут.

– Открой ее, – попросила Люси.

Они вдвоем принялись слушать. Манон рассказала, что переночевала одна в доме в Требердене, а потом Эрван Мальгорн отвез ее на остров…

«…Вот уже шесть часов я кружу по Рузику… Спираль Бернулли не ведет никуда… Остров соответствует моему воспоминанию, он такой же, как в то время, когда я бывала здесь с Фредериком… Изрезанные берега, неприступные скалы… здесь нечего искать, ровным счетом нечего… Темнеет… Вернуться в Треберден, а завтра поискать еще… Совершенно необходимо что-то найти… Первостепенно… Это первостепенно…»

Манон с беспокойством обернулась к Люси и спросила:

– Что это значит?

– Не знаю.

Лейтенант полиции скользнула мышкой на следующие даты: короткие аудиозаписи, заметки, встречи, бесполезные фотографии… Ничего необычного…

Потом, в последний день, 25 июня 2006 года, спустя три недели после авантюры на острове Рузик, опять более длинная запись: «Я впустую ищу и ищу. Вернуться к сделанным выводам. Я больше не продвигаюсь. Тупик. Но не может же все вот так вдруг прекратиться! Спирали, мои шрамы, Базель, Бернулли. Я не нахожу промаха, ошибки Профессора. Однако она кроется здесь, у меня под носом. Я наверняка пошла ложной дорогой. Профессор ускользнул от меня… Придется все начинать с нуля… Преследование должно продолжаться… Любой ценой».

Люси нахмурилась:

– Июль… Открой мне июльскую копию.

– Попробую… Но, честно говоря, я тебя не понимаю…

Манон нажала на другую копию и запустила расшифровку.

– Ну да, – бормотала Люси, – ну да… Каждая папка включает все содержимое твоего органайзера с самого начала. Следовательно, в июле мы должны обнаружить данные за период с января до июля 2006 года… В этой новой копии она переместилась на июнь. А именно на 4 июня…

И больше ничего. Никаких упоминаний ни острова Рузик, ни Требердена, ни спиралей. То же самое и в последующие дни. Ничего ни о тревожном состоянии Манон, ни о ее отчаянии. Все стерто между июнем и июлем.

Люси почувствовала, как внутри у нее все сжалось, ее охватило страшное предчувствие. Что-то невообразимое.

Она попросила Манон загрузить с сервера все сохраненные на жестком диске копии. Это заняло больше получаса. В конце концов сидящая в кресле Манон уснула от усталости.

А Люси принялась просматривать файлы.

И тут она поняла. Ей показалось, что мир рушится вокруг нее. То, что она только что прочла, выглядело немыслимым. К сожалению, предчувствие не обмануло ее. Она подняла на Манон грустные глаза и бросила:

– Боже мой… Это ты… Это ты все стерла…

Манон резко проснулась. Внезапный страх, прежде чем она увидела на своих бумажках: «Доверять лейтенанту полиции Люси Энебель…» – и описание молодой сотрудницы полиции.

– Как? Что стерла?

– Каждый раз, заходя в тупик, ты пыталась начать с нуля… Тебе хотелось создать для себя иллюзию, будто ты продолжаешь двигаться вперед, приближаешься к Профессору… Чтобы чувствовать себя живой, ты не могла остановиться. У тебя не было ничего, кроме… этой цели… Найти его…

Люси щелкнула мышкой по резервной копии 2006 года и включила звукозапись. На ней явственно слышался голос Манон: «18 октября 2006 года… Я в полной растерянности… Чувствую себя опустошенной и бесполезной. Лучше даже сказать, раздавленной. Желание говорить, кричать, поделиться. Но никого нет. Только этот остров. Эта скала. И мой «N-Tech». Так что я расскажу. Расскажу обо всем, что давит мне на сердце, чтобы это осталось. Боже мой… Я уже тут была… 4 июня, четыре месяца назад! Это нацарапано здесь, прямо передо мной. Моим почерком. Я сейчас прикасаюсь пальцами к буквам, и это действительно мой почерк. Это невозможно… Я уже бродила по этим пляжам, по этой гальке, карабкалась по скалам. Запись, сделанная утром в моем органайзере, свидетельствует о том, что Эрван Мальгорн вспомнил, что уже привозил меня сюда. Это было в июне прошлого года. Июнь 2006-го, как это возможно? В моем органайзере об этом ни слова! И ничего до июня, где говорилось бы о Базеле, могиле Бернулли, спирали! Я думаю… Кто-то все стер… Наверняка… И я боюсь того, что это могла сделать я… Потому что этот кто-то… у меня есть глубокое подозрение, что это я сама… Я чувствую, что способна поступить так… Что же теперь делать? Вернуться? Вернуться и все бросить?»

Казалось, Манон загипнотизирована звуком собственного голоса.

Люси щелкнула по вкладкам.

– В предыдущих заметках ты рассказываешь, что ездила в Базель со своим братом. Цитирую: «Во внутренней галерее, рядом с могилой Бернулли, Фредерик помог мне нанести надрезы на мое тело. Но ни он, ни я не понимаем смысла послания на моем животе. Что оно означает?» Несмотря на этот вопрос, ты все же поняла, что надо наложить изображение спирали на карту Франции. Фредерик ничего не сумел сделать, чтобы помешать тебе. Тогда ты приняла решение в одиночку отправиться в Бретань. Ты написала: «Я не хочу втягивать Фредерика в это дело больше, чем он уже в нем замешан. Я отправлюсь туда тайком».

Манон испуганным движением подняла рубашку, прочла у себя на животе имя швейцарского математика и закричала:

– Это все глупости! Полный бред!

– Я ничего не придумала, Манон, все это ясно записано у тебя в старых сохраненных копиях. В последующих записях, после твоей второй неудачной поездки на остров Рузик, чувствуется, что ты подавлена. Ты снова замечаешь, что тебе не удается продвигаться вперед, что ты ходишь по кругу, что тебе никогда ничего не добиться без посторонней помощи. Эта мысль преследует тебя днем и ночью. И именно тогда… ты в Интернете случайно находишь старые статьи, рассказывающие о моем расследовании «комнаты мертвых»…

Манон слушала не шевелясь, совершенно раздавленная тяжестью этих открытий. Люси продолжала:

– Ты узнаешь, что я живу в Лилле, что я лейтенант полиции, что меня чрезвычайно интересует психология серийных убийц… Для тебя это – как манна небесная. Именно я тебе нужна, чтобы быть рядом, чтобы помогать преследовать Профессора. Женщина… Женщина – потому что ты больше не доверяешь мужчинам, ты чувствуешь себя чересчур уязвимой… Ты снова уничтожаешь все, что связано с Бернулли и островом Рузик; теперь ты выбираешь иной путь. Гораздо более зловещий. Ты начнешь следить за мной, тайком фотографировать меня. Именно тогда ты сумеешь привести в действие свой дьявольский замысел!

– Нет-нет, это невозможно…

– Ты ведь это знаешь, верно? В глубине души ты знаешь, что была готова на все, чтобы достичь своей цели. Ты об этом не помнишь, но ты это знаешь! Потому что ты это сделала!

– Да что я сделала, черт возьми?

Люси посмотрела Манон прямо в глаза. Внезапно все стало просто и логично. В конечном счете на редкость логично. Она продолжала:

– Если тебе самой не удается прийти к Профессору, будет достаточно, если он придет к тебе… Нужно только поднять полицию, заставить ее снова начать расследование, выбрав удачную мишень. В данном случае – меня!

– Вы… Да что вы такое говорите! Как вы смеете?

– Посмотри, что я нашла! Памятку, которая с предельной точностью воспроизводит черновик твоего сценария! И таких описаний огромное количество. Они становятся детальнее по мере приближения к решающему акту: убийству Дюбрей и имитации похищения! Ты хочешь понять, как все это зародилось и вызрело у тебя в голове? Как тебе удалось обойти собственную амнезию и даже использовать ее как силу?

Испуганная, дрожащая, Манон сделала шаг назад.

– Так вот послушай! – воскликнула Люси. – Я знаю, что ты сразу же

все забудешь, но я хочу, чтобы ты знала! Забывать так легко! И сохранять в памяти только лучшее, чтобы жить с чистой совестью!

Она принялась читать:

– «…Первый этап: раздобыть оружие. Найти в Интернете хороший контакт. Получив револьвер, спрятать его на шкафу в спальне и поставить звуковое оповещение в органайзере на 25 апреля 2007 года. Потому что именно на следующий день после события все закрутится… Поскольку я сразу забуду, зачем мне нужен револьвер, мне придется постоянно носить оружие при себе. Оно позволит мне защититься, если он все-таки доберется до меня. И я смогу застать его врасплох, посмотреть ему в глаза и засунуть ствол ему в рот.

Второй этап: записаться на курсы стрельбы и самообороны. Причина та же: научиться защищаться.

Третий этап: проблема наутилуса. Если я куплю его в магазине товаров для рыбалки, это может оказаться уликой. Также не может быть речи о поездке за границу. Остается только мыс Блан-Не. Там с легкостью можно раздобыть аммониты. Судмедэксперт без проблемы идентифицирует спираль. Тогда полиция установит сходство между наутилусом и аммонитом, и не останется сомнений, что речь идет о Профессоре.

Четвертый этап: выучить все, что сегодня существует, относительно криминалистики. Учить каждый день. Чтобы избежать ошибок.

Пятый этап: стрихнин. Как можно раньше запастись им. Ночью. Его еще полно в старых амбарах на фермах.

Шестой этап: организация „дела“. Придумать достаточно замысловатую математическую загадку, чтобы никто, кроме меня, не понял. Тогда я стану главным, необходимым элементом расследования. Я буду нужна. Слава богу, старая садистка еще жива. Так что пусть это будет она. Никаких сомнений. Она заслужила смерть. Заслужила, по-настоящему заслужила. Я должна убеждать себя в этом. Постоянно. Буду думать о замученных детях, когда придется смотреть ей в глаза.

…Остается придумать, каким образом я включусь в расследование, чтобы это не показалось странным… Встретиться с этой Люси Энебель. И сделать так, чтобы она уже не могла меня бросить. Стать незаменимой».

Люси была потрясена. Она медленно подняла голову.

– Чем дальше мы читаем твои записи, – сказала она, – тем очевидней, как ты оттачиваешь свой план. Малейшая деталь продумана, проанализирована, тщательно разобрана… Если говорить о предумышленности, то тебе нет равных… Самое страшное в том, что тебе удалось осуществить все это, ничего не заучивая наизусть, не запоминая.

Только при помощи звуковых сигналов и напоминаний, которые ты каждый раз читала.

– Нет-нет, я не делала ничего подобного… Вы… Что ты такое говоришь!

Манон заметалась по комнате, как лев в клетке, царапая ногтями стены.

– Вот-вот! – воскликнула Люси. – Хочешь убежать от реальности, забыть, как ты это уже столько раз проделывала! Но я не собираюсь останавливаться! Я пойду до конца! Ты помнишь дом с привидениями в Эме? Эти десятичные знаки? Так вот, это ты их нарисовала! Послушай как следует, что ты написала: «Буду писать левой рукой, чтобы не смогли идентифицировать мой почерк». Но ты много раз забывала о своем решении и тогда писала правой. Эти цифры находятся у тебя в органайзере, там их целые страницы! Сколько времени ты на них потратила?

Люси резко встала и продолжала:

– Ты всего-навсего четко следуешь указаниям, оставленным в твоем органайзере. Ты доверяешь себе, только и всего… Ходишь на уроки в тир, на занятия по самообороне. Регулярно в небольших количествах покупаешь спички. Едешь на мыс Блан-Не, чтобы, используя зубило, подобранное в одной из квартир Фредерика, отколоть там куски аммонита. Ты делаешь успехи с «MemoryNode», – это придает тебе силы, и с его помощью ты становишься более самостоятельной. Тебе даже удается стать лицом «N-Tech». А это дает тебе дополнительный козырь. Все складывается как нельзя лучше. Разумеется, ты действуешь втайне. Ни брат, ни Ванденбюш не знают о твоих планах. Придуманная тобой система паролей очень эффективна, и никто, кроме тебя, не имеет доступа к твоей информации. Ты много раз ездишь в Роэ, знакомое тебе с детства место, пять или десять раз наведываешься в охотничий приют в Реме, чтобы убедиться, что тебя никто не опередил и там не поселился. Накануне своего псевдопохищения ты пишешь эту пресловутую загадку: «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00». Ты оставляешь на месте веревку и разбрасываешь тысячи спичек.

– Прекратите! Прекратите молоть ерунду!

– Это не ерунда! Хочешь прочесть? Хочешь сама прочесть, что ты записала? Подойди! Узнай правду!

Манон со слезами на глазах прижалась к стене:

– Нет! Нет!

– В последней резервной копии, сделанной до преступления, ты четко расписываешь каждый час, каждую минуту своего адского замысла. Утром

ты отправилась на Голубое озеро, припарковалась «возле расположенных кружком деревьев», миновала заросли, надела перчатки, шапку, постучала в дверь, зная, что Дюбрей наверняка откроет безобидной с виду молодой женщине. Затем ты действовала, как Профессор… Идеальная имитация. В органайзере нет никаких описаний твоих поступков. Были ли у тебя перед глазами инструкции, когда ты убивала старуху? Или ты положилась на свою интуицию? Что ты чувствовала во время убийства? Злость – потому что эта садистка была тебе так отвратительна? Сколько раз ты повторяла мне, что она заслуживает свою участь?

– Замолчите! Я больше не выдержу! Я не понимаю, о чем вы говорите!

– Не понимаешь или делаешь вид? Я, что ли, придумала все эти инструкции? «Вымыть пол жавелевой водой». «Выглянуть наружу, прежде чем выйти». «Закрыть дверь». «Сесть в машину». «Вернуться домой». Настоящее руководство по эксплуатации!

От гнева Люси покраснела. Справившись с дыханием, она заговорила:

– И вот ты вернулась домой. Дюбрей мертва, конец утра, около полудня… Твой брат не солгал мне. Он действительно видел тебя в 9:10, как раз перед тем, как ты собралась совершить свое преступление.

– Мой брат? Почему вы говорите о Фредерике?

– И тут наступает деликатный момент. Когда ты решаешь все уничтожить. Итак, полдень. Ты только что убила Дюбрей и вернулась домой. У тебя в органайзере записано, что ты должна фиксировать на листе бумаги все действия, которые ты собираешься совершить. В каком-то смысле в момент перехода к последней фазе своего хитроумного замысла бумага станет зеркальным отражением твоего прибора.

Скопировав то, что тебя интересовало, ты тщательно удалила из органайзера все компрометирующие сведения, все следы подготовки преступления. Занятия по самообороне, «беретту», аммонит, спираль Бернулли, данные, касающиеся меня… Короче, ты собиралась снова начать с нуля, но с солидными козырями на руках: поддержкой полиции, рекламной кампанией и всем остальным… Ты допустила всего одну ошибку: полагая, что ты уничтожила предыдущую резервную копию, а следовательно, и все следы на сервере «MemoryNode», ты на самом деле только добавляла еще одну к остальным, уличающим тебя.

Теперь лейтенант полиции со всей ясностью могла представить себе каждый этап коварного плана Манон.

– Затем ты оставляешь «N-Tech» возле компьютера и с этого момента следуешь исключительно инструкциям, записанным на бумаге. На этом листке указано, что ты должна оставаться одетой в спортивный костюм и

кроссовки, выйти так, чтобы тебя никто не заметил – что несложно в твоем тупике, – доехать на автобусе до Валансьена, потом по пешеходным дорожкам дойти до Рема, чтобы выбиться из сил… чтобы все выглядело более правдоподобно. Врач «скорой помощи» обратил внимание на твои опухшие, стертые до крови ноги… Я не стала вникать в эти детали, а следовало бы! Ведь охотничья хижина расположена очень близко от того места, где тебя подобрала машина! И твои ноги не могли так пострадать от блужданий по Лиллю!

Удары по стене. Манон бьет по ней кулаком.

– Ты можешь постараться потерять память, – бросила Люси. – Но это ничего не изменит в реальности. – И она невозмутимо продолжала: – Прежде чем прийти в охотничий приют, ты острым камнем режешь свою ладонь. Ты пишешь: «Пр вернулся», а потом выбрасываешь камень. Оказавшись в хижине, усталая, едва переведя дух, с окровавленной ладонью, ты трешь себе запястья и щиколотки веревкой, чтобы остались следы, покидаешь охотничий приют и выходишь на дорогу. Остальное известно. Какой-то мужчина подбирает тебя и довозит до Лилля. Ты бродишь по улицам, затем избавляешься от шпаргалки и попадаешь в студенческое общежитие по соседству с моей квартирой. Цитирую: «Вырви, а потом выброси листок, когда доберешься до общежития. *Доверься себе*…» Вот почему, Манон, у тебя сложилось впечатление, что ты знала меня, не понимая откуда!

Люси выключила компьютер и глубоко вздохнула:

– И все же, несмотря на все, что ты сделала, несмотря… на твое преступление, я верю, что ты была честна со мной… Ты стала жертвой собственного вымысла… Ты действительно поверила, что была похищена Профессором… Ты действительно ходила по кругу… Ты изрезала себе живот, на тебя напал Ардэр… Ты чуть не умерла.

Лейтенант полиции уже не отличала добра от зла. Все спуталось у нее в голове.

– И тебе удалось… Благодаря твоему упорству. Благодаря твоей воле каждый раз начинать сначала… Ты продолжала преследовать Профессора, сражаться с собственными призраками… Там, где мы потерпели неудачу, ты справилась… Ты нашла Профессора… И Охотника… Ты восстановила справедливость для семей всех погибших… Манон… Что с тобой будет? Едва ты поймешь, что произошло, как сразу же все забудешь… Как тебя судить, Манон? Как можно представить тебя на суде, если ты не сможешь понять, за что ты попала на скамью подсудимых? Как вообразить тебя за решеткой, во враждебном окружении, если ты непрестанно будешь

спрашивать себя: а что я здесь делаю?

Теперь Люси слушала свое сердце, на время позабыв о звании полицейского.

– Ты знала, что лицо Дюбрей сотрется из твоей памяти сразу же после убийства. Ты выбрала чудовище, а не безвинного человека… Дюбрей истязала… истязала своих детей, а на их месте могли бы быть мои дочери. Заслуживает ли она, чтобы ты расплачивалась за нее? Я… Не думаю… Тебе нужна новая жизнь… Прошлое должно остаться позади. Отрежь пуповину, как только что сделала я со своей Химерой… И я буду рядом, чтобы помочь тебе…

Трижды подряд прозвонил «N-Tech»: два длинных и один короткий. Манон подняла указательный палец:

– Ах, Мирта! Пора кормить ее! Подождете меня здесь?

Когда Манон вышла, Люси снова включила компьютер и медленно, одну за другой, стала выделять папки на внешнем сервере. А потом нажала кнопку «удалить».

– Никто никогда не узнает, Манон… Эта тайна принадлежит тебе… Нам…

К читателю

Две жертвы Профессора столкнулись с задачей Эйнштейна. Речь идет об упражнении на логику, не требующем особого знания математики, а лишь определенного упорства.

Вот ее содержание:

«Пять домов разного цвета стоят в ряд. В каждом из них живет человек другой национальности. Каждый из этих людей пьет определенный напиток, курит свой сорт сигарет, выращивает животное. Ни у кого нет одинаковых животных, никто не курит одинаковых сигарет и не пьет одинаковых напитков.

Англичанин живет в красном доме.

У шведа есть собака.

Датчанин пьет чай.

Зеленый дом находится слева от белого.

Хозяин зеленого дома пьет кофе.

У того, кто курит «Пэл-Мэл», есть птичка.

Тот, кто живет в желтом доме, курит «Данхил».

Тот, кто живет в центре, пьет молоко.

Норвежец живет в первом доме.

Тот, у кого есть лошадь, живет в синем доме.

Тот, кто курит «Филип Моррис», пьет пиво.

Немец курит «Мальборо».

Норвежец живет рядом с синим домом.

Сосед того, кто курит «Ротманс», пьет воду.

Тот, кто курит «Ротманс», живет рядом с тем, у кого есть кошка.

У шведа живет собака.

У кого живет рыбка?»

Вы также сможете развлечься, убедившись, что в этом романе солнце никогда не освещает небо, на всем протяжении повествования затянутое тучами или темное. А среди сотен тысяч слов, из которых соткана интрига, вы никогда не увидите слова «удовольствие», «радость» или «надежда».

Потому что они не годились для подобной истории. Или, возможно, потому, что я сам настолько увлекся болезненными играми Профессора и дошел до того, что изобрел свою…

notes

Сноски

1

ISEN – Высшая инженерная школа высоких цифровых технологий.

2

ICAM – Высшая школа инженеров широкого профиля.

З

HEI – Высшая инженерная школа.

4

ГОМК – гамма-оксимасляная кислота, то же, что гамма-гидроксибутират. Применяется в медицине в качестве седативного и ноотропного средства. Может вызвать сонливость, психомоторное возбуждение, амнезию, бессознательное состояние и смерть. Во многих странах не входит в перечень лекарственных средств. Считается препаратом, используемым насильниками для воздействия на жертву.

5

См. «Комната мертвых». *(Примеч. авт.)*

6

Узелок на память *(англ.)*.

7

Простой герпес *(лат.)*.

8

«Руководство по анатомии» *(лат.)*. Возможно, имеется в виду трактат голландского анатома Николаса Тульпа (1593–1674).

9

Вероятно, это отсылка к Белому Кролику в перчатках из «Алисы в Стране чудес».

10

Прозопагнозия, или лицевая агнозия, – это расстройство восприятия лица, при котором способность узнавать лица потеряна, но способность узнавать предметы в целом сохранена.

11

Математический институт Клэя – частная некоммерческая организация, расположенная в Кембридже, штат Массачусетс (США). Был основан в 1998 году бизнесменом Лэндоном Клэем.

12

Фестский диск – уникальный памятник письменности предположительно минойской культуры эпохи средней или поздней бронзы, найденный в городе Фест на острове Крит. Помимо прочих, существует ряд гипотез о нелингвистическом характере изображений Фестского диска.

13

Речь идет о задаче Бюффона о бросании иглы – одном из первых примеров применения метода Монте-Карло и рассмотрения понятия геометрической вероятности. Задача была сформулирована Бюффоном в 1777 году. Оказалось, что эта задача сделала возможным определение числа «пи» вероятностными методами.

14

Чин младшего начальствующего состава в полиции.

15

RSA (аббревиатура от фамилий Rivest, Shamir и Adleman) – криптографический алгоритм с открытым ключом, основывающийся на вычислительной сложности задачи факторизации больших целых чисел.

16

См. пояснительную записку для читателей в конце книги. *(Примеч. авт.)*

17

УЛИПО (*фр*. OULIPO, сокращение от «Ouvroir de littérature potentielle» – «Цех потенциальной литературы») – объединение писателей и математиков, поставившее своей целью научное исследование потенциальных возможностей языка путем изучения известных и создания новых искусственных литературных ограничений, под которыми понимаются любые формальные требования к художественному тексту (например, определенный стихотворный размер или отказ от использования некоторых букв). Основано в Париже в 1960 году математиком Франсуа Ле Лионне и писателем Раймоном Кено. Среди наиболее известных участников объединения – литераторы Жорж Перек, Итало Кальвино, Жак Рубо, художник Марсель Дюшан.

18

Полицейская информационная картотека МВД Франции, где данные формируются по схожести преступлений.

19

SALVAC – программа, основанная на анкете из 168 пунктов, созданная по образцу американской программы VICAP, позволяющей установить связи между различными преступлениями. *(Примеч. авт.)*

20

Фракта́л (*лат.* fractus – дробленый, сломанный, разбитый) – множество, обладающее свойством самоподобия (объект, в точности или приближенно совпадающий с частью себя самого, то есть целое имеет ту же форму, что и одна или более частей).

21

Медленный сон наступает сразу после засыпания и длится 80–90 минут. Быстрый следует за ним и длится 10–15 минут.

22

Тело *(греч.)*.

23

Грегорио Алле́гри (*ит.* Gregorio Allegri; 1582–1652) – итальянский композитор и священник. Долгое время партитура «Miserere» была недоступна для широкой публики. К партитуре имели доступ только музыканты, исполнявшие его один раз в год в Сикстинской капелле. По легенде, дарованием сочинения широкой публике мир обязан гению юного Моцарта, посетившего с отцом Ватикан в 1770 году. Моцарт запомнил сочинение целиком на слух и в точности записал по памяти, таким образом создав «контрафактную» копию. Вариант, записанный Моцартом, не сохранился.

24

Геминеглект – игнорирование больным с контрлатеральной пораженной областью коры головного мозга половины пространства и тела (например, при выполнении таких действий, как умывание, одевание).

25

Стильно *(англ.)*.

26

Мини-исследование когнитивного состояния.

27

Ровная лужайка на поле для игры в гольф между меткой и лужайкой перед лункой.

28

Это отсылка к раннему роману автора: *F. Thilliez.* «Conscience animale», 2002.

29

«Удивительная спираль» *(лат.)*.

30

«Якоб Бернулли, несравненный математик, базельский академик…» *(лат.)*

31

SMTP-сервер – это сетевой протокол, который служит для отправки электронной почты. SMTP расшифровывается как Simple Mail Transfer Protocol, что в переводе означает «простой протокол передачи почты».

32

Олуши (*лат*. sula) – род крупных морских птиц из семейства олушевых, отряда пеликанообразных. Другое название – глупая крачка.

33

Проблемы Ги́льберта – список из 23 кардинальных проблем математики, представленный Давидом Гильбертом на II Международном конгрессе математиков в Париже в 1900 году. На данный момент решены 16 из 23 проблем, охватывающих основания математики, алгебру, теорию чисел, геометрию, топологию, алгебраическую геометрию, группы Ли, вещественный и комплексный анализ, дифференциальные уравнения, математическую физику и теорию вероятностей, а также вариационное исчисление.

34

Фильм Питера Уэйра (1989) по одноименному роману американского писателя Н. К. Клейнбаума.

35

Fichier Nationnal automatise des empreintes genetiques *(фр.)* – Национальная автоматизированная картотека ДНК.

36

RFID (*англ.* Radio Frequency IDentification) – способ автоматической идентификации объектов, в котором посредством радиосигналов считываются или записываются данные, хранящиеся в транспондерах, или RFID-метках.

Table of Contents

Франк Тилье Фантомная память
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
Эпилог
К читателю
Сноски
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36